ISSN 2219-6838

ЭЛЕКТРОННОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ К «РОССИЙСКОМУ ЮРИДИЧЕСКОМУ ЖУРНАЛУ»

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ, ИНФОРМАЦИОННОЕ И ПРАКТИЧЕСКОЕ ИНТЕРАКТИВНОЕ ИЗДАНИЕ

Основано в 2010 году

4/2017

electronic.ruzh.org

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор – к. ю. н., доц. **И. В. Федоров**

д. ю. н., проф. **А. С. Барабаш**; к. ю. н., доц. **Ю. С. Безбородов** (*зам. гл. редактора*); д. ю. н., проф. **В. С. Белых**; д. ю. н., проф. **Л. Ю. Василевская**; д. ю. н., проф. **Д. В. Винницкий**; к. ю. н. **О. Г. Геймур**; д. ю. н., проф. **С. Ю. Головина**; к. ю. н., доц. **Д. В. Жернаков**; д. ю. н., проф. **С. К. Загайнова**; д. ю. н., проф. **Т. В. Заметина**; д. ю. н., проф. **С. В. Кодан**; к. ю. н. **Я. Койстинен** (Финляндия); д. ю. н., проф. **А. Н. Кокотов**; к. ю. н., проф. **Т. В. Кондрашова**; д. ю. н. проф. **П. И. Кононов**; к. ю. н., доц. **Т. Е. Логинова**; д. ф. н., проф. **И. П. Малинова**; д. и. н., проф. **В. П. Мотревич**; д. ю. н., проф. **В. В. Невинский**; д. ю. н., проф. **В. В. Никишин**; проф. **П. Поликастро** (Польша); д. ю. н., доц. **С. Б. Поляков**; д. ю. н., проф. **В. Ф. Попондопуло**; к. ю. н., доц. **О. Н. Родионова**; к. ю. н., проф. **Р. К. Русинов**; д. ю. н., проф. **П. И. Савицкий**; д. ю. н. проф. **Е. В. Смахтин**; д. ю. н., проф. **Ю. Н. Старилов**; д. ю. н., проф. **И. А. Тарханов**; д. ю. н., доц. **В. Л. Толстых**; д. ю. н., проф. **А. Трунк** (ФРГ); д. ю. н., проф. **М. Ю. Федорова**; проф. **Хуан Даосю** (Китай); проф. **П. Шокинс** (Бельгия)

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief – **I. V. Fedorov** (candidate of law, assoc. prof.)

A. S. Barabash (doctor of law, prof.); **Yu. S. Bezborodov** (candidate of law, assoc. prof.); **V. S. Belykh** (doctor of law, prof.); **L. Yu. Vasilevskaya** (doctor of law, prof.); **D. V. Vinnitskiy** (doctor of law, prof.); **O. G. Geymur** (candidate of law, assoc. prof.); **S. Yu. Golovina** (doctor of law, prof.); **D. V. Zhernakov** (candidate of law, assoc. prof.); **S. K. Zagaynova** (doctor of law, prof.); **T. V. Zametina** (doctor of law, prof.); **S. V. Kodan** (doctor of law, prof.); **Ja. Koistinen** (candidate of law) (Finland); **A. N. Kokotov** (doctor of law, prof.); **T. V. Kondrashova** (candidate of law, prof.); **P. I. Kononov** (doctor of law, prof.); **T. E. Loginova** (candidate of law, assoc. prof.); **I. P. Malinova** (doctor of philosophy, prof.); **V. P. Motrevitch** (doctor of history, prof.); **V. V. Nevinskiy** (doctor of law, prof.); **V. V. Nikishin** (doctor of law, prof.); **P. Policastro** (prof.) (Poland); **S. B. Polyakov** (doctor of law, assoc. prof.); **V. F. Popondopulo** (doctor of law, prof.); **O. N. Rodionova** (candidate of law, assoc. prof.); **R. K. Rusinov** (candidate of law, prof.); **P. I. Savitskiy** (doctor of law, prof.); **E. V. Smakhtin** (doctor of law, prof.); **Yu. N. Starilov** (doctor of law, prof.); **I. A. Tarkhanov** (doctor of law, prof.); **V. L. Tolstykh** (doctor of law, assoc. prof.); **A. Trunk** (doctor of law, prof.) (Germany); **M. Yu. Fedorova** (doctor of law, prof.); **Huang Daoxiu** (prof.) (China); **P. Schoukens** (prof.) (Belgium)

Редакционная коллегия определяет текущую редакционную политику журнала, рассматривает и утверждает содержание очередных номеров, контролирует деятельность журнала

Адрес редакции: 620137, Екатеринбург, ул. Комсомольская, 23, оф. 207
Корреспонденцию, материалы и статьи направляйте по адресу:
620137, Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21, УрГЮУ,
редакция «Российского юридического журнала».
Тел./факс (343) 375-54-20. electronic.ruzh.org.
E-mail: ruzh@usla.ru.
Свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС 77-41478 от 28 июля 2010 г.

Точки зрения авторов статей, иных материалов не обязательно совпадают с точкой зрения редакции.
Перепечатка статей и иных материалов, опубликованных в «Электронном приложении к „Российскому юридическому журналу“», допускается только с разрешения редакции

© Уральский государственный юридический университет, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

ГОСУДАРСТВОВЕДЕНИЕ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Русинов Р. К. (Екатеринбург) О некоторых путях выхода из ситуации деформации социального института «высшее образование» ... 7

Корсаков К. В. (Екатеринбург) Трудящиеся-мигранты в современной России: некоторые проблемы и пути их решения ... 14

Михайленко Е. Б., Вербицкая Т. В. (Екатеринбург) Проблема сохранения Будапештского меморандума как действенной гарантии ядерной безопасности ... 22

ТЕОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

Януш Е. В. (Иркутск) О соотношении понятий «юридическая деятельность», «правоохранительная деятельность» и «правозащитная деятельность» ... 38

Устюжанина Е. В. (Екатеринбург) Принцип достоверности информации: постановка проблемы ... 47

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Мочалов А. Н. (Екатеринбург) Правовое положение национальных меньшинств: обзор некоторых подходов в международном праве ... 53

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Ширяев А. Ю. (Кушва) Феноменология вменения в уголовной юриспруденции ... 69

Стельмах В. Ю. (Екатеринбург) Заключение специалиста в уголовном судопроизводстве: правовая природа и перспективы использования в доказывании ... 77

ВОПРОСЫ СЛЕДСТВЕННОЙ И ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Драпкин Л. Я., Долинин В. Н., Шуклин А. Е. (Екатеринбург) Использование криминалистического портрета преступника в расследовании серийных убийств ... 93

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Малинова А. Г. (Екатеринбург) Семейное право и псевдогендерная идеология ... 102

Усольцев М. М. (Екатеринбург) Понятие процессуального срока в различных видах судопроизводства Российской Федерации ... 111

ЭКОНОМИКА И ПРАВО

Извеков С. С. (Екатеринбург) Предпосылки для применения арбитражными управляющими упрощенной системы налогообложения ... 121

Муратшина К. Г. (Екатеринбург), Шевелева В. П. (Москва) Китай и ВТО: интеграция в клуб мировых держав как долговременная стратагема? ... 129

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Костогрызова Л. Ю. (Екатеринбург) Симфония властей как принцип государственного права Византии ... 138

Константинов С. И. (Екатеринбург) Судить невозможно отпустить... Февральская революция 1917 г. и попытки привлечения к ответственности деятелей свергнутого режима ... 147

ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЕНОГО

Кожевникова Е. О. (Екатеринбург) Сравнительная характеристика гражданского процессуального представительства в странах постсоветского пространства 154

Екимов А. А. (Екатеринбург) Валютные ценности как предмет преступления: вопросы определения стоимости 165

CONTENTS

PUBLIC ISSUES AND POLITICAL SCIENCE

Rusinov R. K. (Yekaterinburg) On some ways out of the situation of deformation of the «higher education» social institution 7

Korsakov K. V. (Yekaterinburg) Migrant workers in modern Russia: some problems and ways of their solution 14

Mikhailenko E. B., Verbitskaya T. V. (Yekaterinburg) Problem of preserving the Budapest Memorandum as an effective guarantee of nuclear safety 22

THEORY OF LAW AND STATE

Yanush E. V. (Irkutsk) On correlation of concepts «legal activity», «law-enforcement activity» and «advocacy activity» 38

Ustyuzhanina E. V. (Yekaterinburg) The principle of reliability of information: a problem statement 47

INTERNATIONAL LAW

Mochalov A. N. (Yekaterinburg) The legal status of national minorities: the overview of some approaches in international law 53

CRIMINAL LAW AND PROCEDURE

Shiryaev A. Yu. (Kushva) Phenomenology of imputation in criminal jurisprudence 69

Stel'makh V. Yu. (Yekaterinburg) Conclusion of a specialist in criminal proceedings: the legal nature and prospects of the use in proving 77

QUESTIONS OF INVESTIGATION AND OPERATIVE-RESEARCH ACTIVITY

Drapkin L. Ya., Dolinin V. N., Shuklin A. E. (Yekaterinburg) The use of forensic portrait of a perpetrator in the investigation of serial murders 93

CIVIL LAW AND PROCEDURE

Malinova A. G. (Yekaterinburg) Family law and pseudogender ideology 102

Usol'tsev M. M. (Yekaterinburg) The concept of a procedural period in various types of court procedure of the Russian Federation 111

ECONOMICS AND LAW

Izvekov S. S. (Yekaterinburg) The grounds for applying the simplified tax system by bankruptcy managers 121

Muratshina K. G. (Yekaterinburg), Sheveleva V. P. (Moscow) China and the WTO: integration into world powers' club as a longterm stratagem? 129

PAGES OF HISTORY

Kostogryzova L. Yu. (Yekaterinburg) The symphony of powers as a principle of the Byzantine state law 138

Konstantinov S. I. (Yekaterinburg) To judge impossible to release... The February Revolution of 1917 and attempts to prosecute the officials of the subverted regime 147

YOUNG SCIENTIST'S TRIBUNE

Kozhevnikova E. O. (Yekaterinburg) A comparative description of representation in civil procedure under the legislation of the post-Soviet countries 154

Ekimov A. A. (Yekaterinburg) Currency values as a subject of crime: issues of determining the value 165

О НЕКОТОРЫХ ПУТЯХ ВЫХОДА ИЗ СИТУАЦИИ ДЕФОРМАЦИИ СОЦИАЛЬНОГО ИНСТИТУТА «ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ»

Русинов Рудольф Константинович
Кандидат юридических наук, профессор кафедры теории государства и права Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург), e-mail: tgp@usla.ru

Анализируются причины деформации социального института «высшее образование». Предлагаются пути и способы восстановления статуса и социальной роли высшего профессионального образования. Обосновывается необходимость повышения уровня методической и технологической компетентности педагогического состава вузов.

Ключевые слова: высшее образование, деформация социального института, технологическая компетентность, цели образования

ON SOME WAYS OUT OF THE SITUATION OF DEFORMATION OF THE «HIGHER EDUCATION» SOCIAL INSTITUTION

Rusinov Rudol'f
Ural State Law University (Yekaterinburg), e-mail: tgp@usla.ru

The article analyzes the reasons for deformation of the social institution of «higher education». The author proposes some ways and methods of restoring the status and social role of higher professional education and underlines the necessity of increasing a level of methodological and technological competence of pedagogical staff of higher educational institutions.

Key words: higher education, deformation of a social institution, technological competence, objectives of education

Тема кризиса образования стала привычной и теряет сторонников ее серьезного грамотного обсуждения. Действительно, критика, в ряде случаев достаточно жесткая, руководящих структур в сфере образования и предложения, в большинстве достаточно грамотные и обоснованные, по глобальной перестройке системы образования не приводят к позитивным оценкам результатов образовательной деятельности. Практика управления образованием в нашей стране за последние 30 лет показала, что централизованные, общегосударственные мероприятия по модернизации образования чаще всего нацелены на решение экономических, политических, а не образовательных задач. В литературе все чаще подчеркивается, что образование представляет собой не вертикальную, иерархически организованную систему, а горизонтальную самоорганизующуюся сеть[1]. В бюрократическо-иерархической системе управления образованием генерирование отдельных политик не ведет к их воплощению и к ожидаемым и провозглашаемым в политической риторике результатам[2]. Поэтому наиболее целесообразными и эффективными являются инновационные процессы,

[1] *Цирульников А. М.* Социокультурный подход к развитию системы образования. Образовательные сети // Вопр. образования. 2010. № 2. С. 44–62.

[2] *Любимов Л. Л.* Что мешает нашей стране улучшить качество школьного образования // Вопр. образования. 2011. № 4. С. 13.

распространяемые по горизонтали. Комплекс методических вопросов может быть решен усилиями педагогического сообщества в ходе постоянного осмысления своей деятельности, постепенного избавления от устаревших методик и грамотного внедрения инновационных средств и способов образования.

Решение каких задач исходя из сказанного следует наметить каждому работающему в высших учебных заведениях?

Во-первых, осмыслить ситуацию в сфере своей трудовой деятельности и квалифицировать ее как работу в ситуации деформации социального института «высшее профессиональное образование». Полагаю полезным это сделать, отрефлексировав работу педагогического сообщества вузов и свою преподавательскую деятельность.

Во-вторых, наметить для себя пути и способы деятельности по восстановлению статуса и социальной роли того высшего профессионального образовательного учреждения, в котором мы работаем, силами педагогического состава вуза.

Безусловно, сложно признавать факт утраты ценности той деятельности, которой посвящена значительная часть жизни. Но появляется все больше и больше оснований для принятия факта деформации социального института «высшее образование». Анализ современной экономической, политической, в целом социокультурной ситуации, в которой функционирует высшее образование, показывает, что его роль как социального института серьезно деформирована. Главной социальной задачей системы высшего образования считается подготовка квалифицированных профессиональных кадров, способных решать вопросы необходимого уровня сложности, обеспечивающие развитие общества. Если традиционно высшее образование воспринималось как элемент, направленный на формирование интеллектуальной элиты общества, гибко и адекватно реагирующий на текущие и перспективные потребности общества[1], то сегодня у данного социального института появились функции решения задач ситуативного плана. Эгалитарность вузовского образования не дает оснований считать его высшим. Когда социальный институт некорректно выполняет присущие ему функции, а вынужден осуществлять не свойственную для него деятельность, которая мешает реализации стоящих перед ним задач, то можно говорить о дисфункции[2] этого социального элемента. Если в прежние времена высшее образование было «кузницей кадров высшей квалификации», то сейчас высшее образование превратилось в форму организации жизни маргинальных слоев молодежи, в рамках которой предпринимаются усилия по социализации этой части населения страны. Социологические опросы последних лет выявляют общий ценностный и нормативный кризис молодежи: вместо предсказуемого поведения, которое регулируется социальными институтами, наблюдается экспериментальное, маргинальное поведение. Это следствие неэффективной работы многих других социальных институтов, обязанных обеспечивать необходимый уровень социализации подрастающего поколения[3].

Если высшая школа включила в свою сферу громадное число молодежи, нуждающейся в социализации, и, как следствие, большое число людей, не обладающих педагогическими компетентностями, то можно сделать вывод о ее дисфункциональности.

---

[1] *Перевалов В. Д.* Теоретические и исторические аспекты российского юридического образования: моногр. Екатеринбург, 2008. С. 60–61.

[2] Дисфункции как социологическое понятие означает некорректное выполнение социальным институтом определенной функции.

[3] *Сикорская Л. Е.* Кризис институтов социализации современной молодежи // Вестн. Костромского гос. ун-та им. Н. А. Некрасова. Сер.: Гуманитарные науки: Педагогика. Психология. Социальная работа. Акмеология. Ювенология. Социокинетика. 2009. № 4. С. 258.

Дисфункции социальных институтов, продолжающиеся длительное время, отрицательно сказываются на нравственных характеристиках людей, тесно связанных с этими институтами, например меняются их ценностные ориентации и мотивы поведения[1]. Институт высшего образования, превратившись в совокупность учебных заведений, занимающихся квазиобразовательной деятельностью с массой слабо социализированной молодежи, вызвал распространение ряда негативных явлений в жизни общества.

Деформирован социальный институт «высшее образование» по субъектному составу. До конца XX в. субъектный состав учреждений высшего образования обладал рядом качественных характеристик, позволявших считать профессорско-преподавательский и студенческий состав вузов особым слоем (стратой) общества. В дореволюционной России социальная страта профессорско-преподавательского и студенческого состава университетов ярко выражалась в форме социального института российского общества[2].

Сегодня социальная группа «профессорско-преподавательский состав вузов» деформирована по ряду характеристик. Глубокое и всестороннее рассмотрение места и роли преподавательского корпуса вузов позволяет увидеть следующие проявления деформации этого социального слоя. Российское общество находится в состоянии разложения, дезинтеграции и распада определенной системы устоявшихся ценностей и норм, ранее поддерживавших традиционный вузовский образовательный процесс. Преподавательскому корпусу со сложившимся опытом педагогической деятельности приходится приспосабливаться к новым сформулированным и принятым обществом и государством идеалам, ценностям и нормам. Это приводит к явлению, названному Э. Дюркгеймом аномией. Вузовский педагог вынужден играть одновременно две роли, реализовывать две функции: зарабатывать на жизнь и осуществлять педагогическую деятельность. Следовательно, ему приходится выбирать линию поведения в ситуации большого числа конфликтующих норм. Согласно учению Т. Парсонса возникает конфликт социальных ролей, который ведет к профессиональной деформации. В литературе профессиональные деформации педагогов рассматриваются как многоуровневая адаптация к условиям социума[3]. Следует учитывать, что педагогическая деятельность относится к числу наиболее рискогенных с точки зрения опасности возникновения и закрепления профессиональных деформаций.

Иллюстрацией профессиональной деформации очень многих педагогов высшей школы может быть их мнение о ненужности и бесполезности повышения педагогической компетентности. Значительная часть преподавательского корпуса высших учебных заведений не имеет педагогического образования и работает по образцам той образовательной деятельности, в которой проходило ее формирование. Преподаватели не хотят понять, что сегодняшние студенты сформировались под воздействием совершенно другой окружающей среды, существенно отличающейся от той, в которой образовались прочно усвоенные ими истины. Те преподаватели, которые за много лет работы в вузах приобрели разными путями опыт педагогической дея-

[1] Социальные отклонения. Введение в общую теорию. М., 1984. С. 166.

[2] О формировании социально-правового статуса профессорско-преподавательского и студенческого корпуса российских императорских университетов см.: *Зипунникова Н. Н.* «Университеты учреждаются для преподавания наук в высшей степени». Российское законодательство об университетах XVIII – начала XX века: моногр. Екатеринбург, 2009. С. 272–349. О студенчестве как социальном институте см.: *Иванов Е. А.* Студенческая корпорация России конца XIX – начала XX века. М., 2006. С. 21–27.

[3] *Жигалина Т. А.* Психологическое обеспечение преодоления профессиональной деформации личности преподавателя. М., 2003. С. 111.

тельности, не осознают, что нуждаются в осмыслении новых целей, задач, методов и средств педагогической деятельности. К сожалению, система повышения педагогической квалификации преподавателей вузов в значительной части традиционно выполняет лишь функцию обоснования для переизбрания на ту или иную должность в штатном составе учебного заведения.

Полагаю, что каждому представителю профессорско-преподавательского корпуса высшего учебного заведения следует самоопределиться в постановке задач своей трудовой деятельности. С одной стороны, в условиях, когда руководство системой образования проводит работу по сокращению числа высших учебных заведений, требуется прилагать усилия по стабилизации своего положения в учреждении высшего образования. С другой стороны, если у вас имеется желание сохранить и развить в новых условиях позитивные черты уникальной советско-российской системы высшего образования, поставьте цель сделать свою педагогическую деятельность более осмысленной и эффективной. Достижение этой цели возможно путем решения ряда задач.

Первой задачей может быть грамотное определение цели педагогической деятельности. Если вы ведете семинарские занятия по теории государства и права на первом курсе, то не надо ставить глобальных целей, например подготовить студентов к осуществлению профессиональной юридической деятельности. Глобальные цели почти невозможно диагностировать, ибо они идеальны и принципиально недостижимы. Цель подготовки студента к профессиональной юридической деятельности может быть достигнута лишь путем последовательного достижения локальных целей. Работая с первокурсниками на материале теории государства и права, разумно поставить как минимум две цели: во-первых, добиться освоения студентами основной государственно-правовой терминологии, во-вторых, научить использовать эту терминологию для квалификации государственно-правовых явлений действительности. Здесь под квалификацией я имею в виду использование индуктивного мышления (от частного к общему), т. е. отнесение определенного предмета, явления к конкретному классу, виду, например отнесение отдельного правила поведения к нормам права. Цели можно считать достигнутыми, если при рубежном контроле результатов образовательного процесса (на экзамене, который состоит из двух этапов) студент дал определение и изложил понятие охранительной нормы права и квалифицировал конкретный текст документа как уголовно-правовую норму со сложной альтернативной санкцией.

Второй задачей поставьте разработку грамотной технологической организации своей образовательной деятельности. К сожалению, значительная часть людей, работающих в вузах, воспринимают свою педагогическую деятельность как способ зарабатывания на жизнь в достаточно комфортабельных условиях и не ставят целей повышения эффективности деятельности. Но педагогика не может существовать без постановки образовательных целей. Педагог должен владеть технологией целеполагания, т. е. перевода проектируемых целей с языка желаний и смыслов на язык реальных средств и способов достижения определенного результата. Полагаю, что не к каждому занятию надо готовить технологическую карту, но целесообразность подготовки такого документа по модулям предмета, по этапам промежуточной оценки результатов процесса обучения несомненна. При необходимом уровне технологичности образовательного процесса, разделенного на стадии, т. е. четкой последовательности действий, выполняемых по определенному алгоритму, заданному целями, с однозначной оценкой результативности каждого этапа поставленные задачи будут решены. Высокий уровень технологичности – это способ достижения дидактической цели, которая проявляется в форме реального, осязаемого результата.

Третья задача заключается в определении путей и способов выявления в массе студентов молодых людей, которые проявили потребность в осмыслении своего пребывания в стенах высшего учебного заведения. Это должны быть не те современные отличники, подготовка которых отличается скорее широтой охвата материала, чем глубиной его понимания, а два-три студента, проявляющих интерес к глубокому и всестороннему пониманию материала и имеющих навыки аналитической работы. Опытный преподаватель способен увидеть таких студентов и предложить сотрудничество в деятельности учения. В моей практике подобное сотрудничество осуществляется со студентами разных курсов, интересующимися вопросами из различных учебных дисциплин. Теория государственно-правовых явлений, которую я использую в работе с такими студентами, понимается в этой ситуации не как учение, а скорее как метод, интеллектуальный инструмент, техника мышления, помогающие студенту решать поставленные им исследовательские задачи. В настоящей работе я не ставлю масштабных задач по приобщению всех студентов к научной деятельности. Руководствуясь лозунгом: «Чтобы добиться большего, необходимо браться за меньшее», пытаюсь сформировать у тех студентов, которые работают со мной, общекультурные и профессиональные компетентности, необходимые для работы и жизни в современном обществе. Из этой цели вытекает следующая задача.

Четвертой я считаю задачу обучения студентов грамотной работе с идеальными объектами. Полагаю полезным руководствоваться взглядами на юриспруденцию дореволюционного российского историка права Семена Викентьевича Пахмана. Он считал, что «начала юридической науки есть не правила деятельности, а правила юридического мышления (не leges, а regulae juris)». Настоящая задача юридической науки заключается, подчеркивал С. В. Пахман, «не в непосредственной интерпретации положительных норм, а в создании общей системы юридических понятий». Семен Викентьевич писал, что его огорчает отсутствие общих начал и твердых точек опоры для правильного юридического анализа[1]. Чрезвычайно разносторонний отечественный правовед Николай Михайлович Коркунов подчеркивал значимость обобщенных знаний при изучении права. По его мнению, право является, с одной стороны, вещью мыследеятельностной, теоретической, с другой – вещью очень повседневно практической[2]. В процессе сотрудничества со студентами основное внимание уделяю грамотному использованию теоретических конструкций при работе по вопросам гражданского, уголовного права и других дисциплин профессионализации. Грамотная работа с идеальными объектами должна быть обязательным элементом любой юридической дисциплины.

Пятой задачей выступает помощь студентам в приобретении опыта работы с информацией. Образовательная среда вуза сейчас функционирует в условиях информационной перегрузки, т. е. ситуации, когда объем потенциально полезной информации заведомо превышает возможности ее освоения и использования отдельно взятым человеком. В связи с вступлением в информационное общество возросло количество информации, а компетентности у значительной части как преподавателей, так и студентов в работе с таким объемом информации нет. Это влечет необходимость приобретения компетентности по оценке и выбору получаемой информации. Понятно, что увеличение количества учебной информации не всегда может привести к повышению качества образования. Небольшое количество информации позволяет ее детально проанализировать. Большой объем информации требует сортировки, вы-

[1] *Пахман С. В.* Обычное гражданское право в России. М., 2003. С. XXVII.
[2] *Коркунов Н. М.* Лекции по общей теории права. СПб., 2003. С. 23–24.

бора на основе оценки, планирования использования для решения учебных задач. Такой работе с информацией мы учим студентов явно недостаточно, что мешает активной и эффективной коммуникации «преподаватель – студент». Низкая эффективность образовательного процесса обусловлена традиционным пониманием обучения как передачи студентам по возможности большего количества информации. Многие преподаватели искренне считают, что чем больше информации по предмету они дадут студентам, тем лучше. Негативные результаты такого обучения видны даже на примере наших «лучших» студентов, которые много знают (точнее – помнят), но не в состоянии осмысленно использовать имеющуюся у них информацию в реальных жизненных ситуациях, в том числе учебных. Студентов следует научить критическому отношению к информации, суть которого заключается в том, что человек, сталкиваясь с новой информацией, должен мысленно выполнить три последовательных действия: зафиксировать внимание на ней, затем проанализировать и оценить ее (она может быть фактологической, нормативной, деонтологической или другой), а затем исходя из ее содержания и ценности «определить программу действий», настроиться на конкретное поведение[1]. Только тогда информация будет помогать решать профессиональные и иные жизненные задачи.

Шестой по счету, но первой по важности считаю задачу демонстрации студентам тех ценностных характеристик отечественной системы высшей школы, которые позволяли считать советскую систему высшего образования наиболее эффективной и по ряду признаков передовой. Наиболее ценным элементом советской высшей школы был профессорско-преподавательский корпус. Несмотря на заидеологизированность, гиперполитизированность обстановки в системе высшего образования, талантливые представители педагогического состава советских вузов готовили естественнонаучную, инженерную, гуманитарную, творческую элиту не только советского, а в значительной степени всего человеческого общества.

Полагаю, усилия педагогов нашего вуза по доведению до сознания студентов информации о научных достижениях многих наших педагогов, использование их способов и средств подготовки юристов помогут нашему образовательному учреждению преодолеть состояние деформации и стать высшей школой подготовки нового поколения юристов. Для этого стоит изучать не только труды, но и способы и стиль работы со студентами Сергея Сергеевича Алексеева. Сочинения Октября Алексеевича Красавчикова должны использоваться студентами не только при изучении гражданского права. Читать лекции даже по таким предметам, как «Судебная статистика», надо так, как это делал Севир Павлович Голубятников, в аудиторию к которому приходили студенты, как уже сдавшие зачеты, так и те, которым еще предстоит изучать этот предмет. Аплодисментами завершались лекции Митрофана Ивановича Ковалева. Нельзя сомневаться в значимости и полезности гражданского права, если читает лекции и ведет занятия Мария Яковлевна Кириллова. Можно и нужно воспринимать и реализовывать достижения других наших коллег, которые внесли и вносят существенный вклад в становление и развитие правовой науки и юридического образования в нашей стране.

Полагаю необходимым подчеркнуть, что решение этих и других задач по преодолению кризисных явлений в образовании – это дело не Президента, Правительства и Министерства образования и науки Российской Федерации, у них другой круг

[1] *Арсеньев К. С.* Критическое отношение к информации в структуре критического мышления // Новые информационные технологии в образовании: материалы конф. Екатеринбург, 2011. Ч. 1. С. 23–27.

и масштаб задач. Не стоит призывать к решению сложных образовательных задач всех членов педагогического коллектива сегодняшних вузов, этот коллектив слишком разнороден. За возрождение высшей школы следует взяться тем, кому небезразлична судьба российского общества. В Уральском государственном юридическом университете есть такие люди, и им необходимо объединить усилия в подготовке нового поколения юристов в нашей стране. Следует сохранить позитивные элементы уникальной системы советско-российского образования, грамотно внедрить в образовательный процесс современные технологические и методические средства и вернуть процессу подготовки юристов статус высшего образования.

Библиография

Арсеньев К. С. Критическое отношение к информации в структуре критического мышления // Новые информационные технологии в образовании: материалы конф. Екатеринбург, 2011. Ч. 1.

Жигалина Т. А. Психологическое обеспечение преодоления профессиональной деформации личности преподавателя. М., 2003.

Зипунникова Н. Н. «Университеты учреждаются для преподавания наук в высшей степени». Российское законодательство об университетах XVIII – начала XX века: моногр. Екатеринбург, 2009.

Иванов Е. А. Студенческая корпорация России конца XIX – начала XX века. М., 2006.

Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. СПб., 2003.

Любимов Л. Л. Что мешает нашей стране улучшить качество школьного образования // Вопр. образования. 2011. № 4.

Пахман С. В. Обычное гражданское право в России. М., 2003.

Перевалов В. Д. Теоретические и исторические аспекты российского юридического образования: моногр. Екатеринбург, 2008.

Сикорская Л. Е. Кризис институтов социализации современной молодежи // Вестн. Костромского гос. ун-та им. Н. А. Некрасова. Сер.: Гуманитарные науки: Педагогика. Психология. Социальная работа. Акмеология. Ювенология. Социокинетика. 2009. № 4.

Социальные отклонения. Введение в общую теорию. М., 1984.

Цирульников А. М. Социокультурный подход к развитию системы образования. Образовательные сети // Вопр. образования. 2010. № 2.

Bibliography

Arsen'ev K. S. Kriticheskoe otnoshenie k informacii v strukture kriticheskogo myshleniya // Novye informacionnye texnologii v obrazovanii: materialy konf. Ekaterinburg, 2011. Ch. 1.

Cirul'nikov A. M. Sociokul'turnyj podxod k razvitiyu sistemy obrazovaniya. Obrazovatel'nye seti // Vopr. obrazovaniya. 2010. № 2.

Ivanov E. A. Studencheskaya korporaciya Rossii konca XIX – nachala XX veka. M., 2006.

Korkunov N. M. Lekcii po obshhej teorii prava. SPb., 2003.

Lyubimov L. L. Chto meshaet nashej strane uluchshit' kachestvo shkol'nogo obrazovaniya // Vopr. obrazovaniya. 2011. № 4.

Paxman S. V. Obychnoe grazhdanskoe pravo v Rossii. M., 2003.

Perevalov V. D. Teoreticheskie i istoricheskie aspekty rossijskogo yuridicheskogo obrazovaniya: monogr. Ekaterinburg, 2008.

Sikorskaya L. E. Krizis institutov socializacii sovremennoj molodezhi // Vestn. Kostromskogo gos. un-ta im. N. A. Nekrasova. Ser.: Gumanitarnye nauki: Pedagogika. Psixologiya. Social'naya rabota. Akmeologiya. Yuvenologiya. Sociokinetika. 2009. № 4.

Social'nye otkloneniya. Vvedenie v obshhuyu teoriyu. M., 1984.

Zhigalina T. A. Psixologicheskoe obespechenie preodoleniya professional'noj deformacii lichnosti prepodavatelya. M., 2003.

Zipunnikova N. N. «Universitety uchrezhdayutsya dlya prepodavaniya nauk v vysshej stepeni». Rossijskoe zakonodatel'stvo ob universitetax XVIII – nachala XX veka: monogr. Ekaterinburg, 2009.

ТРУДЯЩИЕСЯ-МИГРАНТЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ*

Корсаков Константин Викторович
Кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник
Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург),
e-mail: korsakovekb@yandex.ru

Аргументируется, что потоки нелегальной миграции в Россию представляют всевозрастающую угрозу национальным интересам и общественной безопасности. Отмечается, что из-за этого явления в стране совершаются разного рода правонарушения, возник подпольный криминальный рынок услуг для трудящихся-мигрантов и получили распространение различные противоправные формы эксплуатации и обращения с мигрантами. Выделены и подробно описаны экономические, правовые и международно-политические причины нелегальной миграции в Российскую Федерацию. Рассмотрены современная система регистрации и учета мигрантов и имеющиеся в ней лакуны, пробелы и противоречия, предложены новые формы и пути решения вопросов, связанных с трудящимися-мигрантами.

Ключевые слова: нелегальная миграция, трудящиеся-мигранты, мигранты в России, права и обязанности мигрантов, миграционная политика, рынок труда, регулирование миграционных отношений

MIGRANT WORKERS IN MODERN RUSSIA: SOME PROBLEMS AND WAYS OF THEIR SOLUTION

Korsakov Konstantin
The Institute of Philosophy and Law, the Ural branch of Russian
Academy of Sciences (Ekaterinburg),
e-mail: korsakovekb@yandex.ru

The author argues that large flows of illegal migration in Russia are a growing threat to national interests and public safety. He notes that, because of this, different kinds of offences are committed in the country; there are an underground criminal services market for migrant workers and a proliferation of various illegal forms of exploitation and abuse of migrants. Economic, legal and international political causes of irregular migration in the Russian Federation are highlighted and described in detail. The current system of registration and accounting of migrants and its lacunae, gaps and inconsistencies are reviewed, new forms and ways of solution of the migrant workers problems are proposed.

Key words: illegal migration, migrant workers, migrants in Russia, rights and obligations of migrants, migration policy, labour market, regulation of migration relations

В Российской Федерации сегодня наблюдается обострение проблем, связанных с нелегальной миграцией, наплывом иностранцев, которые остро нуждаются в заработках, в оплачиваемой работе, однако при этом находятся в нашем государстве незаконно. Согласно данным МОТ ООН порядка 10 % жителей России составляют мигранты, из них почти половина не имеет легального статуса[1]. По информации должностных

* Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 17-03-50021 «Научное изучение проблем социальной адаптации, интеграции и аккультурации трудящихся-мигрантов в Российской Федерации».

[1] URL: http://mirpal.org/stat.html.

лиц Главного управления по вопросам миграции МВД России (в структуру которого вошла упраздненная в 2015 г. ФМС России), в 2016 г. в Российскую Федерацию въехали 16,4 млн иностранцев и апатридов. Из них более 70 % составляют граждане государств-участников СНГ, в том числе более 2 млн человек имеют гражданство Узбекистана, около 2 млн человек – Украины, около 1 млн – Таджикистана, 45 тыс. – Казахстана и 35 тыс. – Армении[1].

Традиционно наиболее привлекательными для сообществ трудящихся-мигрантов являются Москва и Московская область, Краснодарский край, Санкт-Петербург, Новосибирск, Челябинск и Екатеринбург. Именно в эти города и регионы России приезжают большинство нелегальных мигрантов[2]. К последним отечественное законодательство относит лиц, въехавших в Российскую Федерацию без документов либо по поддельным или же чужим документам; лиц, у которых указанная ими цель въезда не соответствует настоящей, подлинной цели; лиц, обучавшихся или работавших по трудовым договорам в России и после окончания срока обучения или работы не вернувшихся на родину; беженцев, не пожелавших выехать из России после получения отказа в предоставлении им такого статуса, и так называемых транзитных мигрантов, которые с нарушением закона стремятся через территорию России выехать в страны Европы для работы либо получения прав беженцев на основании Женевской конвенции о статусе беженцев 1951 г.

Можно сделать вывод, что нелегальные мигранты представляют в наши дни всевозрастающую угрозу как национальным интересам, так и общественной безопасности, причем не только в социально-трудовой сфере, но и в экономико-продовольственной и товарно-сырьевой областях: такие иностранцы не только совершают различные преступные деяния и деликты, включая тяжкие и особо тяжкие преступные посягательства экстремистской и террористической направленности, а также преступления на почве пережитков и атавизмов системы кровнородственных отношений[3], но и доминируют в сегменте торговли импортными и произведенными ими товарами, что может быть использовано против государственных интересов России. В частности, как справедливо отмечает Е. В. Гурченков, засилье нелегальных китайских трудящихся-мигрантов в аграрном секторе ряда регионов Дальнего Востока при ухудшении международных отношений или же прямой конфронтации с КНР в одночасье может явиться причиной острого и трудновосполнимого дефицита продуктов питания на данной территории[4].

Среди причин возрастания темпов нелегальной трудовой миграции в Российскую Федерацию выделяются правовые (в первую очередь это несовершенство современного российского законодательства), экономические, выражающиеся в возросшем спросе на дешевую иностранную рабочую силу, и международно-политические, связанные с ухудшением внутригосударственной обстановки в ряде стран.

Сегодня отечественное законодательство закрепляет нечеткий и довольно расплывчатый правовой статус трудящегося-мигранта, отличается пробельностью в регулировании вопросов трудовой миграции; оно требует от трудящихся-мигрантов предоставления слишком большого количества документов для получения ими патента или

---

[1] URL: https://мвд.рф/deljatelnost/statistics/migracionnaya.

[2] *Дмитриев А. В.* Этнические группы трудящихся-мигрантов и принимающее общество: взаимодействие, напряженность, конфликты // СОЦИС. 2006. № 9. С. 86.

[3] *Корсаков К. В.* Убийство, совершенное по мотиву кровной мести, в ракурсе теории уголовного права и криминологии // Рос. юрид. журн. 2006. № 2. С. 106.

[4] *Гурченков Е. В.* Влияние экономического поведения мигрантов на развитие рыночных отношений в России: автореф. дис. ... канд. социолог. наук. М., 2010. С. 11.

разрешения на работу, а текущую правоприменительную практику отличают волокита, заурегулированность, бюрократизм, формализм и коррумпированность[1]. Вместе с тем анализ нормативных правовых актов в области пограничного и иммиграционного контроля за последние десять лет свидетельствует о смягчении последнего, о его, возможно, не совсем оправданной либерализации и демократизации в рамках политики, получившей наименование политики «открытых дверей». В совокупности все эти факторы как актуализируют и стимулируют нелегальную миграцию, так и укрепляют и расширяют теневой, подпольно-криминальный рынок услуг по получению разрешительных документов и регистрации для трудящихся-мигрантов.

К числу основных экономических предпосылок значительного прироста нелегальной миграции относятся разрастание нелегального (теневого, неформального, не контролируемого государством) сектора в экономике России, которое за последние годы привело к увеличению спроса на нелегальных мигрантов как на дешевую, бесправную, социально незащищенную и неприхотливую рабочую силу, а также сложившаяся в Российской Федерации критическая трудоресурсная ситуация, связанная с заметно ощущающейся нехваткой собственных трудовых ресурсов.

К международно-политическим предпосылкам, на наш взгляд, следует отнести рост числа вооруженных конфликтов на национальной, религиозной и политической почве, а равно террористической активности, значительное ухудшение социально-экономической конъюнктуры в Сирии и на Украине ввиду ведущихся в этих государствах военных действий и в странах Средней Азии, где наблюдается спад производства, стагфляция в индустриальной сфере, инфляция и безработица. Также к ним можно отнести и ужесточение мер миграционного контроля во многих государствах Европы, в США и Канаде, что переориентировало потоки нелегальных мигрантов на другие страны, включая Россию[2].

Существенные пробелы, подпитывающие рост нелегальной миграции, содержит правовая база в области регистрации мигрантов по месту пребывания или месту проживания, напрямую связанная с необходимостью наблюдения за въездом, местонахождением и перемещениями трудящихся-мигрантов в нашей стране. По законодательству процедура регистрации выступает для каждого мигранта как условием, так и одной из первых фаз получения им законного статуса на российской территории. Точный адрес временного проживания или пребывания трудящегося-мигранта в России без каких-либо исключений необходим для получения им разрешения на работу, выдачи патента и вида на жительство.

Соблюдение обязательного условия о регистрации и постановке на учет предполагает поиск трудящимися-мигрантами собственников жилья, которые будут согласны их зарегистрировать или поставить на учет в соответствующем помещении. Как показывает практика, россияне идут на это крайне редко и очень неохотно, боясь всевозможных ненужных им проблем, хлопот и лишних вопросов: менее 15 % лиц, сдающих сегодня жилье трудящимся-мигрантам внаем, зарегистрировали последних[3].

Между тем практически единственным вариантом, которым может сегодня воспользоваться трудящийся-мигрант в целях своей легализации, является жилая пло-

---

[1] *Ястребова А. Ю.* Международно-правовые основы регулирования статуса трудящихся-мигрантов на универсальном и региональном уровне // Московский журн. междунар. права. 2015. № 4. С. 117.

[2] *Сухов А. Н., Трыканова С. А.* Миграция в Европе и ее последствия: учеб. пособие. М., 2017. С. 31; *Алибекова З. Р.* Согласование интересов страны-реципиента и трудящихся-мигрантов // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. 2009. № 3. С. 65; *Мищур С. В.* Россия в процессах международной трудовой миграции // Молодой ученый. 2016. № 8. С. 610.

[3] *Ибрагимова Р. А.* Нелегальная миграция в Российской Федерации // Тенденции и закономерности развития современного российского общества: сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием 15 апреля 2016 г.: в 2 ч. Казань, 2016. Ч. 2. С. 277.

щадь, сдаваемая внаем россиянами. Второй вариант – не относящиеся по закону к жилому фонду, однако используемые работодателями для размещения в них привлекаемых работников общежития, снятые с балансов различных предприятий и организаций, заброшенные строения и прочие не приспособленные для жилья помещения (городские жилищно-коммунальные предприятия, текстильные, швейные и пищевые производства, торговые площади и т. п.).

На постановку на учет и регистрацию в сдаваемых внаем жилых помещениях отечественные наймодатели не соглашаются прежде всего для того, чтобы скрыть свои доходы от налогообложения, а постановка на учет и регистрация чаще всего производятся в жилых помещениях с целью личного обогащения в отношении большого числа мигрантов, явно не соответствующего кубатуре таких помещений, без фактического проживания или временного пребывания.

Такая практика является не только прямо нарушающей закон и автоматически переводящей мигрантов в разряд лишенных социального обеспечения[1] и юридической защиты нелегалов, но и ставящей последних в нежелательное для них уязвимое положение, располагающее к различным формам эксплуатации, криминального обмана и насилия, вымогательства и дискриминации, в том числе со стороны представителей организованной преступности[2]. Как верно пишут А. И. Халиуллина и Л. А. Шагиева, «неурегулированный правовой статус прежде всего наносит ущерб самим мигрантам, приводя к тому, что мигранты стремятся минимизировать свои контакты с государственными структурами, оказываются не в состоянии защитить себя в отношениях с работодателями и посредниками при трудоустройстве»[3].

Нелегальный, подпольный рынок услуг по получению документов и «прописке» – постановке на учет и регистрации за плату по фиктивным адресам и в так называемых резиновых квартирах, в которых на возмездных началах сегодня регистрируются десятки и даже сотни иностранцев без фактического проживания, – приобрел в России повсеместное распространение[4]. В настоящий момент для постановки иностранцев на миграционный учет и трудоустройства им навязывают и активно предлагают приобрести подделанные документы, а их регистрация производится не только в домах и квартирах, но и в появившихся за последние годы многочисленных хостелах[5].

Федеральный закон от 21 декабря 2013 г. № 376-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (также известный как «Закон о резиновых квартирах»), который, по мысли его разработчиков, должен был содействовать пресечению нелегальной миграции и актов регистрации в одной квартире десятков иностранцев, не достиг своих главных целей. Данный законодательный акт ужесточил порядок регистрации преимущественно для российских граждан; за иностранцами же по-прежнему сохранилось правомочие вставать на миграционный учет через почтовые отделения или же в нежилых помещениях, что стало недоступно для граждан России.

---

[1] О социальном обеспечении трудящихся-мигрантов см.: *Григорьев И. В.* Социальное обеспечение трудящихся-мигрантов: правовые вопросы: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2006. С. 102.

[2] *Корсаков К. В.* Адекватность и соразмерность превенции – залог эффективности борьбы с современной организованной преступностью // Правоохранительные органы: теория и практика. 2015. № 1. С. 20.

[3] *Халиуллина А. И., Шагиева Л. А.* Нелегальная миграция в России и методы борьбы с ней // Молодой ученый. 2016. № 28. С. 712.

[4] *Громова О. О.* Криминологическая характеристика и предупреждение преступлений, совершаемых мигрантами из государств-участников СНГ: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 28.

[5] *Коморникова О. М.* Особенности ценностных ориентаций молодежи на толерантное взаимодействие с иноэтничными мигрантами: автореф. дис. ... канд. социолог. наук. Екатеринбург, 2013. С. 19.

В то же время необходимо отметить, что благодаря названному Закону был установлен запрет российским собственникам жилых помещений регистрировать в них неограниченное число людей. Также этим Законом было введено новое юридическое понятие – «фиктивная регистрация» – и установлены большие штрафы в случае ее выявления. Так, получение в результате проверки жилого помещения информации о том, что зарегистрированные в нем лица фактически там не проживают, грозит собственнику наложением штрафа в размере от 100 тыс. до 500 тыс. руб. или же принудительными работами на срок до трех лет либо лишением свободы на тот же срок. Для этого в Уголовном кодексе РФ были специально сконструированы составы ст. 322^2 и 322^3, предусматривающих уголовную ответственность за фиктивную регистрацию российских граждан и фиктивную постановку на учет иностранцев и апатридов.

Проведенный нами анализ текста обозначенного Федерального закона выявил, что подавляющее большинство его норм и положений на момент его вступления в силу уже были закреплены в законодательстве России, в том числе в Уголовном кодексе РФ и Кодексе РФ об административных правонарушениях, а нововведения преимущественно коснулись интересов не трудящихся-мигрантов, а российских граждан. К такому же выводу пришли в своих работах и другие российские исследователи: Р. А. Ибрагимова и А. Ю. Ястребова[1].

На наш взгляд, эти законодательные новеллы вступают в противоречие с интенциями властей разрешить проблему расселения моногородов, а вполне понятное нежелание наймодателей придавать официальный характер сдаче жилого помещения внаем ввиду обязанности платить подоходный налог вкупе с введенными данным законодательным актом новшествами, создающими для россиян дополнительные трудности при регистрации на новом месте жительства или временного пребывания, снижают территориальную мобильность российских граждан при поиске новой работы, что опять же ведет к вытеснению их трудящимися-мигрантами. Реализации нормативов этого Закона в части борьбы с так называемыми резиновыми квартирами препятствует то немаловажное обстоятельство, что на практике выявить такие квартиры, провести соответствующие проверки и сформировать достаточную доказательственную базу весьма затруднительно.

Полагаем, что для решения данного вопроса следовало бы нацелиться не на собственников жилых помещений и всевозможных посредников между ними и трудящимися-мигрантами, а на должностных лиц и сотрудников паспортно-визовых и учетно-регистрационных служб, паспортных столов, работников ЖКХ и участковых уполномоченных, без неправомерного участия которых образование и существование «резиновых квартир» невозможно. К тому же в целях борьбы не только с нелегальной миграцией, но и с преступностью в сфере гражданско-правовых сделок с недвижимостью мы предлагаем запретить регистрировать по месту жительства физических лиц, не являющихся членами семьи собственников, на долях в праве собственности на объекты жилой недвижимости.

Отказываться от системы обязательной регистрации, которая преследует особенно важную в современных условиях возросших террористических угроз задачу контроля за иностранцами по месту их проживания или пребывания, безусловно, не следует, однако поскольку на практике она приводит к коррупции, незаконному обогащению большого числа людей и нарушению прав, свобод и интересов трудящихся-мигрантов, ее нужно корректировать. Так, отходя от жесткой привязки к жилым помещени-

[1] *Ибрагимова Р. А.* Указ. соч. С. 276; *Ястребова А. Ю.* Указ. соч. С. 118.

ям, для трудящихся-мигрантов можно было бы предусмотреть альтернативные формы их регистрации и учета: в частности по месту работы (в нежилых помещениях).

Мы убеждены, что регистрация мигрантов в Российской Федерации должна оставаться обязательной, но при этом ее порядок де-юре и де-факто должен быть простым, прозрачным и заявительным, а не усложненным, бюрократизированным и полуразрешительным, дабы не понуждать ее участников уходить в нелегальную и криминальную плоскости. В большинстве развитых европейских государств вопросами регистрации и учета мигрантов успешно занимаются на местах муниципальные органы власти[1]; думается, такой подход следовало бы рассмотреть и проработать в отношении нашей страны.

В связи с этим хотелось бы обратить внимание и на тот факт, что при решении насущных проблем нелегальной миграции в России мало перенимается позитивный опыт иностранных государств, в особенности по задействованию в данном процессе институтов гражданского общества, общественных объединений, некоммерческих организаций, церкви и органов местного самоуправления, вплоть до передачи им ряда функций, прав и полномочий органов государственной власти. Между тем иностранный опыт убедительно доказывает, что только при поддержке и с опорой на названные субъекты общественно-политической деятельности возможно проведение эффективной и взвешенной миграционной политики. В странах Западной Европы, в частности в Швеции, Дании и Норвегии, именно местные органы власти и различные региональные сообщества (местные общины и объединения граждан) являются основными и ведущими субъектами в деле реализации миграционной политики[2].

Одним из первых шагов в данном направлении явилась предложенная Президенту РФ московскими и подмосковными органами местного самоуправления и поддержанная главой Российского государства частичная передача полномочий по оформлению миграционных патентов в ведение муниципалитетов, которая впоследствии полностью оправдала себя на практике. Полагаем, что этот процесс делегирования и постепенного наделения соответствующими правомочиями местных администраций имеет хорошую перспективу и его следует продолжить.

Подчеркнем, что ожидавшийся и активно обсуждавшийся российской общественностью в 2014–2015 гг. законопроект, посвященный вопросам правового регулирования отношений в области социальной и культурной адаптации и интеграции иностранных граждан, в том числе трудящихся-мигрантов, до сих пор не принят. Между тем принятие данного закона способствовало бы снятию многих острых проблем в области трудовой миграции в России, которые, как отмечают ученые, связаны с заметно низкой степенью социализации, аккультурации и интеграции трудящихся-мигрантов в принимающий их российский социум[3].

Безусловно, не следует ограничиваться принятием лишь этого закона. Так, многие отечественные ученые, например В. И. Мукомель, последовательно обосновывают необходимость внесения дополнений в Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-

---

[1] *Ситникова Е. Л.* Социальная адаптация трудовых мигрантов: дис. ... канд. социолог. наук. Н. Новгород, 2013. С. 60.

[2] *Матвеевская А. С.* Социальная адаптация иммигрантов в Швеции: автореф. дис. ... канд. географ. наук. СПб., 2013. С. 9.

[3] *Зайцева Т. Г.* Социокультурный анализ адаптации мигрантов в современной России: автореф. дис. ... канд. философ. наук. Белгород, 2006. С. 7; *Чебан С. В.* Социокультурная идентификация и интеграция мигрантов в современной России: автореф. дис. ... канд. социолог. наук. Ростов н/Д, 2006. С. 14.

ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», в частности помещения в его текст отдельной статьи 13[2] «Трудовая деятельность иностранных граждан, получивших разрешение на временное проживание» и т. п.[1]

По нашему мнению, подобного рода изменения будут паллиативными: для более эффективного и полного решения комплекса проблем юридического плана, выражающихся в первую очередь в разрозненном закреплении норм права, касающихся трудящихся-мигрантов, в большом числе законодательных актов (в федеральных законах «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию», «О гражданстве Российской Федерации», «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации», «О беженцах», «О вынужденных переселенцах» и многих других), расплывчатости законодательных дефиниций и формулировок, пробельности законодательства в области миграции, следует с опорой на Концепцию государственной миграционной политики до 2025 года, утвержденную Президентом РФ 13 июня 2012 г., и положения Международной конвенции о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей от 18 декабря 1990 г. разработать единый кодифицированный законодательный акт, который регламентировал бы все виды и формы миграции на территории РФ, включая трудовую миграцию, – федеральный закон «О миграции в Российской Федерации». В данном законе необходимо унифицировать и закрепить основные понятия и определения (включая понятия «трудящийся-мигрант», «сезонный иностранный работник» и пр.), гарантируемые в России права и обязанности мигрантов, основные принципы, идеи и ориентиры в сфере регулирования миграционных процессов, компетенцию, функции и полномочия федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов РФ и муниципальных органов власти в области миграции и другие базовые положения, касающиеся миграционной политики государства.

Библиография

Алибекова З. Р. Согласование интересов страны-реципиента и трудящихся-мигрантов // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. 2009. № 3.

Григорьев И. В. Социальное обеспечение трудящихся-мигрантов: правовые вопросы: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2006.

Громова О. О. Криминологическая характеристика и предупреждение преступлений, совершаемых мигрантами из государств-участников СНГ: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010.

Гурченков Е. В. Влияние экономического поведения мигрантов на развитие рыночных отношений в России: автореф. дис. ... канд. социолог. наук. М., 2010.

Дмитриев А. В. Этнические группы трудящихся-мигрантов и принимающее общество: взаимодействие, напряженность, конфликты // СОЦИС. 2006. № 9.

Зайцева Т. Г. Социокультурный анализ адаптации мигрантов в современной России: автореф. дис. ... канд. философ. наук. Белгород, 2006.

Ибрагимова Р. А. Нелегальная миграция в Российской Федерации // Тенденции и закономерности развития современного российского общества: сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием 15 апреля 2016 г.: в 2 ч. Казань, 2016. Ч. 2.

Коморникова О. М. Особенности ценностных ориентаций молодежи на толерантное взаимодействие с иноэтничными мигрантами: автореф. дис. ... канд. социолог. наук. Екатеринбург, 2013.

Корсаков К. В. Адекватность и соразмерность превенции – залог эффективности борьбы с современной организованной преступностью // Правоохранительные органы: теория и практика. 2015. № 1.

[1] *Мукомель В. И.* Мигранты на рынке труда // Трудовая миграция: тенденции, политика, статистика. М., 2012. С. 39.

Корсаков К. В. Убийство, совершенное по мотиву кровной мести, в ракурсе теории уголовного права и криминологии // Рос. юрид. журн. 2006. № 2.

Матвеевская А. С. Социальная адаптация иммигрантов в Швеции: автореф. дис. ... канд. географ. наук. СПб., 2013.

Мищур С. В. Россия в процессах международной трудовой миграции // Молодой ученый. 2016. № 8.

Мукомель В. И. Мигранты на рынке труда // Трудовая миграция: тенденции, политика, статистика. М., 2012.

Ситникова Е. Л. Социальная адаптация трудовых мигрантов: дис. ... канд. социолог. наук. Н. Новгород, 2013.

Сухов А. Н., Трыканова С. А. Миграция в Европе и ее последствия: учеб. пособие. М., 2017.

Халиуллина А. И., Шагиева Л. А. Нелегальная миграция в России и методы борьбы с ней // Молодой ученый. 2016. № 28.

Чебан С. В. Социокультурная идентификация и интеграция мигрантов в современной России: автореф. дис. ... канд. социолог. наук. Ростов н/Д, 2006.

Ястребова А. Ю. Международно-правовые основы регулирования статуса трудящихся-мигрантов на универсальном и региональном уровне // Московский журн. междунар. права. 2015. № 4.

Bibliography

Alibekova Z. R. Soglasovanie interesov strany-recipienta i trudyashhixsya-migrantov // Vestn. Ros. un-ta druzhby narodov. 2009. № 3.

Cheban S. V. Sociokul'turnaya identifikaciya i integraciya migrantov v sovremennoj Rossii: avtoref. dis. ... kand. sociolog. nauk. Rostov n/D, 2006.

Dmitriev A. V. Ehtnicheskie gruppy trudyashhixsya-migrantov i prinimayushhee obshhestvo: vzaimodejstvie, napryazhennost', konflikty // SOCIS. 2006. № 9.

Grigor'ev I. V. Social'noe obespechenie trudyashhixsya-migrantov: pravovye voprosy: dis. ... kand. yurid. nauk. Ekaterinburg, 2006.

Gromova O. O. Kriminologicheskaya xarakteristika i preduprezhdenie prestuplenij, sovershaemyx migrantami iz gosudarstv-uchastnikov SNG: dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2010.

Gurchenkov E. V. Vliyanie ehkonomicheskogo povedeniya migrantov na razvitie rynochnyx otnoshenij v Rossii: avtoref. dis. ... kand. sociolog. nauk. M., 2010.

Ibragimova R. A. Nelegal'naya migraciya v Rossijskoj Federacii // Tendencii i zakonomernosti razvitiya sovremennogo rossijskogo obshhestva: sb. materialov Vseros. nauch.-prakt. konf. s mezhdunar. uchastiem 15 aprelya 2016 g.: v 2 ch. Kazan', 2016. Ch. 2.

Komornikova O. M. Osobennosti cennostnyx orientacij molodezhi na tolerantnoe vzaimodejstvie s inoehtnichnymi migrantami: avtoref. dis. ... kand. sociolog. nauk. Ekaterinburg, 2013.

Korsakov K. V. Adekvatnost' i sorazmernost' prevencii – zalog ehffektivnosti bor'by s sovremennoj organizovannoj prestupnost'yu // Pravooxranitel'nye organy: teoriya i praktika. 2015. № 1.

Korsakov K. V. Ubijstvo, sovershennoe po motivu krovnoj mesti, v rakurse teorii ugolovnogo prava i kriminologii // Ros. yurid. zhurn. 2006. № 2.

Matveevskaya A. S. Social'naya adaptaciya immigrantov v Shvecii: avtoref. dis. ... kand. geograf. nauk. SPb., 2013.

Mishhur S. V. Rossiya v processax mezhdunarodnoj trudovoj migracii // Molodoj uchenyj. 2016. № 8.

Mukomel' V. I. Migranty na rynke truda // Trudovaya migraciya: tendencii, politika, statistika. M., 2012.

Sitnikova E. L. Social'naya adaptaciya trudovyx migrantov: dis. ... kand. sociolog. nauk. N. Novgorod, 2013.

Suxov A. N., Trykanova S. A. Migraciya v Evrope i ee posledstviya: ucheb. posobie. M., 2017.

Xaliullina A. I., Shagieva L. A. Nelegal'naya migraciya v Rossii i metody bor'by s nej // Molodoj uchenyj. 2016. № 28.

Yastrebova A. Yu. Mezhdunarodno-pravovye osnovy regulirovaniya statusa trudyashhixsya-migrantov na universal'nom i regional'nom urovne // Moskovskij zhurn. mezhdunar. prava. 2015. № 4.

Zajceva T. G. Sociokul'turnyj analiz adaptacii migrantov v sovremennoj Rossii: avtoref. dis. ... kand. filosof. nauk. Belgorod, 2006.

ПРОБЛЕМА СОХРАНЕНИЯ БУДАПЕШТСКОГО МЕМОРАНДУМА КАК ДЕЙСТВЕННОЙ ГАРАНТИИ ЯДЕРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Михайленко Екатерина Борисовна
Кандидат исторических наук, доцент кафедры теории
и истории международных отношений Уральского федерального университета
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург),
e-mail: ekamikhaylenko@gmail.com

Вербицкая Татьяна Владимировна
Магистрант кафедры теории и истории международных отношений
Уральского федерального университета
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург),
e-mail: Aquitania-17@ya.ru

Статья посвящена изучению международно-правового режима нераспространения ядерного оружия и места Будапештского меморандума в нем. Цель работы состоит в исследовании значения Будапештского меморандума в качестве международного договора, содержащего действенные гарантии ядерной безопасности. Авторами были поставлены следующие задачи: исследовать точки зрения ученых относительно характеристик Меморандума и его роли в обеспечении ядерной безопасности; сформулировать определение международно-правового режима нераспространения ядерного оружия, которое позволит установить его соотношение с международным режимом нераспространения ядерного оружия; выявить структуру международно-правового режима нераспространения ядерного оружия; установить соответствие Меморандума признакам международного договора и определить место Меморандума в международно-правовом режиме нераспространения ядерного оружия; изучить проблемы соблюдения положений Будапештского меморандума после 2014 г. Результаты исследования, состоящие в позиционировании Меморандума в качестве международного договора, имеющего ключевое значение для международно-правового режима нераспространения ядерного оружия, достигаются посредством осуществления системно-структурного анализа, применения метода анализа экспертных оценок и исторического метода. Выводы статьи, представляющие собой рекомендации относительно поддержания действенности гарантий, содержащихся в Меморандуме, применимы в рамках совершенствования механизма обеспечения международной безопасности в целом.

Ключевые слова: гарантии ядерной безопасности, нераспространение ядерного оружия, международно-правовой режим

PROBLEM OF PRESERVING THE BUDAPEST MEMORANDUM AS AN EFFECTIVE GUARANTEE OF NUCLEAR SAFETY

Mikhailenko Ekaterina
Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Yekaterinburg),
e-mail: ekamikhaylenko@gmail.com

Verbitskaya Tat'yana
Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Yekaterinburg),
e-mail: Aquitania-17@ya.ru

The article is devoted to the study of the international legal regime of non-proliferation of nuclear weapons and the place of the Budapest Memorandum in it. The aim of the work is to demonstrate

the significance of the Budapest Memorandum as an international treaty containing effective guarantees of nuclear safety. The authors set the following tasks: to investigate the views of scientists on the characteristics and the role of the Memorandum in ensuring nuclear safety; to formulate a definition of the international legal regime of the non-proliferation of nuclear weapons, which would help to establish correlation of mentioned notion with the international regime of non-proliferation of nuclear weapons; to identify the structure of the international legal regime of non-proliferation of nuclear weapons; to establish the compliance of the Memorandum with the features of the international treaty and to determine the place of the Memorandum in the international legal regime of non-proliferation of nuclear weapons; to study the problems of compliance with the provisions of the Budapest Memorandum after 2014. The results of the study, consisting in positioning of the Memorandum as an international treaty of key importance for the international legal regime of non-proliferation of nuclear weapons, are achieved through the system-structural analysis, the peer analysis method and the historical method. The conclusions of the article, which represent recommendations for maintaining the effectiveness of the safeguards contained in the Memorandum, may be applicable for improving the mechanism of ensuring international security.

Key words: guarantees of nuclear safety, non-proliferation of nuclear weapons, international legal regime

Введение

Принятие Меморандума о гарантиях безопасности в связи с присоединением Украины к Договору о нераспространении ядерного оружия[1] (Будапешт, 5 декабря 1994 г.) явилось важным шагом в развитии международно-правового режима нераспространения ядерного оружия. Ядерные державы взяли на себя обязательства по неприменению ядерного оружия в отношении государств, не обладающих ядерным оружием, в качестве предпосылки формирования глобальной безъядерной зоны. Это предопределяет важность установления места Будапештского меморандума (и, соответственно, значение его нарушения) в международно-правовом режиме нераспространения ядерного оружия.

Следует отметить, что указанная проблема привлекает внимание многих ученых. Украинский кризис вызвал острую полемику вокруг выполнения договоренностей 1990-х гг. между США, РФ, Украиной и Великобританией о неядерном статусе Украины.

С международно-правовой точки зрения Будапештский меморандум рассматривается в качестве договора, включающего гарантии безопасности неядерным государствам. Исследователями также оцениваются последствия нарушения Меморандума.

Ряд ученых придерживается мнения, что Меморандум является международным соглашением, содержащим действенные гарантии защиты от применения ядерного оружия и территориальной целостности Украины, которые Россия нарушила своими действиями в Крыму[2]. Отмечается, что, несмотря на использование термина «меморандум», рассматриваемый документ квалифицируется в качестве международного соглашения исходя из Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г.[3]

Нарушение Меморандума приводит и к тому, что обязанности не применять ядерное оружие приобретают риторический характер. Следовательно, для полноценного

[1] URL: https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/G94/652/94/PDF/G9465294.pdf?OpenElement.

[2] *Kuzio T.* Ukraine between a Constrained EU and Assertive Russia // URL: http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/jcms.12447/full.

[3] *Blockmans S.* Russia and the Budapest memorandum. Brussels, 2014 // URL: https://euobserver.com/opinion/123375.

воплощения режима нераспространения ядерного оружия потребуется разработка более совершенного с точки зрения юридической техники международного договора[1].

Отдельные исследователи полагают, что Будапештский меморандум содержит действенные гарантии безопасности для государств, не обладающих ядерным оружием: как было отмечено, «речь идет о защите ценности гарантий безопасности в качестве рычага для решения проблем нераспространения, которые возникнут в будущем»[2]. Высказано мнение, что Будапештский меморандум закрепляет действенные гарантии безопасности, распространяющиеся, однако, только на Украину, Белоруссию и Казахстан[3]. Некоторые ученые считают, что Меморандум изначально не включал действенных гарантий неприменения ядерного оружия и гарантий защиты суверенитета, независимости и территориальной целостности неядерных государств[4]. Причина заключается в спорном статусе документа: является ли Меморандум международным договором или декларацией о намерениях[5]. Выражается также позиция, что Меморандум однозначно выступает политической декларацией[6].

Можно отметить, что статус Меморандума в качестве международного договора не вызывает острых споров, однако действенность содержащихся в нем гарантий, прежде всего неприменения ядерного оружия, остается дискуссионной. В рамках данного исследования Будапештский меморандум будет рассмотрен как международный договор, признаваемый составной частью международно-правового режима нераспространения ядерного оружия. Этот договор закрепляет действенные гарантии неприменения ядерного оружия, поэтому дискуссия вокруг соблюдения положений договора важна для понимания действенности международно-правового режима нераспространения ядерного оружия в целом.

Сложности определения международно-правового режима нераспространения ядерного оружия

Режим ядерного нераспространения – составная часть современной мировой договорной системы. Это режим безопасности, который, по мнению С. Краснера, включает принципы, правила и нормы, регулирующие поведение государств. Великие державы, как правило, образуют режимы безопасности с целью создания более предсказуемой системы безопасности. Подобные режимы безопасности возникают, если участники режима считают, что все государства, участвующие в режиме безопасности, разделяют общие интересы взаимной безопасности, и (или) полагают, что индивидуальная безопасность может обходиться слишком «дорого»[7].

Международный режим ядерного нераспространения, правовой основой которого является ДНЯО, представляет собой режим безопасности, в котором большая часть

[1] *Budjeryn M.* The Breach: Ukraine's Territorial Integrity and the Budapest Memorandum. Washington: Nuclear Proliferation International History Project. 2003. № 3. P. 5.

[2] *Pifer S.* Honoring Neither the Letter Nor the Law. Washington, 2014 // URL: http://www.brookings.edu/opinions/honoring-neither-the-letter-nor-the-law.

[3] *Yost D. S.* The Budapest memorandum and the Russia-Ukraine crisis // URL: http://warontherocks.com/2015/06/the-budapest-memorandum-and-the-russia-ukraine-crisis.

[4] *Sherr J.* Budapest Memorandum could not prevent war. Washington, 2015. P. 128.

[5] *Городецкий Н.* Ядерная целостность Украины // URL: https://www.gazeta.ru/science/2014/12/04_a_6329385.shtml.

[6] Проблема Будапештского меморандума в том, что не прописан ответ на его нарушение – британский эксперт // URL: http://www.segodnya.ua/politics/pnews/problema-budapeshtskogo-memoranduma-v-tom-chto-ne-propisan-otvet-na-ego-narushenie-britanskiy-ekspert-700161.html.

[7] *Krasner S. D.* International Regimes. Cornell, 1983. P. 173.

участников отказывается от права создания ядерного оружия и обладания им, меньшая часть участников обязуется не передавать такое оружие неядерным странам. Данный режим был установлен великими державами и закрепил юридический статус пяти государств в качестве обладателей ядерного оружия. Режим предполагает многостороннее сотрудничество стран в области мирного атома; развитие территорий, свободных от ядерного оружия; переговорный процесс в области разоружения и т. д. Сегодня под режимом ядерного нераспространения понимается набор документов и договоренностей в области ядерного нераспространения и разоружения, а также разного рода институтов и организаций, нацеленных на поддержание режима. Соблюдение международного режима ядерного нераспространения – один из краеугольных камней международной безопасности.

В рамках настоящего исследования нужно провести водораздел между международным режимом ядерного нераспространения и международно-правовым режимом нераспространения ядерного оружия. Первый концепт является более широким и включает не только нормы международного права, но и неформальные институты, договоренности между государствами и т. п.

Обратимся к анализу содержания международно-правового режима нераспространения ядерного оружия для определения места Будапештского меморандума в нем. Прежде всего необходимо дать определение международно-правового режима нераспространения ядерного оружия.

Правовой режим представляет собой специфический механизм правового регулирования, направленный на упорядочивание широких общезначимых социальных процессов (состояний), в рамках которых взаимодействуют конкретные субъекты[1]. Соответственно, международно-правовой режим – специфический механизм международно-правового регулирования, направленный на упорядочивание широких общезначимых международных процессов (состояний), в рамках которых взаимодействуют конкретные субъекты. Международно-правовой режим нераспространения ядерного оружия – механизм международно-правового регулирования, направленный на предотвращение производства, накопления, передачи, приобретения ядерного оружия и других ядерных взрывных устройств таким образом, чтобы прекратить гонку ядерных вооружений и перейти к разоружению в рамках взаимодействия как ядерных держав, так и государств, не обладающих ядерным оружием.

В международно-правовом режиме нераспространения ядерного оружия можно выделить две части: общую и особенную. К общей части можно отнести документы (в основном рамочного характера), составляющие основу обеспечения ядерной безопасности, содержащие такие гарантии, как недопущение распространения ядерного оружия любым способом и мирное использование ядерной энергии. Указанные документы имеют универсальный характер. Особенная часть включает документы, применяющиеся в рамках определенной территории, детализирующие положения документов общей части режима.

К общей части можно отнести:

Договор о нераспространении ядерного оружия 1968 г.[2] (ДНЯО), закрепляющий гарантии предотвращения агрессии с применением ядерного оружия и других ядерных взрывных устройств, недопущения гонки вооружений посредством распространения

[1] *Матузов Н. И., Малько А. В.* Правовые режимы: вопросы теории и практики // Правоведение. 1996. № 1. С. 16–29.

[2] Договор о нераспространении ядерного оружия: одобр. резолюцией 2373 (XXII) Генеральной Ассамблеи ООН от 12 июня 1968 г. // URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/npt.shtml.

ядерного оружия и других ядерных взрывных устройств, мирного использования ядерной энергии. Однако в силу отсутствия в тексте ДНЯО определения ядерного оружия и других ядерных взрывных устройств, являющихся объектом Договора, его положения носят рамочный характер, предполагающий принятие как на универсальном, так и на региональном уровне специальных норм, детализирующих положения ДНЯО, в том числе посвященных гарантиям неприменения ядерного оружия[1];

договоры о запрещении ядерных испытаний[2] и о размещении ядерного оружия в космосе[3], на дне морей и океанов[4], которые стали предпосылкой разработки текста Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний 1996 г.[5];

резолюции Совета Безопасности ООН, посвященные предотвращению совершения агрессии с применением ядерного оружия и других ядерных взрывных устройств[6];

заявления государств, обладающих ядерным оружием, о предоставлении не обладающим ядерным оружием государствам-участникам ДНЯО гарантий безопасности против применения ядерного оружия[7]. Следует отметить, что, несмотря на значительные усилия государств, не обладающих ядерным оружием, в процессе обсуждения ДНЯО государства, обладающие таким оружием, приняли решение не включать гарантии неприменения ядерного оружия в ДНЯО, но сделать отдельные заявления с подобными гарантиями[8];

решения конференций участников ДНЯО относительно действенности ДНЯО и путей повышения эффективности его применения[9];

акты МАГАТЭ по поводу мирного использования ядерной энергии;

акты Комитета ядерных экспортеров («Комитета Цангера») о порядке и процедуре экспортного контроля в отношении ядерных материалов.

Таким образом, к общей части относятся документы, посвященные прекращению гонки вооружений для предотвращения возможности совершения агрессии посредством ядерного оружия и других ядерных взрывных устройств, переходу к разоружению, мирному использованию ядерной энергии.

---

[1] На основании ст. VII ДНЯО.

[2] Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой 1963 г. // URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/nuclear_seabed.pdf.

[3] Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела: принят резолюцией 2222 (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН от 19 декабря 1966 г. // URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/outer_space_governing.shtml.

[4] Договор о запрещении размещения на дне морей и океанов и в его недрах ядерного оружия и других видов оружия массового уничтожения 1970 г. // URL: https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/351/89/IMG/NR035189.pdf?OpenElement.

[5] Проект Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний 1996 г. // URL: https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N96/219/25/PDF/N9621925.pdf?OpenElement.

[6] Резолюции Совета Безопасности ООН от 19 июня 1968 г. № 255 (1968) (URL: https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/248/72/IMG/NR024872.pdf?OpenElement) и от 11 апреля 1995 г. № 984 (1995) (URL: https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N95/106/08/PDF/N9510608.pdf?OpenElement).

[7] На основании резолюции Совета Безопасности ООН от 11 апреля 1995 г. № 984 (1995) «Предложения Китая, Российской Федерации, Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии, Соединенных Штатов Америки и Франции о гарантиях безопасности» (URL: https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N95/106/08/PDF/N9510608.pdf?OpenElement).

[8] *Тимербаев Р. М.* Россия и ядерное нераспространение. 1945–1968. М., 1999. С. 335.

[9] Решения и резолюции, принятые Конференцией 1995 г. по рассмотрению и продлению действия Договора, Заключительные документы Конференции 2000 и 2010 гг. по рассмотрению действия ДНЯО // URL: https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N10/390/23/PDF/N1039023.pdf?OpenElement.

К особенной части можно отнести документы, закрепляющие создание зон, свободных от ядерного оружия: Договор об Антарктике 1959 г.[1] (создана демилитаризованная зона к югу от 60° южной широты), Договор о запрещении ядерного оружия в Латинской Америке и Карибском бассейне (Договор Тлателолко) 1967 г. и Дополнительные протоколы и Поправки к нему[2], Договор о безъядерной зоне в южной части Тихого океана (Договор Раротонга) 1985 г. и Протоколы к нему[3], Договор о зоне, свободной от ядерного оружия, в Юго-Восточной Азии (Бангкокский договор) 1995 г. и Протокол к нему[4], Договор о зоне, свободной от ядерного оружия, в Африке (Пелиндабский договор) 1996 г. и Протоколы к нему[5], Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН о создании зоны, свободной от ядерного оружия, в Центральной Азии и в Монголии[6], Протокол к Договору о зоне, свободной от ядерного оружия, в Центральной Азии[7], Совместная декларация о провозглашении Корейского полуострова безъядерной зоной 1992 г.[8], Двусторонние соглашения о сокращении ядерных потенциалов договаривающихся государств[9], Проект Типовой конвенции по ядерному оружию 2007 г.[10], разработанный в результате анализа практики применения договоров о создании зон, свободных от ядерного оружия, являющийся обновленным вариантом типовой конвенции по ядерному оружию, распространенной в ноябре 1997 г. в качестве документа Организации Объединенных Наций A/C.1/52/7.

Договоры о создании зон, свободных от ядерного оружия, носят характер специальных норм по отношению к ДНЯО, поскольку данные соглашения: действуют в пределах ограниченных территориальных пространств, содержат определение ядерного оружия[11] и других ядерных взрывных устройств[12], посвящены гарантиям безопасности не только против распространения ядерного оружия, но и против его нахождения на определенной территории.

Очевидно, что международно-правовой режим нераспространения ядерного оружия не лишен ряда недостатков: документы общей части режима носят рамочный и подчас декларативный характер; документы особенной части режима содержат положения, детализирующие документы общей части, однако обладают ограниченной территориальной сферой применения. Как следствие, сложно обеспечить действенность режима, поскольку затруднено выстраивание иерархии документов, составляющих режим, и соответственно структурирование режима.

Будапештский меморандум не ограничен территориальной сферой применения, содержит юридически значимые обязательства ядерных держав по неприменению ядерного оружия и, следовательно, может быть позиционирован как действенная га-

[1] URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/antarctic.pdf.
[2] URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/tlatelolko.pdf.
[3] URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/nuclear_free_pacific.pdf.
[4] URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/bangkok.shtml.
[5] URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/pelindaba.pdf.
[6] Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 12 января 1999 г. № A/RES/53/77 о создании зоны, свободной от ядерного оружия, в Центральной Азии и в Монголии // URL: https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N99/760/47/PDF/N9976047.pdf?OpenElement.
[7] URL: http://www.pircenter.org/media/content/files/9/13522834390.pdf.
[8] Ядерное нераспространение / под общ. ред. В. А. Орлова. М., 2002. Т. 2. С. 176.
[9] Договоры РСМД, ОСВ-I, ОСВ-II, СНВ-I, СНВ-II, СНВ-III России и США.
[10] URL: https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N08/213/79/PDF/N0821379.pdf?OpenElement.
[11] См., например, ст. 5 Договора Тлателолко, ст. 1 Бангкокского договора, ст. 1 Пелиндабского договора.
[12] См., например, ст. 1 Договора Раротонга, ст. 1 Пелиндабского договора.

рантия ядерной безопасности. Поэтому важно определить его место и роль в структуре международно-правового режима нераспространения ядерного оружия.

Будапештский меморандум и международно-правовой режим нераспространения ядерного оружия

Будапештский меморандум предполагал отказ Украины, Белоруссии и Казахстана от ядерных арсеналов, оставшихся на территории Украины после распада СССР, а также предусматривал гарантии безопасности и территориальной целостности Украины[1].

Определим место Будапештского меморандума в международно-правовом режиме нераспространения ядерного оружия. Прежде всего обратимся к анализу содержания Будапештского меморандума. В тексте Меморандума можно выделить две смысловые части:

обязательства воздерживаться от совершения действий, которые могут привести к нарушению суверенитета Украины, и нормы об оказании помощи Украине в случае, если она станет жертвой агрессии, совершенной с применением ядерного оружия (ст. 1–4 Меморандума);

обязательства не применять ядерное оружие в отношении государств, не обладающих ядерным оружием, кроме случаев применения ими ядерного оружия в отношении государств, обладающих ядерным оружием (ст. 5 Меморандума).

Следует признать, что Будапештский меморандум обладает статусом международного договора, поскольку соответствует признакам договора, изложенным в ч. 1 ст. 2 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г.[2] Во-первых, Меморандум был заключен государствами в письменной форме. Во-вторых, данный документ регулируется нормами международного права (ч. 4 ст. 2 Устава ООН[3], режимом, созданным ДНЯО, Заключительным актом Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (Хельсинки, 1 августа 1975 г.)[4], Договором об обычных вооруженных силах в Европе от 19 ноября 1990 г.[5]). В-третьих, международный договор в качестве соглашения, возлагающего юридически значимые обязательства на государства, может иметь наименование «меморандум».

Кроме того, то, что стороны Меморандума стремились заключить именно международный договор, вытекает также из их последующего поведения. Сторонами было направлено письмо на имя Генерального секретаря, являющегося депозитарием Конференции по разоружению, с просьбой зарегистрировать Меморандум в качестве официального документа Конференции по разоружению[6]. Меморандум был квали-

[1] Annex I [Original: English and Russian] Memorandum on Security Assurances in Connection with Ukraine's Accession to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons: Letter dated 7 December 1994 from the Permanent Representatives of the Russian Federation, Ukraine, the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland and the United States of America to the United Nations addressed to the Secretary-General / General Assembly Security Council Forty-ninth session Forty-ninth year Agenda items 62 and 70 general and complete disarmament maintenance of international security // URL: http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/49/765.

[2] URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml.

[3] Устав Организации Объединенных Наций 1945 г. // URL: http://www.un.org/ru/sections/un-charter/chapter-i/index.html.

[4] URL: http://www.osce.org/ru/mc/39505?download=true.

[5] URL: http://www.osce.org/ru/library/14091?download=true.

[6] URL: https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/G94/652/94/PDF/G9465294.pdf?OpenElement.

фицирован Организацией Объединенных Наций в качестве международного соглашения по вопросам разоружения[1].

Таким образом, Будапештский меморандум обладает статусом международного договора.

Этот вопрос приобретает особое значение, поскольку Меморандум посвящен обязательству не применять ядерное оружие против государств, не обладающих ядерным оружием и являющихся участниками ДНЯО, а также воздерживаться от совершения действий против политической независимости и территориальной целостности Украины. Меморандум имеет обязательную силу для сторон, поскольку предусмотрена его применимость с момента подписания (ч. 2 ст. 6 Меморандума, п. «а» ч. 1 ст. 12 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г.).

Возникает вопрос о статусе Совместного заявления, которое было направлено сторонами на имя Генерального секретаря Конференции по разоружению одновременно с Меморандумом. Указанное Совместное заявление может быть квалифицировано в качестве Приложения к Меморандуму, представляющего собой соглашение относительно толкования Меморандума и применения его положений (на основании п. «b» ч. 2 ст. 31 в системной связи с п. «а» ч. 3 ст. 31 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г.). Намерение сторон интерпретировать Совместное заявление подобным образом подтверждается тем, что оно было направлено в качестве официального документа Конференции по разоружению совместно с Меморандумом. Исходя из содержания Совместного заявления можно сделать вывод о том, что положения Меморандума являются составной частью режима обеспечения безопасности на европейском континенте, созданного Заключительным актом Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 г., Договором об обычных вооруженных силах в Европе 1990 г. в рамках поддержания международной безопасности.

В силу того что Меморандум регулируется положениями Устава ООН, Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г. и посвящен обязательству воздерживаться от применения ядерного оружия в отношении государств, не обладающих ядерным оружием и являющихся участниками ДНЯО, возникает вопрос о соотношении положений Меморандума и ДНЯО. Представляется, что исходя из ч. 2 ст. 30 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г. положения Меморандума выступают специальными нормами по отношению к ДНЯО.

Во-первых, только в преамбуле ДНЯО указывается на необходимость принять все усилия по недопущению ядерной войны, а также воздерживаться от применения силы или угроз силой против территориальной целостности и политической независимости государств. В тексте ДНЯО не содержится обязательств не применять ядерное оружие. В ст. 5 Меморандума отражены как обязательство не применять ядерное оружие в отношении государств, не обладающих ядерным оружием и являющихся участниками ДНЯО, так и исключения из указанного положения. Ядерное оружие согласно Меморандуму может быть применено в случае нападения ядерной державы или государства в союзе с ядерной державой на указанные неядерные державы, зависимые от них территории, их вооруженные силы или их союзников.

Во-вторых, в соответствии со ст. VII ДНЯО допускается существование региональных договоров с целью обеспечения полного отсутствия ядерного оружия на тер-

[1] Конвенции и международные соглашения по вопросам разоружения // URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conv_disarmament.shtml.

риториях государств, заключивших такой договор. Иными словами, ДНЯО и заключенный впоследствии региональный договор позиционируются в ДНЯО как взаимно обусловленные. Закрепление в Меморандуме обязательства воздерживаться от применения ядерного оружия – действенная гарантия против возникновения ядерной войны, позволяющая неядерным державам сначала отказываться от производства и накопления ядерного оружия и впоследствии брать на себя обязательства по обеспечению полного отсутствия ядерного оружия на своих территориях. Поэтому ДНЯО и Меморандум позиционируются как взаимно обусловленные.

В-третьих, Меморандум носит характер регионального договора, принятого после вступления в силу ДНЯО (последующий договор).

Однако вследствие обязательства ядерных держав (Великобритании, России, США) по неприменению ядерного оружия во всем мире (в соответствии со ст. 5 Меморандума), а также территориального охвата действия ядерного оружия можно сделать вывод о приоритетности положений Меморандума по отношению к ДНЯО. В силу того что в Меморандуме содержатся действенные гарантии против ядерной войны, положения данного международного договора имеют принципиальное значение для воплощения режима ДНЯО (его «духа и буквы»[1]).

Поэтому несоответствие Меморандуму действий его сторон будет не только нарушением международного договора. Возможность сторон в соответствии со ст. 60 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г. приостановить действие Меморандума в целом или в части либо прекратить его в случае нарушения Меморандума приведет к ненадлежащему обеспечению предотвращения применения силы и угрозы силой в международных отношениях во всем мире (особенно в случае нарушения обязательств неприменения ядерного оружия).

В случае нарушения ст. 5 Меморандума возникнет также проблема определения путей защиты государств, пострадавших вследствие применения ядерного оружия сторонами Меморандума. Статья 35 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г. только наделяет третьи государства, не являющиеся участниками договора, возможностью пользоваться правами, предусмотренными договором, не предусматривая средств защиты в случае нарушения таких прав. Позиционирование положений Меморандума как специальных норм по отношению к ДНЯО позволит пострадавшим государствам воспользоваться режимом ДНЯО (в отношении запрета применения силы и угрозы силой, в том числе посредством ядерного оружия) в качестве гарантии признания права государства нарушенным.

Будапештский меморандум является международным договором, положения которого детализируют нормы Договора о нераспространении ядерного оружия. В Будапештском меморандуме содержатся действенные гарантии ядерной безопасности универсального применения в силу того, что в Меморандуме отражены обязательства России, США, Великобритании как ядерных держав воздерживаться от применения ядерного оружия в отношении неядерных государств. Меморандум имеет ключевое значение для международно-правового режима нераспространения ядерного оружия, поскольку обеспечивает действенное воплощение режима.

[1] *Sosoe L.* La vie des normes et l'esprit des lois. P., 1998. P. 89.

Заключение

Будапештский меморандум стал частью системы договоров режима ядерного нераспространения, нарушение его стало рассматриваться как нарушение всего режима ядерного нераспространения. Появилась точка зрения, что случай Украины, добровольно отказавшейся от ядерных арсеналов и позже потерявшей часть своей территории[1], может стать негативным примером для стран, которые рассматривают возможность или необходимость создания ядерного оружия. Украинские представители активно подключились к рассуждениям о роли ядерного оружия в контексте безопасности страны, а также о практике выполнения договоренностей в сфере ядерного нераспространения.

Однако Украина не является классическим примером страны, создавшей ядерное оружие и впоследствии отказавшейся от него. Здесь можно согласиться с немецким аналитиком О. Мейером в том, что Украина никогда не обладала полным контролем над ядерными арсеналами, расположенными на ее территории, Украина не создавала ядерное оружие самостоятельно[2].

Ядерные арсеналы и объекты, расположенные на территории Украины, были частью ядерной программы СССР. Объявившая независимость Украина не обладала правом полного контроля над ядерными объектами и управления ими. По сути, положения Будапештского меморандума стали частью договоренностей на взаимовыгодных условиях для сторон, подписавших это соглашение. Если подходить к вопросу формально, то произошло, можно отметить, нарушение российской стороной соглашений 1994 г., что наносит определенный урон режиму ДНЯО. Гарантии безопасности, предоставленные Украине, фактически нарушены. На Саммите по ядерной безопасности в Гааге в марте 2014 г. обсуждался вопрос о выполнении гарантий безопасности в отношении Украины и прозвучало предложение о включении вопроса о выполнении Будапештского меморандума в повестку дня Подготовительного комитета к Обзорной конференции ДНЯО[3].

Аналитики и политики выдвигают России претензии в отношении выполнения положений Будапештского меморандума. Указывается, что Россия нарушила свои обязательства по данному соглашению в отношении предоставленных Украине гарантий безопасности. Дж. Коэн в статье «Шаг за шагом Россия нарушает условия Будапештского меморандума» рассматривает, как нарушены положения договора Россией. Одним из ключевых заявлений данной статьи выступает то, что остальные участники договора не нарушали[4].

Основные претензии вызывает присоединение Крыма к России. Западные политики назвали присоединение Крыма «аннексией», «нарушением норм международного права». Напротив, Президент РФ подчеркнул, что «мы считаем эту реакцию абсолютно неадекватной тому, что произошло». «Международное право – что это

---

[1] *Kuzio T.* How the Crimea Crisis Will Breed Nuclear Bomb // Atlantic Council. 2014. 22 March. URL: http://www.atlanticcouncil.org/blogs/new-atlanticist/how-the-crimea-crisis-will-breed-nuclear-bombs.

[2] *Meier O.* The Ukraine Crisis and Control of Weapons of Mass Destruction Impacts on German Arms Control Objectives // Stiftung Wissenschaft und Politik. German Institute for International and Security Affairs / SWP Comments. 2014. June 30. URL: http://www.swp-berlin.org/en/publications/swp-comments-en/swp-aktuelle-details/article/ukraine_krise_und_ruestungskontrolle.html.

[3] *Баклицкий А.* На пути к обзорной конференции ДНЯО: иллюзорная легкость третьего препкома не может предвещать чудес // Индекс безопасности. 2015. № 3. Т. 20. С. 17.

[4] *Cohen J.* Point by point, Russia's violations of Budapest Memorandum // URL: https://www.kyivpost.com/article/opinion/op-ed/josh-cohen-point-point-russias-violations-budapest-memorandum.html.

такое? Это прежде всего Устав Организации Объединенных Наций, это международная практика и объяснение этой практики соответствующими международными инстанциями. И потом, у нас есть яркий и свежий прецедент – прецедент Косово. И ничего другого, кроме того, что было сделано в Косово, в Крыму сделано не было»[1].

В официальной позиции Министерства иностранных дел Российской Федерации выражено несогласие с тем, что Россия нарушила положения Будапештского меморандума. На пресс-конференции С. В. Лавров заявил: «Если вы имеете в виду Будапештский меморандум, мы его не нарушили. Он содержит только одно обязательство – не использовать ядерное оружие против Украины. Никто не угрожал применить ядерное оружие против Украины»[2].

Кроме того, Россия продолжает настаивать на том, что в Крыму прошел референдум и эта территория добровольно вышла из состава Украины и вошла в состав РФ.

Анализ норм международного права в системной связи с российским законодательством позволяет утверждать, что Россия воспринимает данный Меморандум в качестве своего международного обязательства:

в п. «а» ст. 2 Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации»[3] установлены те же критерии для квалификации официального документа в качестве международного договора, что и в Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г.;

исходя из ч. 1 ст. 24, ч. 3 ст. 31 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», ч. 2 ст. 6 Меморандума данный Меморандум вступил в силу и является обязательным для России;

Россия никогда не применяла ядерное оружие;

согласно ст. 35 Венской конвенции о правопреемстве государств в отношении международных договоров от 23 августа 1978 г.[4] присоединение Крыма к России не повлияло на статус Меморандума, он по-прежнему признается действующим международным договором для всех его сторон;

Россия выражает стремление не допускать экономическое принуждение Украины.

По обращению Украины от 10 апреля 2017 г. Международный суд ООН 12 апреля 2017 г. принял решение, в котором не признал, что присоединение Крыма к России было неправомерным. Суд возложил на Россию обязанность не создавать крымским татарам препятствий в формировании представительных органов власти, в том числе Меджлиса, и обеспечить возможность получения образования в Крыму на украинском языке[5]. Невозможно возложение подобных обязанностей на одно государство на территории другого государства.

Иными словами, и с формальной (установление в национальном законодательстве признаков международного договора, позволяющих квалифицировать Меморандум

[1] Интервью немецкому телеканалу ARD. 17 ноября 2014 года, 02:00 Владивосток // URL: http://www.kremlin.ru/news/47029.

[2] Sergey Lavrov's remarks and answers to media questions at a news conference on Russia's diplomacy performance in 2015. Embassy of the Russian Federation, Washington DC // URL: http://www.russianembassy.org/article/sergey-lavrov%E2%80%99s-remarks-and-answers-to-media-questions-at-a-news-conference-on-russia%E2%80%99s-dipl.

[3] О международных договорах Российской Федерации: Федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ // СЗ РФ. 1995. № 29. Ст. 2757.

[4] URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/states_succession.shtml.

[5] Order of International Court of Justice of 12 April 2017 «Application of the International Convention for the suppression of the financing of terrorism and of the International Convention on the elimination of all forms of racial discrimination» // URL: http://www.icj-cij.org/docket/files/166/19394.pdf.

в качестве вступившего в силу международного договора Российской Федерации), и с содержательной (фактическое выполнение положений Меморандума) точек зрения Меморандум о гарантиях безопасности в связи с присоединением Украины к Договору о нераспространении ядерного оружия позиционируется Россией в качестве международного договора, положения которого ею выполняются.

Однако по-прежнему существует международно-правовая коллизия между выполнением международных соглашений и договоренностей с одной стороны и правом наций на самоопределение – с другой. Каждое из государств придерживается своей позиции. Консенсус по данному вопросу не был достигнут и, вероятно, не будет достигнут еще длительное время, что подтверждает практика продления санкций против России.

Будапештский меморандум квалифицируется в качестве международного договора, обязательного к исполнению. Его положения представляют собой гарантии по недопущению ядерной войны посредством неприменения его сторонами ядерного оружия в отношении государств, не имеющих ядерного оружия и являющихся участниками ДНЯО.

Вместе с тем после 2014 г. произошли существенные изменения в отношениях основных гарантов ДНЯО: США и РФ. Страны прекратили переговорный процесс по разоружению, обвинили друг друга в нарушении Договора РСМД[1], НАТО активизировала программу размещения ПРО на территории Европы[2]. Режим ядерного нераспространения на протяжении всей истории его существования подвергался серьезным испытаниям. Украинский кризис выявил ряд новых угроз и вызовов. В первую очередь усилилась риторика вокруг ядерного оружия, выполнения соглашений в ядерной сфере, появились также апокалиптические сценарии и опасения в связи с украинским кризисом. Кризис по сути остановил двусторонний переговорный процесс между РФ и США и обозначил противоречия в сфере разоружения. Кризис осложнил выполнение договоренностей по ряду вопросов в рамках режима ядерного нераспространения, практически остановил техническое сотрудничество в сфере мирного атома между РФ и США, РФ и Украиной[3].

Для повышения эффективности Будапештского меморандума можно предложить выстраивание взаимоотношений с Украиной таким образом, чтобы действенность Будапештского меморандума не вызывала сомнений: в соответствии с решением Международного суда ООН воздерживаться от любых действий, которые могут привести к обострению ситуации; кроме того, необходимо исключить риторику о допустимости применения ядерного оружия.

Библиография

Annex I [Original: English and Russian] Memorandum on Security Assurances in Connection with Ukraine's Accession to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons: Letter dated 7 December 1994 from the Permanent Representatives of the Russian Federation, Ukraine, the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland and the United States of America to the United Nations addressed to the Secretary-General / General Assembly Security Council Forty-ninth session Forty-ninth year Agenda items 62 and 70 general and

[1] *Бужинский Е.* Есть ли будущее у Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности // Индекс безопасности. 2015. № 3. Т. 20. С. 151.

[2] Consequences for Russia's Arms Control Violations Act of 2014 // URL: https://www.congress.gov/bill/113th-congress/senate-bill/2725/text.

[3] Опасные игры с мирным атомом. Чем грозит ЕС и РФ введение реальных санкций в области ядерной энергетики // URL: http://svpressa.ru/economy/article/110093.

complete disarmament maintenance of international security // URL: http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/49/765.

Blockmans S. Russia and the Budapest memorandum. Brussels, 2014 // URL: https://euobserver.com/opinion/123375.

Budjeryn M. The Breach: Ukraine's Territorial Integrity and the Budapest Memorandum. Washington: Nuclear Proliferation International History Project. 2003. № 3.

Cohen J. Point by point, Russia's violations of Budapest Memorandum // URL: https://www.kyivpost.com/article/opinion/op-ed/josh-cohen-point-point-russias-violations-budapest-memorandum.html.

Consequences for Russia's Arms Control Violations Act of 2014 // URL: https://www.congress.gov/bill/113th-congress/senate-bill/2725/text.

Krasner S. D. International Regimes. Cornell, 1983.

Kuzio T. How the Crimea Crisis Will Breed Nuclear Bomb // Atlantic Council. 2014. 22 March. URL: http://www.atlanticcouncil.org/blogs/new-atlanticist/how-the-crimea-crisis-will-breed-nuclear-bombs.

Kuzio T. Ukraine between a Constrained EU and Assertive Russia // URL: http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/jcms.12447/full.

Meier O. The Ukraine Crisis and Control of Weapons of Mass Destruction Impacts on German Arms Control Objectives // Stiftung Wissenschaft und Politik. German Institute for International and Security Affairs / SWP Comments. 2014. June 30. URL: http://www.swp-berlin.org/en/publications/swp-comments-en/swp-aktuelle-details/article/ukraine_krise_und_ruestungskontrolle.html.

Order of International Court of Justice of 12 April 2017 «Application of the International Convention for the suppression of the financing of terrorism and of the International Convention on the elimination of all forms of racial discrimination» // URL: http://www.icj-cij.org/docket/files/166/19394.pdf.

Pifer S. Honoring Neither the Letter Nor the Law. Washington, 2014 // URL: http://www.brookings.edu/opinions/honoring-neither-the-letter-nor-the-law.

Sergey Lavrov's remarks and answers to media questions at a news conference on Russia's diplomacy performance in 2015. Embassy of the Russian Federation, Washington DC // URL: http://www.russianembassy.org/article/sergey-lavrov%E2%80%99s-remarks-and-answers-to-media-questions-at-a-news-conference-on-russia%E2%80%99s-dipl.

Sherr J. Budapest Memorandum could not prevent war. Washington, 2015.

Sosoe L. La vie des normes et l'esprit des lois. P., 1998.

Yost D. S. The Budapest memorandum and the Russia-Ukraine crisis // URL: http://warontherocks.com/2015/06/the-budapest-memorandum-and-the-russia-ukraine-crisis.

Баклицкий А. На пути к обзорной конференции ДНЯО: иллюзорная легкость третьего препкома не может предвещать чудес // Индекс безопасности. 2015. № 3. Т. 20.

Бужинский Е. Есть ли будущее у Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности // Индекс безопасности. 2015. № 3. Т. 20.

Венская конвенция о праве международных договоров 1969 г. // URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml.

Венская конвенция о правопреемстве государств в отношении международных договоров 1978 г. // URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/states_succession.shtml.

Городецкий Н. Ядерная целостность Украины // URL: https://www.gazeta.ru/science/2014/12/04_a_6329385.shtml.

Договор о безъядерной зоне в южной части Тихого океана 1985 г. // URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/nuclear_free_pacific.pdf.

Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой 1963 г. // URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/nuclear_seabed.pdf.

Договор о запрещении размещения на дне морей и океанов и в его недрах ядерного оружия и других видов оружия массового уничтожения 1970 г. // URL: https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/351/89/IMG/NR035189.pdf?OpenElement.

Договор о запрещении ядерного оружия в Латинской Америке и Карибском бассейне 1967 г. // URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/tlatelolko.pdf.

Договор о зоне, свободной от ядерного оружия, в Африке 1996 г. // URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/pelindaba.pdf.

Договор о зоне, свободной от ядерного оружия, в Юго-Восточной Азии 1995 г. // URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/bangkok.shtml.

Договор о нераспространении ядерного оружия: одобр. резолюцией 2373 (XXII) Генеральной Ассамблеи ООН от 12 июня 1968 г. // URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/npt.shtml.

Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела: принят резолюцией 2222 (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН от 19 декабря 1966 г. // URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/outer_space_governing.shtml.

Договор об Антарктике 1959 г. // URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/antarctic.pdf.

Договор об обычных вооруженных силах в Европе 1990 г. // URL: http://www.osce.org/ru/library/14091?download=true.

Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 г. // URL: http://www.osce.org/ru/mc/39505?download=true.

Интервью немецкому телеканалу ARD. 17 ноября 2014 года, 02:00 Владивосток // URL: http://www.kremlin.ru/news/47029.

Конвенции и международные соглашения по вопросам разоружения // URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conv_disarmament.shtml.

Матузов Н. И., Малько А. В. Правовые режимы: вопросы теории и практики // Правоведение. 1996. № 1.

Меморандум о гарантиях безопасности в связи с присоединением Украины к Договору о нераспространении ядерного оружия (Будапешт, 5 декабря 1994 г.) // URL: https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/G94/652/94/PDF/G9465294.pdf?OpenElement.

О международных договорах Российской Федерации: Федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ // СЗ РФ. 1995. № 29. Ст. 2757.

Опасные игры с мирным атомом. Чем грозит ЕС и РФ введение реальных санкций в области ядерной энергетики // URL: http://svpressa.ru/economy/article/110093.

Проблема Будапештского меморандума в том, что не прописан ответ на его нарушение – британский эксперт // URL: http://www.segodnya.ua/politics/pnews/problema-budapeshtskogo-memoranduma-v-tom-chto-ne-propisan-otvet-na-ego-narushenie-britanskiy-ekspert-700161.html.

Проект Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний 1996 г. // URL: https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N96/219/25/PDF/N9621925.pdf?OpenElement.

Проект Типовой конвенции по ядерному оружию 2007 г. // URL: https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N08/213/79/PDF/N0821379.pdf?OpenElement.

Протокол к Договору о зоне, свободной от ядерного оружия, в Центральной Азии // URL: http://www.pircenter.org/media/content/files/9/13522834390.pdf.

Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 12 января 1999 г. № A/RES/53/77 о создании зоны, свободной от ядерного оружия, в Центральной Азии и в Монголии // URL: https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N99/760/47/PDF/N9976047.pdf?OpenElement.

Резолюция Совета Безопасности ООН от 19 июня 1968 г. № 255 (1968) // URL: https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/248/72/IMG/NR024872.pdf?OpenElement.

Резолюция Совета Безопасности ООН от 11 апреля 1995 г. № 984 (1995) «Предложения Китая, Российской Федерации, Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии, Соединенных Штатов Америки и Франции о гарантиях безопасности» // URL: https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N95/106/08/PDF/N9510608.pdf?OpenElement.

Резолюция Совета Безопасности ООН от 11 апреля 1995 г. № 984 (1995) // URL: https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N95/106/08/PDF/N9510608.pdf?OpenElement.

Решения и резолюции, принятые Конференцией 1995 г. по рассмотрению и продлению действия Договора, Заключительные документы Конференции 2000 и 2010 гг. по рассмотрению действия ДНЯО // URL: https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N10/390/23/PDF/N1039023.pdf?OpenElement.

Тимербаев Р. М. Россия и ядерное нераспространение. 1945–1968. М., 1999.

Устав Организации Объединенных Наций 1945 г. // URL: http://www.un.org/ru/sections/un-charter/chapter-i/index.html.

Ядерное нераспространение / под общ. ред. В. А. Орлова. М., 2002. Т. 2.

Bibliography

Annex I [Original: English and Russian] Memorandum on Security Assurances in Connection with Ukraine's Accession to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons: Letter dated 7 December 1994 from

the Permanent Representatives of the Russian Federation, Ukraine, the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland and the United States of America to the United Nations addressed to the Secretary-General / General Assembly Security Council Forty-ninth session Forty-ninth year Agenda items 62 and 70 general and complete disarmament maintenance of international security // URL: http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/49/765.

Baklickij A. Na puti k obzornoj konferencii DNYaO: illyuzornaya legkost' tret'ego prepkoma ne mozhet predveshhat' chudes // Indeks bezopasnosti. 2015. № 3. T. 20.

Blockmans S. Russia and the Budapest memorandum. Brussels, 2014 // URL: https://euobserver.com/opinion/123375.

Budjeryn M. The Breach: Ukraine's Territorial Integrity and the Budapest Memorandum. Washington: Nuclear Proliferation International History Project. 2003. № 3.

Buzhinskij E. Est' li budushhee u Dogovora o likvidacii raket srednej i men'shej dal'nosti // Indeks bezopasnosti. 2015. № 3. T. 20.

Cohen J. Point by point, Russia's violations of Budapest Memorandum // URL: https://www.kyivpost.com/article/opinion/op-ed/josh-cohen-point-point-russias-violations-budapest-memorandum.html.

Consequences for Russia's Arms Control Violations Act of 2014 // URL: https://www.congress.gov/bill/113th-congress/senate-bill/2725/text.

Dogovor o bez"yadernoj zone v yuzhnoj chasti Tixogo okeana 1985 g. // URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/nuclear_free_pacific.pdf.

Dogovor o nerasprostranenii yadernogo oruzhiya: odobr. rezolyuciej 2373 (XXII) General'noj Assamblei OON ot 12 iyunya 1968 g. // URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/npt.shtml.

Dogovor o principax deyatel'nosti gosudarstv po issledovaniyu i ispol'zovaniyu kosmicheskogo prostranstva, vklyuchaya Lunu i drugie nebesnye tela: prinyat rezolyuciej 2222 (XXI) General'noj Assamblei OON ot 19 dekabrya 1966 g. // URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/outer_space_governing.shtml.

Dogovor o zapreshhenii ispytanij yadernogo oruzhiya v atmosfere, v kosmicheskom prostranstve i pod vodoj 1963 g. // URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/nuclear_seabed.pdf.

Dogovor o zapreshhenii razmeshheniya na dne morej i okeanov i v ego nedrax yadernogo oruzhiya i drugix vidov oruzhiya massovogo unichtozheniya 1970 g. // URL: https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/351/89/IMG/NR035189.pdf?OpenElement.

Dogovor o zapreshhenii yadernogo oruzhiya v Latinskoj Amerike i Karibskom bassejne 1967 g. // URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/tlatelolko.pdf.

Dogovor o zone, svobodnoj ot yadernogo oruzhiya, v Afrike 1996 g. // URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/pelindaba.pdf.

Dogovor o zone, svobodnoj ot yadernogo oruzhiya, v Yugo-Vostochnoj Azii 1995 g. // URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/bangkok.shtml.

Dogovor ob Antarktike 1959 g. // URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/antarctic.pdf.

Dogovor ob obychnyx vooruzhennyx silax v Evrope 1990 g. // URL: http://www.osce.org/ru/library/14091?download=true.

Gorodeckij N. Yadernaya celostnost' Ukrainy // URL: https://www.gazeta.ru/science/2014/12/04_a_6329385.shtml.

Interv'yu nemeckomu telekanalu ARD. 17 noyabrya 2014 goda, 02:00 Vladivostok // URL: http://www.kremlin.ru/news/47029.

Konvencii i mezhdunarodnye soglasheniya po voprosam razoruzheniya // URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conv_disarmament.shtml.

Krasner S. D. International Regimes. Cornell, 1983.

Kuzio T. How the Crimea Crisis Will Breed Nuclear Bomb // Atlantic Council. 2014. 22 March. URL: http://www.atlanticcouncil.org/blogs/new-atlanticist/how-the-crimea-crisis-will-breed-nuclear-bombs.

Kuzio T. Ukraine between a Constrained EU and Assertive Russia // URL: http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/jcms.12447/full.

Matuzov N. I., Mal'ko A. V. Pravovye rezhimy: voprosy teorii i praktiki // Pravovedenie. 1996. № 1.

Meier O. The Ukraine Crisis and Control of Weapons of Mass Destruction Impacts on German Arms Control Objectives // Stiftung Wissenschaft und Politik. German Institute for International and Security Affairs / SWP Comments. 2014. June 30. URL: http://www.swp-berlin.org/en/publications/swp-comments-en/swp-aktuelle-details/article/ukraine_krise_und_ruestungskontrolle.html.

Memorandum o garantiyax bezopasnosti v svyazi s prisoedineniem Ukrainy k Dogovoru o nerasprostranenii yadernogo oruzhiya (Budapesht, 5 dekabrya 1994 g.) // URL: https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/G94/652/94/PDF/G9465294.pdf?OpenElement.

O mezhdunarodnyx dogovorax Rossijskoj Federacii: Federal'nyj zakon ot 15 iyulya 1995 g. № 101-FZ // SZ RF. 1995. № 29. St. 2757.

Opasnye igry s mirnym atomom. Chem grozit ES i RF vvedenie real'nyx sankcij v oblasti yadernoj ehnergetiki // URL: http://svpressa.ru/economy/article/110093.

Order of International Court of Justice of 12 April 2017 «Application of the International Convention for the suppression of the financing of terrorism and of the International Convention on the elimination of all forms of racial discrimination» // URL: http://www.icj-cij.org/docket/files/166/19394.pdf.

Pifer S. Honoring Neither the Letter Nor the Law. Washington, 2014 // URL: http://www.brookings.edu/opinions/honoring-neither-the-letter-nor-the-law.

Problema Budapeshtskogo memoranduma v tom, chto ne propisan otvet na ego narushenie – britanskij ehkspert // URL: http://www.segodnya.ua/politics/pnews/problema-budapeshtskogo-memoranduma-v-tom-chto-ne-propisan-otvet-na-ego-narushenie-britanskiy-ekspert-700161.html.

Proekt Dogovora o vseob"emlyushhem zapreshhenii yadernyx ispytanij 1996 g. // URL: https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N96/219/25/PDF/N9621925.pdf?OpenElement.

Proekt Tipovoj konvencii po yadernomu oruzhiyu 2007 g. // URL: https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N08/213/79/PDF/N0821379.pdf?OpenElement.

Protokol k Dogovoru o zone, svobodnoj ot yadernogo oruzhiya, v Central'noj Azii // URL: http://www.pircenter.org/media/content/files/9/13522834390.pdf.

Resheniya i rezolyucii, prinyatye Konferenciej 1995 g. po rassmotreniyu i prodleniyu dejstviya Dogovora, Zaklyuchitel'nye dokumenty Konferencii 2000 i 2010 gg. po rassmotreniyu dejstviya DNYaO // URL: https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N10/390/23/PDF/N1039023.pdf?OpenElement.

Rezolyuciya General'noj Assamblei OON ot 12 yanvarya 1999 g. № A/RES/53/77 o sozdanii zony, svobodnoj ot yadernogo oruzhiya, v Central'noj Azii i v Mongolii // URL: https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N99/760/47/PDF/N9976047.pdf?OpenElement.

Rezolyuciya Soveta Bezopasnosti OON ot 19 iyunya 1968 g. № 255 (1968) // URL: https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/248/72/IMG/NR024872.pdf?OpenElement.

Rezolyuciya Soveta Bezopasnosti OON ot 11 aprelya 1995 g. № 984 (1995) «Predlozheniya Kitaya, Rossijskoj Federacii, Soedinennogo Korolevstva Velikobritanii i Severnoj Irlandii, Soedinennyx Shtatov Ameriki i Francii o garantiyax bezopasnosti» // URL: https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N95/106/08/PDF/N9510608.pdf?OpenElement.

Rezolyuciya Soveta Bezopasnosti OON ot 11 aprelya 1995 g. № 984 (1995) // URL: https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N95/106/08/PDF/N9510608.pdf?OpenElement.

Sergey Lavrov's remarks and answers to media questions at a news conference on Russia's diplomacy performance in 2015. Embassy of the Russian Federation, Washington DC // URL: http://www.russianembassy.org/article/sergey-lavrov%E2%80%99s-remarks-and-answers-to-media-questions-at-a-news-conference-on-russia%E2%80%99s-dipl.

Sherr J. Budapest Memorandum could not prevent war. Washington, 2015.

Sosoe L. La vie des normes et l'esprit des lois. P., 1998.

Timerbaev R. M. Rossiya i yadernoe nerasprostranenie. 1945–1968. M., 1999.

Ustav Organizacii Ob"edinennyx Nacij 1945 g. // URL: http://www.un.org/ru/sections/un-charter/chapter-i/index.html.

Venskaya konvenciya o prave mezhdunarodnyx dogovorov 1969 g. // URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml.

Venskaya konvenciya o pravopreemstve gosudarstv v otnoshenii mezhdunarodnyx dogovorov 1978 g. // URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/states_succession.shtml.

Yadernoe nerasprostranenie / pod obshh. red. V. A. Orlova. M., 2002. T. 2.

Yost D. S. The Budapest memorandum and the Russia-Ukraine crisis // URL: http://warontherocks.com/2015/06/the-budapest-memorandum-and-the-russia-ukraine-crisis.

Zaklyuchitel'nyj akt Soveshhaniya po bezopasnosti i sotrudnichestvu v Evrope 1975 g. // URL: http://www.osce.org/ru/mc/39505?download=true.

О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ «ЮРИДИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ», «ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ» И «ПРАВОЗАЩИТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ»

Януш Екатерина Вячеславовна
Преподаватель кафедры административного и финансового права Юридического института Иркутского государственного университета (Иркутск),
e-mail: Spelli1@mail.ru

Рассматривается одна из актуальных проблем российского законодательства – множественность синонимичных терминов. Подчеркиваются первоочередная важность, высокая актуальность вопроса об унификации понятийного аппарата. Исследуется соотношение понятий «правоохранительная» и «правозащитная деятельность», «юридическая» и «правовая деятельность», дана характеристика этих понятий, приведены критерии сравнения. Автор приходит к выводу о том, что понятия «правоохранительная деятельность» и «правозащитная деятельность» могут быть тождественны, разрешение этого вопроса зависит от предмета посягательства. Автор заключает, что понятие «юридическая деятельность» является родовым по отношению к понятию «правоохранительная деятельность» и равнозначно (синонимично) понятию «правовая деятельность». Высказано мнение об адвокатуре как о правозащитной организации.

Ключевые слова: правоохранительная деятельность, правозащитная деятельность, правовая деятельность, юридическая деятельность

ON CORRELATION OF CONCEPTS «LEGAL ACTIVITY», «LAW-ENFORCEMENT ACTIVITY» AND «ADVOCACY ACTIVITY»

Yanush Ekaterina
Irkutsk State University (Irkutsk), e-mail: Spelli1@mail.ru

The author examines one of the topical issues of the Russian legislation – multiplicity of synonymous terms. Primary importance and high relevance of unification of the conceptual system are underlined. Correlation of concepts «law-enforcement» and «advocacy activity», «juridical activity» and «legal activity» is investigated, description of these concepts is given, and criteria for their comparison are shown. The author asserts that concepts «law-enforcement activity» and «advocacy activity» could be identical, and this depends on the object of encroachment. Further the author comes to the conclusion that a concept «legal activity» is generic term in relation to a concept «law-enforcement activity» and equal (synonymous) to a concept «law activity». She also believes that advocacy could be considered as advocacy organization.

Key words: law-enforcement activity, advocacy activity, law activity, legal activity

Употребление в законе исключительно
терминов – это идеал, к которому
право стремится и которого оно никогда не достигнет
из-за сложности самой действительности,
составляющей предмет права и его цель.

В. М. Коган

Государство как единственная политическая организация, которая в силу присущих ей качеств исторически возникла как организация социального управления, по своей сущности предназначено для управления обществом путем установления и принятия норм права, претворения этих норм в жизнь, в том числе силами государственного принуждения.

Право (позитивное) представляет собой систему установленных или санкционированных государством правил поведения (норм права), которые обязательны для всех членов общества и действие которых гарантируется государством. В связи с этим в ст. 1 Конституции РФ закреплены положения о том, что государство осуществляет свою деятельность на основе норм права, обеспечивает верховенство закона, охрану законных интересов личности, взаимную ответственность государства и граждан и признает права и свободы человека высшей ценностью, а их признание, соблюдение и защиту – обязанностью государства. Все органы государственной власти должны принимать меры для поддержания законности и правопорядка в государстве. Строго соблюдая законы, обеспечивая реализацию прав граждан, отстаивая законные интересы государства, государственные органы тем самым косвенно участвуют в правоохранительной деятельности, т. е. способствуют охране права от нарушений. Можно ли считать, что каждый отдельно взятый орган государственной власти является правоохранительным? А нотариусы и адвокаты могут рассматриваться как лица, уполномоченные государством на осуществление правоохранительной деятельности?

Следует заметить, что до настоящего времени юридическая наука не выработала единого определения правоохранительной деятельности, ведутся споры и о соотношении понятий «правовая» и «юридическая деятельность».

В юридической науке называются различные причины пробельности понятийного аппарата. Профессор К. Ф. Гуценко видит причину отсутствия официальной трактовки правоохранительной деятельности или хотя бы единого подхода к ее пониманию в «младенческом» возрасте термина, отмечая, что он был введен в обиход в конце 50-х – 60-х гг. и гораздо моложе других терминов, которые используют юристы[1]. Вместе с тем, несмотря на относительную молодость термина (ему более 50 лет), уже существует множество его дефиниций, которые при предметном анализе противоречат друг другу. Причиной таких противоречий выступает, по нашему мнению, лишь лингвистическая неточность.

Указанное обстоятельство обусловливает актуальность вопроса об унификации понятийного аппарата. Если мы не можем договориться о едином подходе к пониманию того или иного правового явления, то не может быть и речи о его комплексном и глубоком изучении, о едином понимании права и, как следствие, о единообразном применении норм права, так как нарушаются основные требования, предъявляемые к терминам (единство юридической терминологии, общепризнанность тер-

[1] *Гуценко К. Ф.* Правоохранительные органы: учеб. для вузов / под ред. К. Ф. Гуценко. М., 1995. С. 2.

минов, стабильность, устойчивость, точность терминологии). Еще советский правовед В. М. Савицкий указал, что «невыдержанность» юридической терминологии непосредственно сказывается на научных исследованиях: порождает схоластические споры[1].

В связи с этим следует отметить, что Указом Президента РФ от 24 декабря 2014 г. № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики»[2] предписывается использование в общероссийском публичном пространстве и государственных средствах массовой информации эталонного русского литературного языка. Постановлением Правительства РФ от 23 ноября 2006 г. № 714[3] разъясняется, что под нормами современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации понимается совокупность языковых средств и правил их употребления в сферах использования русского языка как государственного языка РФ.

Таким образом, законодательно предписано использовать языковые средства в соответствии с правилами их употребления по сферам использования. Безусловно, богатство русского языка, позволяющего блистать красноречием, в рамках сферы правового регулирования является еще и минусом, поскольку влечет за собой путаницу.

Еще Аристотель замечал, что «при приведении доводов неправильно умозаключают те, кто не знает значения слов, – и когда сами рассуждают, и когда слушают других»[4]. Цицерон также полагал, что к рассуждениям дозволено приступать лишь после достижения согласия в отношении предмета исследования[5]. Аналогичной позиции придерживался и средневековый мыслитель Марсилий Падуанский, считавший необходимым прежде всего разобраться в «разных определениях, применяемых нами при рассмотрении основных вопросов»[6]. Однако имеют место и противоположные мнения; так, Г. В. Ф. Гегель обосновывал практическую невозможность какого-либо «окончательного» определения постоянным развитием права, «совершенство» права, по Гегелю, есть лишь «постоянное приближение»[7].

С учетом изложенного полагаем необходимым рассмотреть соотношение понятий «правозащитная деятельность» и «правоохранительная деятельность», «юридическая деятельность» и «правовая деятельность».

Прежде всего следует разобраться в том, что входит в понятие «деятельность», выявить основные элементы ее содержания, которые в последующем послужат критериями оценки. Деятельность в энциклопедическом словаре рассматривается как специфическая человеческая форма отношения к окружающему миру, содержание которой составляет его целесообразное изменение в интересах людей; условие существования общества. Толковый словарь Ушакова дает такое определение: «Деятельность – работа, систематическое применение своих сил в какой-нибудь области. Общественная деятельность. Врачебная деятельность». По словарю Ожегова «дея-

[1] *Савицкий В. М.* Язык процессуального закона (вопросы терминологии) / под ред. А. Я. Сухарева. М., 1987. С. 35.

[2] СЗ РФ. 2014. № 52 (Ч. I). Ст. 7753.

[3] О порядке утверждения норм современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации, правил русской орфографии и пунктуации: постановление Правительства РФ от 23 ноября 2006 г. № 714 // СЗ РФ. 2006. № 48. Ст. 5042.

[4] *Аристотель.* Соч.: в 4 т. М., 1984. Т. 2. С. 536.

[5] Дигесты Юстиниана / отв. ред. Л. Л. Кофанов. М., 2006. Т. VIII. С. 611, 637.

[6] *Падуанский М.* Защитник мира. Defensor pacis / пер. с фр. Б. У. Есенова; науч. ред., вступ. ст., примеч. Г. П. Лупарева. М., 2014. С. 200.

[7] *Гегель Г. В. Ф.* Философия права // Философское наследие. М., 1990. Т. 113. С. 63, 253–254.

тельность – работа каких-нибудь органов, а также сил природы; занятие, труд». Психологический словарь понимает деятельность как «активное взаимодействие живого существа с окружающим миром, в ходе которого оно целенаправленно воздействует на объект и за счет этого удовлетворяет свои потребности».

Деятельность включает в себя цель, средства, результат и сам процесс. Цель деятельности – это то, на что направлена деятельность, ее обозримый итог. Средства представляются как способы достижения цели. Результат – то, что получено в завершении какой-нибудь деятельности, работы. Процесс – совокупность последовательных действий, направленных на достижение желаемого результата.

Перейдем к соотношению первой пары терминов: «правоохранительная деятельность» и «правозащитная деятельность».

Обратимся к терминам «охрана» и «защита». В юридической литературе встречается два подхода к соотношению этих двух терминов[1]: 1) термины являются равнозначными, так как правовая защита осуществляется государственными органами в рамках особых правоохранительных отношений[2]; 2) термины не равнозначны, поскольку правовая охрана осуществляется постоянно, а защита – только при нарушении[3]. Следует оговориться, что сущность второго подхода зависит от того, что понимается под термином «защита».

Защитить – охраняя, оградить от посягательств, от враждебных действий, от опасности; предохранить, обезопасить от чего-нибудь; отстоять перед чьей-нибудь критикой, возражениями[4]; оградить от посягательства, нападения, неприязненных и враждебных действий; оборонить; не позволить осуждать, ругать кого-либо (что-либо), доказывая, убеждая; предохранять от воздействия чего-либо (например, глаза от солнца); доказывать правильность положений и выводов научной работы с целью получения соответствующей квалификации[5].

Охранять – стеречь, беречь, оберегать, сторожить, караулить; оборонить, защищать, обезопасить, крыть, отстаивать, заступать, застаивать, держать в целости, сохранно, спасать[6].

Таким образом, смысл слова «охрана» раскрывается в значении «стеречь», т. е. через совершение пассивного действия, тогда как «защита» подразумевает совершение не только пассивного, но и активного действия.

На наличие «узкого» и «широкого» смысла термина «защита» указывает С. С. Юрьев. Он пишет: «С одной стороны, под защитой понимается процесс реализации права на обращение в компетентные органы (прежде всего, в суд), а также осуществления иных правомерных действий для пресечения наличествующего нарушения охраняемых законом прав и интересов, т. е. для защиты „в узком смысле“ необходим некий деликт. С другой стороны, в широком смысле защитой являются любые меры общей и частной превенции, направленные на предупреждение противоправных деяний и устранение причин, их порождающих, и с этой точки зрения нормативное урегулирование желательных для законодателя правил поведе-

---

[1] Подробнее см.: *Тархов В. А.* Гражданское право: курс лекций. Чебоксары, 1997. С. 259–260.

[2] Охранительный механизм в правовой системе социализма: межвуз. сб. науч. ст. / под ред. Н. В. Витрука. Красноярск, 1989. С. 234.

[3] *Сабикенов С.* Некоторые вопросы охраны субъективных прав и законных интересов граждан // Проблемы государства и права на современном этапе: тр. науч. сотрудников и аспирантов. М., 1973. Вып. 6. С. 53; *Цицерон.* Диалоги. О государстве. О законах. М., 1994. С. 20.

[4] *Матузов Н. И.* Правовая система и личность. Саратов, 1987. С. 131.

[5] Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 2006. С. 359, 770.

[6] *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М., 2004. Т. 1. С. 595; Т. 2. С. 640.

ния в соответствующей области общественных отношений может расцениваться как защита»[1].

На наш взгляд, сущность у этих понятий одна, и защита, и охрана прав рассчитаны на обеспечение прав и свобод человека, гражданина и организаций.

На основании изложенного, а также с учетом лексического анализа, анализа практики применения терминов «охрана» и «защита» приходим к выводу о том, что и правоохранительная, и правозащитная деятельность охватывают собой отношения по охране прав, свобод и законных интересов субъектов правоотношений от правонарушений, обеспечивают принцип законности. Вместе с тем следует заметить, что, например, при совершении преступления правоохранительные органы выступают не на стороне конкретного потерпевшего, а на стороне права (закона), так как к ответственности привлекаются лица, виновные в нарушении запретов, установленных Уголовным кодексом РФ, т. е. происходит охрана права (закона) от нарушений. Права потерпевшего от преступления как были нарушены, так и остаются нарушенными, а уголовная ответственность в таких случаях носит характер наказания за нарушение запрета. Так, при привлечении к уголовной ответственности лиц, виновных в совершении преступления по ст. 167 УК РФ (умышленное уничтожение или повреждение имущества), не разрешается вопрос о восстановлении материального положения потерпевшего. Получив приговор суда, потерпевший должен обратиться в суд с иском о возмещении ущерба, причиненного преступлением. Обратиться с иском – означает искать защиты нарушенного права.

Таким образом, по нашему мнению, понятия «правоохранительная деятельность» и «правозащитная деятельность» могут быть тождественны, но разрешение этого вопроса зависит от предмета посягательства. Если речь идет об охране и защите самого права как регулятора общественных отношений, то эти понятия идентичны. Если же речь идет о защите субъективных прав граждан, о восстановлении нарушенного права, то понятия не тождественны и «правоохранительная деятельность» не включает «правозащитную деятельность», так как первая осуществляется везде и всегда, выражается в пассивной форме (путем закрепления норм права, установления запретов и ответственности за их нарушение), в то время как защита прав, свобод и законных интересов субъектов права возможна только при нарушении права и только в активной форме (путем обращения в суд, вынесения решения, наложения ареста на имущество и пр.).

Под правоохранительной деятельностью, по мнению А. И. Числова, понимается специфическая человеческая форма активности, реализуемая в сфере обеспечения правопорядка и законности с помощью специальных институтов, форм и методов осуществления[2]. Также А. И. Числов отмечал, что в зависимости от способов правовой регуляции охранительных правоотношений и их институциализации правоохранительная деятельность может носить характер государственной деятельности, выступая как форма государственного управления и (или) регулирования, и деятельности общественной, выступая как форма самоуправления и (или) саморегуляции[3].

---

[1] *Юрьев С. С.* Правовой статус национальных меньшинств (теоретико-правовой анализ). 2-е изд. М., 2000. С. 10–11.

[2] *Числов А. И.* Профессиональная правоохранительная деятельность (теоретико-правовое исследование): дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2000. С. 192.

[3] Там же. С. 193–194.

Правозащитная деятельность представляет собой вид деятельности, во-первых, направленный на обеспечение охраны прав, свобод и законных интересов субъектов права путем формирования и закрепления правовых норм, призванных упорядочить общественные отношения, во-вторых, направленный на защиту прав, свобод и законных интересов субъектов права (частных интересов) в случае их нарушения путем обеспечения функционирования соответствующих государственно-властных структур и (или) лиц, допущеных к оказанию юридических услуг (помощи).

Полагаем, следует согласиться с выводом А. И. Числова о том, что правоохранительная деятельность в силу указанных признаков должна рассматриваться не только как специфический социальный вид человеческой деятельности, но и как определенная профессия. Однако в литературе обычно рассматривают юридическую профессиональную деятельность или даже деятельность отдельных ее субъектов: судей, прокуроров, адвокатов и пр.[1]

Решая вопрос о том, занимается ли адвокатура правоохранительной деятельностью или же относится к правозащитным организациям, приходим к выводу о том, что адвокатура – правозащитная организация. Такой вывод мы делаем на основании изучения положений законодательства об адвокатуре в РФ: целью адвоката является защита личных интересов его доверителя, в то время как у прокурора совершенно иная цель – защита публичных интересов.

Перейдем к соотношению понятий «юридическая» и «правовая деятельность».

В литературе юридическая деятельность предстает не только как профессиональная деятельность должностных лиц по применению права (правоприменительная деятельность), но и как деятельность всех субъектов, реализующих права и обязанности с помощью специальных правовых средств в различных типах правового регулирования: правовая активность, правореализующая деятельность в составе общедозволительного и разрешительного регулирования[2].

Мы обнаружили ряд определений юридической деятельности.

В. Н. Карташов считает, что под юридической деятельностью следует понимать объективированную в официальных актах, опосредованную правом, интеллектуально-волевую, управленческую, производственно-трудовую деятельность компетентных учреждений и организаций, которая осуществляется в определенных процедурно-процессуальных формах с помощью специальных юридических действий и операций, способов и средств, направлена на решение общественных задач и функций (создание законов, отправление правосудия, визирование фактов и т. п.) и удовлетворение тем самым публичных и частных потребностей и интересов[3].

А. П. Вершинин предложил под юридической деятельностью понимать деятельность, несущую в себе информацию и волеизъявления субъектов по поводу другой регулируемой деятельности и в ходе которой субъектами постоянно совершаются правовые акты, т. е. создаются, закрепляются, защищаются нормы, постоянно «воссоздается» право.

---

[1] См., например: *Соколов Н. Я.* Профессиональное сознание юристов. М., 1988. С. 15; *Карташов В. Н.* Юридическая деятельность: понятие, структура, ценность. Саратов, 1989. С. 24; *Его же.* Профессиональная юридическая деятельность (вопросы теории и практики). Ярославль, 1992. С. 140.

[2] *Турбова Я. В.* Правосознание в структуре юридической деятельности: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2000. С. 25.

[3] *Карташов В. Н.* Юридическая деятельность: Проблемы теории и методологии: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1990. С. 42.

Следует также упомянуть позицию Б. В. Шагиева о том, что сегодня более устоявшимся понятием является «правовая деятельность», два указанных понятия не синонимичны. «Правовая деятельность», по мнению Б. В. Шагиева, – понятие более широкое, поскольку призвано охватить действия не только субъектов, осуществляющих государственную (публичную) власть, но и всех юридических и физических лиц, гарантированные и охраняемые государством. Иными словами, под правовой деятельностью следует понимать любые правомерные действия, порождающие, изменяющие или прекращающие правоотношения. А понятие «юридическая деятельность» охватывает более узкий круг отношений, поскольку субъект правовой деятельности переходит в сферу собственно юридического, лишь став субъектом юридической ответственности. Задачей юридической деятельности является оказание публично-организующего воздействия на входящие в сферу правовой жизни общественные отношения, придание им юридически значимого характера.

По нашему мнению, разграничение юридической и правовой деятельности необоснованно, так как любая сделка (неважно, оформлена она государственным органом или заключена в кабинете частнопрактикующего юриста) влечет возникновение, изменение или прекращение юридических прав и обязанностей. Полагаем, что понятия «юридическая деятельность» и «правовая деятельность» синонимичны и их разграничение приведет к гипертрофированному размножению терминов.

Юридическая деятельность – относительно самостоятельная система, которая характеризуется сложным, внутренне дифференцированным единством многих составляющих ее компонентов (субъектов, целей, средств и т. д.) и представляет собой опосредованную правом социально-преобразующую деятельность.

Юридическая деятельность направлена на «обработку людей людьми». В этом тезисе заключен огромный методологический, социально-политический и нравственный смысл, позволяющий акцентировать внимание на хрупкости «материала обработки» – человеческой личности, конкретных людей с их запросами, интересами, судьбами. Юридическая деятельность влечет серьезные и разнообразные материальные, духовные и иные последствия.

С внутриорганизационной стороны юридическая деятельность характеризуется как общественная, публичная, коллективная, комбинированная, предполагающая наличие четких внутриорганизационных связей. Этот вид деятельности предполагает и распределение компетенции прежде всего среди субъектов оказания юридических услуг или юридической помощи, поскольку сегодня юридические услуги и юридическая помощь – основные формы юридической деятельности.

Рассматривая вопрос о соотношении понятий «юридическая деятельность» и «правоохранительная деятельность», следует отметить мнение таких авторов, как И. С. Самощенко, Н. Г. Александров, которые выделяли три типа юридической деятельности: правотворческую, правоисполнительную и правоохранительную[1]. А. В. Мицкевич к трем названным типам юридической деятельности добавил контрольно-надзорную деятельность компетентных органов[2].

Полагаем, что под юридической деятельностью нужно понимать часть правовой деятельности, направленной на реализацию прав, свобод и законных интересов граждан путем совершения правомерных действий субъектами, наделенными

[1] *Самощенко И. С.* О правовых формах осуществления функций советского государства // Сов. государство и право. 1956. № 3. С. 128; Теория государства и права / отв. ред. Н. Г. Александров. М., 1968. С. 72–73.

[2] Правотворчество в СССР / под ред. А. В. Мицкевича. М., 1974. С. 75–76.

в соответствии с законодательством РФ правомочиями осуществлять действия, имеющие юридические последствия. К такому выводу мы пришли с учетом изложенного, а также многообразия точек зрений о месте правоохранительной деятельности в структуре правовых форм деятельности, основываясь на том, что и юридическая, и правоохранительная деятельность относятся к специфической человеческой деятельности; направлены на достижение социально значимых целей; имеют высокую социальную значимость; должны отвечать критерию законности.

Отличительными чертами правоохранительной деятельности являются следующие: 1) субъектами правоохранительной деятельности выступают государственные органы, должностные лица, наделенные в соответствии с их компетенцией полномочиями, в то время как субъектами юридической деятельности могут быть и рядовые граждане, например при оказании юридических услуг; 2) правоохранительная деятельность направлена на защиту общественных интересов, защиту самого права, юридическая деятельность направлена на защиту общественных и (или) частных интересов; 3) в рамках правоохранительной деятельности меры воздействия применяются в соответствии с определенными, четко формализованными процедурами.

Таким образом, понятие «юридическая деятельность» является родовым по отношению к понятию «правоохранительная деятельность» и равнозначно (синонимично) понятию «правовая деятельность».

Библиография

Аристотель. Соч.: в 4 т. М., 1984. Т. 2.

Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 2006.

Гегель Г. В. Ф. Философия права // Философское наследие. М., 1990. Т. 113.

Гуценко К. Ф. Правоохранительные органы: учеб. для вузов / под ред. К. Ф. Гуценко. М., 1995.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М., 2004. Т. 1, 2.

Дигесты Юстиниана / отв. ред. Л. Л. Кофанов. М., 2006. Т. VIII.

Карташов В. Н. Профессиональная юридическая деятельность (вопросы теории и практики). Ярославль, 1992.

Карташов В. Н. Юридическая деятельность: понятие, структура, ценность. Саратов, 1989.

Карташов В. Н. Юридическая деятельность: Проблемы теории и методологии: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1990.

Матузов Н. И. Правовая система и личность. Саратов, 1987.

О порядке утверждения норм современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации, правил русской орфографии и пунктуации: постановление Правительства РФ от 23 ноября 2006 г. № 714 // СЗ РФ. 2006. № 48. Ст. 5042.

Об утверждении Основ государственной культурной политики: Указ Президента РФ от 24 декабря 2014 г. № 808 // СЗ РФ. 2014. № 52 (Ч. I). Ст. 7753.

Охранительный механизм в правовой системе социализма: межвуз. сб. науч. ст. / под ред. Н. В. Витрука. Красноярск, 1989.

Падуанский М. Защитник мира. Defensor pacis / пер. с фр. Б. У. Есенова; науч. ред., вступ. ст., примеч. Г. П. Лупарева. М., 2014.

Правотворчество в СССР / под ред. А. В. Мицкевича. М., 1974.

Сабикенов С. Некоторые вопросы охраны субъективных прав и законных интересов граждан // Проблемы государства и права на современном этапе: тр. науч. сотрудников и аспирантов. М., 1973. Вып. 6.

Савицкий В. М. Язык процессуального закона (вопросы терминологии) / под ред. А. Я. Сухарева. М., 1987.

Самощенко И. С. О правовых формах осуществления функций советского государства // Сов. государство и право. 1956. № 3.

Соколов Н. Я. Профессиональное сознание юристов. М., 1988.

Тархов В. А. Гражданское право: курс лекций. Чебоксары, 1997.

Теория государства и права / отв. ред. Н. Г. Александров. М., 1968.

Турбова Я. В. Правосознание в структуре юридической деятельности: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2000.

Цицерон. Диалоги. О государстве. О законах. М., 1994.

Числов А. И. Профессиональная правоохранительная деятельность (теоретико-правовое исследование): дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2000.

Юрьев С. С. Правовой статус национальных меньшинств (теоретико-правовой анализ). 2-е изд. М., 2000.

Bibliography

Aristotel'. Soch.: v 4 t. M., 1984. T. 2.

Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka / gl. red. S. A. Kuznecov. SPb., 2006.

Chislov A. I. Professional'naya pravooxranitel'naya deyatel'nost' (teoretiko-pravovoe issledovanie): dis. ... d-ra yurid. nauk. SPb., 2000.

Ciceron. Dialogi. O gosudarstve. O zakonax. M., 1994.

Dal' V. I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 t. M., 2004. T. 1, 2.

Digesty Yustiniana / otv. red. L. L. Kofanov. M., 2006. T. VIII.

Gegel' G. V. F. Filosofiya prava // Filosofskoe nasledie. M., 1990. T. 113.

Gucenko K. F. Pravooxranitel'nye organy: ucheb. dlya vuzov / pod red. K. F. Gucenko. M., 1995.

Kartashov V. N. Professional'naya yuridicheskaya deyatel'nost' (voprosy teorii i praktiki). Yaroslavl', 1992.

Kartashov V. N. Yuridicheskaya deyatel'nost': ponyatie, struktura, cennost'. Saratov, 1989.

Kartashov V. N. Yuridicheskaya deyatel'nost': Problemy teorii i metodologii: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. M., 1990.

Matuzov N. I. Pravovaya sistema i lichnost'. Saratov, 1987.

O poryadke utverzhdeniya norm sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka pri ego ispol'zovanii v kachestve gosudarstvennogo yazyka Rossijskoj Federacii, pravil russkoj orfografii i punktuacii: postanovlenie Pravitel'stva RF ot 23 noyabrya 2006 g. № 714 // SZ RF. 2006. № 48. St. 5042.

Ob utverzhdenii Osnov gosudarstvennoj kul'turnoj politiki: Ukaz Prezidenta RF ot 24 dekabrya 2014 g. № 808 // SZ RF. 2014. № 52 (Ch. I). St. 7753.

Oxranitel'nyj mexanizm v pravovoj sisteme socializma: mezhvuz. sb. nauch. st. / pod red. N. V. Vitruka. Krasnoyarsk, 1989.

Paduanskij M. Zashhitnik mira. Defensor pacis / per. s fr. B. U. Esenova; nauch. red., vstup. st., primech. G. P. Lupareva. M., 2014.

Pravotvorchestvo v SSSR / pod red. A. V. Mickevicha. M., 1974.

Sabikenov S. Nekotorye voprosy oxrany sub"ektivnyx prav i zakonnyx interesov grazhdan // Problemy gosudarstva i prava na sovremennom ehtape: tr. nauch. sotrudnikov i aspirantov. M., 1973. Vyp. 6.

Samoshhenko I. S. O pravovyx formax osushhestvleniya funkcij sovetskogo gosudarstva // Sov. gosudarstvo i pravo. 1956. № 3.

Savickij V. M. Yazyk processual'nogo zakona (voprosy terminologii) / pod red. A. Ya. Suxareva. M., 1987.

Sokolov N. Ya. Professional'noe soznanie yuristov. M., 1988.

Tarxov V. A. Grazhdanskoe pravo: kurs lekcij. Cheboksary, 1997.

Teoriya gosudarstva i prava / otv. red. N. G. Aleksandrov. M., 1968.

Turbova Ya. V. Pravosoznanie v strukture yuridicheskoj deyatel'nosti: dis. ... kand. yurid. nauk. SPb., 2000.

Yur'ev S. S. Pravovoj status nacional'nyx men'shinstv (teoretiko-pravovoj analiz). 2-e izd. M., 2000.

ПРИНЦИП ДОСТОВЕРНОСТИ ИНФОРМАЦИИ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Устюжанина Евгения Валерьевна
Преподаватель кафедры информационного права Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург), e-mail: y_e_@inbox.ru

В статье освещаются основные проблемы, связанные с определением понятия «достоверность информации», дается его краткая характеристика, обосновывается необходимость исследования достоверности информации как принципа информационного права. Автор рассматривает различные подходы к определению понятия «достоверность», а также его законодательное закрепление.

Ключевые слова: информация, достоверность, принцип информационного права

THE PRINCIPLE OF RELIABILITY OF INFORMATION: A PROBLEM STATEMENT

Ustyuzhanina Eugene
Ural State Law University (Yekaterinburg), e-mail: y_e_@inbox.ru

The article highlights the main problems associated with the definition of «reliability of information», gives its brief description, explains the necessity of studying the reliability of information as a principle of information law. The author considers various approaches to the definition of «reliability» and its legislative consolidation.

Key words: information, reliability, principle of information law

Информационное общество как новое качественное состояние общества несет в себе не только преимущества для личности, общества и государства, но и угрозы их интересам. В настоящее время стремительно развивающиеся информационные технологии используются во всех сферах жизни, существенно обновляя и модернизируя их. Информация нередко неадекватно отражает жизненные ситуации, но все же распространяется среди потребителей вне зависимости от их заинтересованности в ней. Сложность современного мира проявляется еще и в растущем числе источников информации, постоянно генерирующих и обновляющих огромное количество данных. В связи с этим возникает необходимость защиты интересов получателей информации.

Известно, что информация – важнейший ресурс общественного развития, поэтому актуальным и уместным представляется не только провозглашение в законодательстве принципа достоверности информации как исходного основания информационного права, но и его реализация. Это станет руководящим началом для укрепления правопорядка в информационной сфере и правовым средством, препятствующим распространению, получению и использованию недостоверной информации.

Наравне с положениями о свободе и доступности информации, закрепленными в Конституции РФ, важной составляющей современного общества является норма о достоверности создаваемой и представляемой информации. Так, в ст. 42 Конститу-

ции РФ закреплено право каждого на достоверную информацию о состоянии окружающей среды. Важнейшими конституционными ценностями признаются право на честь, достоинство, деловую репутацию, которые могут быть ущемлены путем распространения недостоверной информации.

Благодаря праву граждан на достоверную информацию человек может выяснить, как каждое ведомство на местах расходует свой бюджет, по какому принципу устанавливается плата за обучение в университете, каков размер жалованья государственного служащего и пр.

Информация с точки зрения ее сущности – это образ существующей действительности, отраженный в сознании человека, выраженный в символьной форме с целью ориентации и адаптации в жизни[1]. Для объективной ориентации и удачной адаптации человека в жизненном пространстве все многообразие информации должно отражаться в сознании человека в соответствии с действительностью, т. е. достоверно. В противном случае информационный образ формируется в сознании искаженно, а человек при этом может быть дезориентирован в жизненных ситуациях.

Достоверность информации – неотъемлемый элемент общественных отношений, особенно когда объектами таких отношений выступают материальные и нематериальные блага естественного и искусственного характера.

Достоверность информации допустимо рассматривать с кибернетической точки зрения, т. е. с позиции определения места и сущности информации в процессе управления любой системой, особенно при соотношении системы и среды ее существования. В этом контексте особое значение придается достоверности информации о системе и ее противоположности – дезинформации (сознательно допустимой или нет – это другой вопрос), когда создается полностью искаженная информационная картина системы[2].

Достоверность можно рассматривать с объективной и субъективной сторон. С объективной стороны достоверность – это понятие, характеризующее знание как твердо установленное, исключающее сомнение, а с субъективной стороны – форма осознания истины человеком (распространение этой истины среди других)[3]. Следовательно, после осознания и принятия для себя какой-либо информации за достоверную субъект становится источником этой информации для других субъектов.

Определение информации как образа существующей действительности относится к пониманию достоверности с объективной стороны, поскольку в нем отражен такой признак, как «существующая действительность», означающий объективную реальность, еще не искаженную субъективным восприятием человека. Достоверность в этом случае определяется как то, что соответствует действительности, она тождественна понятию «истина».

Американский философ Р. Рорти высказался по этому поводу так: «Мир находится по ту сторону человеческого ума, но его описания – по эту. Только эти описания и могут быть истинными или ложными»[4].

В словарях термин «достоверный» толкуется как соответствующий действительности, точный, подлинный. Причем слова «достоверный» и «достоверно» образо-

[1] Информационные технологии в юридической деятельности: учеб. для академ. бакалавриата / под общ. ред. П. У. Кузнецова. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2015. С. 37.

[2] Подробнее см.: *Могилевский В. Д.* Методология систем: вербальный подход. М., 1999. С. 100–124.

[3] *Филатов В. П.* Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М., 2009.

[4] *Рорти Р.* Случайность, ирония, солидарность. М., 1996. С. 24.

ваны путем присоединения первой части сложных слов «досто...», обозначающей «высоко...» и «весьма»[1], к словам «верный» и «верно» – «соответствующий истине, правильный, точный» и «уверенное утверждение, действительно»[2].

Словарь В. Даля дает наиболее развернутое толкование словам «верный» и «верно», которые определяют содержание понятия «достоверность». По В. Далю, верный – это «неложный, правдивый, точный, истинный, подлинный, достоверный», а верно – «достоверно, истинно, правдиво, точно, несомненно, неложно». Наконец, слово «верность» В. Даль толкует как «свойство верного, правдивость, надежность, точность, исправность, истина»[3].

В других словарях указывается, что достоверность – это форма существования истины, обоснованной каким-либо способом (например, экспериментом, логическим доказательством). Авторы философского энциклопедического словаря подчеркивают, что достоверность – это характеристика знания как обоснованного, доказательного, бесспорного, истинного. Создатели краткой философской энциклопедии, не связывая достоверность с истинностью, указывают: «Достоверность – убеждение, основанное на знании и исключающее всякое сомнение». Достоверность может быть субъективной (в вере), объективной (в науке), непосредственной (основанной на созерцании, собственном восприятии, собственном переживании – интуитивная достоверность) или опосредованной, исторической или логической (полученной посредством сообщения или мышления)[4].

Учитывая изложенное, хотелось бы отметить возможную дискуссионность вопроса тождественности понятий «достоверность» и «истина».

О достоверности информации также можно судить исходя из характеристики источника этой информации. Если ему доверяют, то доверяют и информации, представляемой им, а потому принимают эту информацию как достоверную. Из-за этого в жизни случается немало разочарований. Это касается, например, информации, представляемой средствами массовой информации. Ведь не всегда само СМИ является первоисточником информации, чаще оно просто выступает посредником в ее передаче. Даже из различных официальных источников может поступать противоречивая информация.

Например, исследуя конфликты, занимаясь управлением ими, необходимо всегда оценивать степень достоверности информации, на основе которой принимаются те или иные решения. Достоверность определяется степенью информированности искомого источника; степенью его подготовленности; подтвержденностью оценок и выводов научными фактами; подтвержденностью информации практикой[5].

Достоверность как требование закона и как принцип информационного права закреплена в п. 6 ст. 3 ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»[6]. Наличие в законодательстве этой нормы способствует формированию

---

[1] *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. 2-е изд., испр. и доп. М., 1994. С. 173.

[2] Там же. С. 71.

[3] *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М., 2002. Т. 1: А – З. С. 332.

[4] Словарь современного русского литературного языка: в 20 т. М., 2003. Т. 4. С. 423; Большой толковый словарь русского языка. СПб., 1998. С. 279; Советский энциклопедический словарь. М., 1981. С. 414; Большой энциклопедический словарь / гл. ред. Н. М. Прохоров. М.; СПб., 2000. С. 373; Философский энциклопедический словарь. М., 1989. С. 183; Краткая философская энциклопедия. М., 1994. С. 143.

[5] *Анцупов А. Я., Шипилов А. И.* Словарь конфликтолога. СПб., 2006. С. 63.

[6] Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ // СЗ РФ. 2006. № 31 (Ч. I). Ст. 3448.

сознательного отношения граждан к ее соблюдению. Известно, что законодательное закрепление принципов оказывает и определенное воздействие на должностных лиц, а именно способствует более правильному соблюдению закона и интересов граждан. Так, в Доктрине информационной безопасности в числе национальных интересов обозначено «доведение до российской и международной общественности достоверной информации о государственной политике Российской Федерации и ее официальной позиции по социально значимым событиям в стране и мире»[1].

В Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы не раз упоминается необходимость получения, сохранения, производства и распространения именно достоверной информации, также в качестве целей формирования информационного пространства, основанного на знаниях, предусмотрены обеспечение прав граждан на объективную, достоверную, безопасную информацию и создание условий для удовлетворения их потребностей в постоянном развитии, получении качественных и достоверных сведений, новых компетенций, расширении кругозора[2].

В российском законодательстве встречается немало упоминаний о достоверности. Так, в ст. 11 ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления»[3] достоверность предоставляемой информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления названа требованием, предъявляемым при обеспечении доступа к информации о деятельности обозначенных органов. Закон «О СМИ» требует проверять достоверность как сообщаемой журналисту информации (п. 8 ст. 47), так и сообщаемой им информации (п. 2 ст. 49)[4]. ФЗ «О рекламе»[5] в п. 1 ст. 5 устанавливает общее требование к рекламе: «Реклама должна быть добросовестной и достоверной. Недобросовестная реклама и недостоверная реклама не допускаются». Кроме того, в п. 3 ст. 5 содержится разъяснение того, что понимается под недостоверной рекламой: таковой признается реклама, которая содержит не соответствующие действительности сведения.

Однако законодатель не приводит четкого определения, что же такое «достоверность», как ее установить. До сих пор в текстах официальных документов и нормативных правовых актов ответа на эти вопросы нет.

Законодатель в процессе правотворческой деятельности должен руководствоваться принципом достоверности, т. е. осознавать, достоверность какой информации особенно важна, какие виды информационной деятельности могут подвергаться ограничениям или запретам при выявлении искажения действительности и т. д.

Для обоснования значимости данного принципа следует заметить, что существует объективная необходимость не только в широкой доступности правовой информации, но и в ее достоверности. В ст. 29 Конституции РФ закреплено право граждан на информацию, а также на доступ к информации. Целесообразно полагать, что законодатель закрепил такое право относительно именно достоверной информации.

---

[1] Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646 // СЗ РФ. 2016. № 50. Ст. 7074.

[2] О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы: Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 // URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201705100002.

[3] Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления: Федеральный закон от 9 февраля 2009 г. № 8-ФЗ // СЗ РФ. 2009. № 7. Ст. 776.

[4] О средствах массовой информации: Закон РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 // Рос. газ. 1992. 8 февр.

[5] О рекламе: Федеральный закон от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ // СЗ РФ. 2006. № 12. Ст. 1232.

Однако на практике иногда оказывается иначе. Так, через социальные сети в свете последних террористических событий распространяется много непроверенной, откровенно ложной информации. Результатом этого становится нарастающая паника.

Достоверность информации, предоставляемой и распространяемой неопределенному кругу лиц, находится на совести распространителя. Речь идет об осознанных действиях по распространению информации (не всегда достоверной). Идеологические убеждения субъекта не могут быть объектом критики как недостоверные сведения, а вот заведомое искажение информации, например о политической ситуации, возможно только с целью обмана.

Ценность достоверности информации (как требования) проявляется не только на бытовом уровне, но и в правотворческой, правоприменительной деятельности. Поэтому требуется глубокое изучение с этической и юридической сторон понятия достоверности для выявления его сущности и содержания, а также понимания как принципа права.

Поскольку роль достоверности как требования и условия существования информации качественно меняется, то необходимо теоретически осмыслить все компоненты принципа достоверности информации как исходного основания правового регулирования общественных отношений. Актуальность научного исследования обусловлена и тем, что этот принцип в настоящее время является преимущественно декларативным и не обеспеченным достаточной системой информационно-правовых средств его реализации на практике. Необходимость закрепления в законе принципа достоверности информации объясняется не только социально-правовыми аспектами, но и необходимостью обеспечения рационального и эффективного использования информационных технологий.

Библиография

Анцупов А. Я., Шипилов А. И. Словарь конфликтолога. СПб., 2006.

Большой толковый словарь русского языка. СПб., 1998.

Большой энциклопедический словарь / гл. ред. Н. М. Прохоров. М.; СПб., 2000.

Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М., 2002. Т. 1: А – З.

Информационные технологии в юридической деятельности: учеб. для академ. бакалавриата / под общ. ред. П. У. Кузнецова. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2015.

Краткая философская энциклопедия. М., 1994.

Могилевский В. Д. Методология систем: вербальный подход. М., 1999.

О рекламе: Федеральный закон от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ // СЗ РФ. 2006. № 12. Ст. 1232.

О средствах массовой информации: Закон РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 // Рос. газ. 1992. 8 февр.

О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы: Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 // URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201705100002.

Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ // СЗ РФ. 2006. № 31 (Ч. I). Ст. 3448.

Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления: Федеральный закон от 9 февраля 2009 г. № 8-ФЗ // СЗ РФ. 2009. № 7. Ст. 776.

Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646 // СЗ РФ. 2016. № 50. Ст. 7074.

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 2-е изд., испр. и доп. М., 1994.

Рорти Р. Случайность, ирония, солидарность. М., 1996.

Словарь современного русского литературного языка: в 20 т. М., 2003. Т. 4.

Советский энциклопедический словарь. М., 1981.

Филатов В. П. Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М., 2009.

Философский энциклопедический словарь. М., 1989.

Bibliography

Ancupov A. Ya., Shipilov A. I. Slovar' konfliktologa. SPb., 2006.

Bol'shoj ehnciklopedicheskij slovar' / gl. red. N. M. Proxorov. M.; SPb., 2000.

Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka. SPb., 1998.

Dal' V. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 t. M., 2002. T. 1: A – Z.

Filatov V. P. Ehnciklopediya ehpistemologii i filosofii nauki. M., 2009.

Filosofskij ehnciklopedicheskij slovar'. M., 1989.

Kratkaya filosofskaya ehnciklopediya. M., 1994.

Informacionnye texnologii v yuridicheskoj deyatel'nosti: ucheb. dlya akadem. bakalavriata / pod obshh. red. P. U. Kuznecova. 3-e izd., pererab. i dop. M., 2015.

Mogilevskij V. D. Metodologiya sistem: verbal'nyj podxod. M., 1999.

O reklame: Federal'nyj zakon ot 13 marta 2006 g. № 38-FZ // SZ RF. 2006. № 12. St. 1232.

O sredstvax massovoj informacii: Zakon RF ot 27 dekabrya 1991 g. № 2124-1 // Ros. gaz. 1992. 8 fevr.

O Strategii razvitiya informacionnogo obshhestva v Rossijskoj Federacii na 2017–2030 gody: Ukaz Prezidenta RF ot 9 maya 2017 g. № 203 // URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201705100002.

Ob informacii, informacionnyx texnologiyax i o zashhite informacii: Federal'nyj zakon ot 27 iyulya 2006 g. № 149-FZ // SZ RF. 2006. № 31 (Ch. I). St. 3448.

Ob obespechenii dostupa k informacii o deyatel'nosti gosudarstvennyx organov i organov mestnogo samoupravleniya: Federal'nyj zakon ot 9 fevralya 2009 g. № 8-FZ // SZ RF. 2009. № 7. St. 776.

Ob utverzhdenii Doktriny informacionnoj bezopasnosti Rossijskoj Federacii: Ukaz Prezidenta RF ot 5 dekabrya 2016 g. № 646 // SZ RF. 2016. № 50. St. 7074.

Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka. 2-e izd., ispr. i dop. M., 1994.

Rorti R. Sluchajnost', ironiya, solidarnost'. M., 1996.

Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: v 20 t. M., 2003. T. 4.

Sovetskij ehnciklopedicheskij slovar'. M., 1981.

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ: ОБЗОР НЕКОТОРЫХ ПОДХОДОВ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ*

Мочалов Артур Николаевич
Кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного права
Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург),
e-mail: art-m2006@yandex.ru

Рассматриваются подходы к определению статуса национальных меньшинств, закрепленные в документах ООН, ОБСЕ и Совета Европы. Анализируются существующие определения понятия «национальное меньшинство» и дискуссии по поводу критериев, связанных с идентификацией национальных меньшинств. Приводятся ключевые положения международно-правовых документов, регулирующих статус национальных меньшинств и обязанности государств по их защите.

Ключевые слова: меньшинство, национальное меньшинство, этническое меньшинство, языковое меньшинство, религиозное меньшинство, ООН, ОБСЕ, Совет Европы

THE LEGAL STATUS OF NATIONAL MINORITIES: THE OVERVIEW OF SOME APPROACHES IN INTERNATIONAL LAW

Mochalov Artur
Ural State Law University (Yekaterinburg), e-mail: art-m2006@yandex.ru

The approaches to defining the status of national minorities in the UN, the OSCE and the Council of Europe are considered. The author analyzes existing definitions of «national minorities» and discussions about the criteria for identification such groups. The article describes key international legal rulings concerning the status of national minorities and defining obligations of states on the issue.

Key words: minority group, national minority, ethnic minority, linguistic minority, religious minority, the UN, the OSCE, the Council of Europe

Практика регулирования в международных документах вопросов, связанных с положением меньшинств, стала складываться достаточно давно. С. В. Соколовский отмечает, что еще в Оснабрюкском и Мюнстерском договорах 1648 г. оговаривались отдельные права религиозных меньшинств (кальвинистов и лютеран) Германии[1]. Определенная система защиты прав меньшинств существовала во времена Лиги Наций. Наибольшее развитие международно-правовой институт национальных меньшинств получил после окончания Второй мировой войны.

Рубеж XX–XXI вв. ознаменовался повышением интереса к проблематике национальных меньшинств как в науке (не только правовой), так и в практике международных отношений[2]. Этому в немалой степени способствовали распад СССР и Юго-

* Статья написана в рамках исследования, выполняемого за счет средств гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук МК-8057.2016.6.

[1] *Соколовский С. В.* Права меньшинств. Антропологические, социологические и международно-правовые аспекты. М., 1997. С. 33.

[2] В числе работ на русском языке по вопросам правового статуса национальных меньшинств можно назвать: *Андриченко Л. В.* Регулирование и защита прав национальных меньшинств и коренных

славии и появление на их месте «национальных» государств, в которых остро встала проблема правового положения представителей «нетитульных» этнических групп, в одночасье ставших чужаками на вчера еще своей земле. В 1990-е гг. принято значительное число международных документов, усовершенствовавших традиционные подходы к статусу национальных меньшинств и сформировавших международные стандарты в области защиты их прав. В настоящей статье будут рассмотрены основные подходы, закрепленные в документах Организации Объединенных Наций, Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе и Совета Европы.

Статус меньшинств в документах ООН. Регулирование вопросов, связанных с положением меньшинств и реализацией ими своих прав, уходит корнями в юридически обязательные международные документы в области прав человека (Всеобщая декларация прав человека, Международный пакт о гражданских и политических правах, Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, Конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации и др.). Статья 26 Международного пакта о гражданских и политических правах (далее – МПГПП) запрещает дискриминацию, в частности, по признакам расы, цвета кожи, языка, религии, национального или социального происхождения. Понятие «национальное меньшинство» в документах ООН долгое время не использовалось. Вместо этого все меньшинства традиционно разделялись на этнические, религиозные и языковые. Статья 27 МПГПП гарантирует лицам, принадлежащим к этническим, религиозным и языковым меньшинствам (в странах, где такие меньшинства существуют), право «совместно с другими членами этой же группы пользоваться своей культурой, исповедовать свою религию и исполнять ее обряды, а также пользоваться родным языком». Будучи направленной на особую категорию субъектов – лиц, принадлежащих к меньшинствам, – указанная норма не исключает действия в отношении них других прав, гарантированных МПГПП (в том числе права на участие в ведении государственных дел, права на свободу ассоциации с другими, права на защиту и пр.), но предполагает наличие у государств отдельных обязательств, обусловленных особенностями реализации указанными лицами своих прав и необходимостью их защиты.

Базовые права лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам (право на физическое существование и неприкосновенность, запрет дискриминации и т. д.), гарантированы такими международными договорами, как Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него 1948 г. и Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1965 г.

В ст. 2 Декларации ООН о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам[1] провозглашаются права таких лиц пользоваться достоянием своей культуры, исповедовать свою религию и отправлять

малочисленных народов в Российской Федерации. М., 2005; *Блищенко И. П., Абашидзе А. Х.* Международная защита прав национальных меньшинств: учеб. пособие. М., 1993; *Пучкова М. В.* Соответствие Конституции и текущего законодательства РФ международным обязательствам РФ в области защиты национальных меньшинств // Проблемы правового регулирования межэтнических отношений и антидискриминационного законодательства в РФ. М., 2004. С. 105–148; *Смыслов М. Д.* Международно-правовая защита меньшинств // Московский журн. междунар. права. 1993. № 1. С. 99–112; *Соколовский С. В.* Национальные меньшинства в постсоветской России: международно-правовые аспекты // Диаспоры. 2011. № 2. С. 178–196 и др.

[1] Декларация Организации Объединенных Наций о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам: резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № 47/135 от 18 декабря 1992 г. // URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/minority_rights.shtml.

религиозные обряды; использовать свой язык (как в частной жизни, так и публично); активно участвовать в культурной, религиозной, общественной, экономической и государственной жизни, создавать собственные ассоциации, а также право «активно участвовать в принятии на национальном и, где это необходимо, на региональном уровне решений, касающихся того меньшинства, к которому они принадлежат, или тех регионов, в которых они проживают, в порядке, не противоречащем национальному законодательству». Помимо этого лица, принадлежащие к меньшинствам, вправе устанавливать и поддерживать свободные и мирные контакты как с другими членами своей группы, так и с лицами, принадлежащими к другим меньшинствам, а также контакты через границы с гражданами иных государств, с которыми они связаны национальными, этническими, религиозными или языковыми узами.

В названии Декларации 1992 г. зафиксирован термин «национальные меньшинства». По мнению Рабочей группы ООН по меньшинствам, национальное меньшинство, однако, не является самостоятельным видом меньшинств, поскольку «вряд ли можно себе представить, чтобы оно не было этническим или языковым меньшинством»[1].

Ни в МПГПП, ни в Декларации не проводится разграничения юридических гарантий в зависимости от вида меньшинств. В то же время, как указала Рабочая группа, это «не исключает возможности учета потребностей различных категорий меньшинств при толковании и применении различных положений Декларации», поскольку этническая принадлежность, в отличие от принадлежности языковой или религиозной, «как правило, определяется как широкая культурная компетенция, включающая, в частности, понятие жизненного уклада». Аналогично национальную принадлежность можно было бы рассматривать как еще более широкое понятие, предполагающее «еще более широкие права, касающиеся не только... культуры, но и сохранения и развития... национальной самобытности».

Меньшинства определяются в документах ООН в соответствии с критериями, предложенными в 1978 г. Ф. Капоторти (*Capotorti*): меньшинство – это группа людей, численно уступающая остальной части населения данного государства, находящаяся в недоминирующей позиции, члены которой, будучи гражданами этого государства, обладают этническими, религиозными или языковыми чертами, отличными от соответствующих черт оставшейся части населения, и демонстрирующая, в том числе неявно, чувство солидарности, направленное на сохранение культуры, традиций, религии или языка[2].

В данном определении можно выделить следующие ключевые признаки, или критерии, меньшинств:

наличие этнической, языковой или религиозной самобытности, отличающей соответствующее меньшинство от остальной части населения страны и определяющей идентичность меньшинства;

данное меньшинство по численности уступает остальному населению страны, при этом находится в недоминирующей позиции (этот критерий не позволяет отно-

[1] Пункт 6 Комментария Рабочей группы по меньшинствам к Декларации ООН о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам от 22 марта 2005 г. E/CN.4/Sub.2/AC.5/2005/2 (далее – Комментарий Рабочей группы по меньшинствам) (URL: https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/G05/133/83/PDF/G0513383.pdf).

[2] Права меньшинств. Международные стандарты и руководство по их соблюдению. Нью-Йорк; Женева, 2010. С. 2–3 // URL: http://www.ohchr.org/Documents/Publications/MinorityRights_ru.pdf.

сить к меньшинствам, к примеру, франкоязычные, германоязычные и италоязычные группы в Швейцарии: хотя каждая из них в отдельности не образует большинство населения, но все они находятся в одинаковом доминирующем положении, гарантированном Конституцией);

наличие у членов этнической, религиозной или языковой группы чувства сплоченности, солидарности, основанного на самоидентификации представителей меньшинства, разделении общих культурных ценностей и стремлении сохранить обозначенные ценности и традиции;

принадлежность представителей меньшинств к гражданству конкретного государства. Указанный критерий не позволяет распространять статус меньшинств на сообщества мигрантов – граждан других государств. Тем самым международные гарантии прав представителей меньшинств отграничиваются от гарантий, предоставляемых трудящимся-мигрантам и беженцам (не случайно в Декларации ООН о правах человека в отношении лиц, не являющихся гражданами страны, в которой они проживают[1], не содержится каких-либо упоминаний о меньшинствах и их правах).

Однако целесообразность применения последнего из названных критериев была подвергнута сомнению сначала Комитетом ООН по правам человека (далее – КПЧ ООН), а затем – Рабочей группой по правам меньшинств. По мнению последней, в соответствии со ст. 2 МПГПП «государства-участники обязуются уважать и обеспечивать применение статьи 27 [МПГПП] в отношении всех находящихся в пределах их территории и под их юрисдикцией лиц, независимо от того, являются ли соответствующие лица или группы лиц гражданами страны»[2].

В 1994 г. схожую позицию высказал в замечаниях общего характера № 23 КПЧ ООН: «Из формулировки статьи 27 [МПГПП] следует, что к числу лиц, имеющих право на защиту, относятся лица, принадлежащие к той или иной группе и пользующиеся общей культурой, религией и/или языком. Эта формулировка также свидетельствует о том, что лица, имеющие право на защиту, необязательно должны быть гражданами государства-участника... Эти лица могут не являться не только подданными или гражданами, но и постоянными резидентами данной страны. Так, трудящимся-мигрантам и даже приезжим, находящимся на территории государства-участника и принадлежащим к таким меньшинствам, не может быть отказано в осуществлении этих прав»[3].

В то же время Рабочая группа по меньшинствам предложила разграничивать понятия «старых» и «новых» меньшинств и «исходить из признания принципа, согласно которому в процессе применения Декларации „старые“ меньшинства должны иметь более широкие права по сравнению с „новыми“ меньшинствами»[4].

Довольно своеобразен подход ООН к пониманию проблемы «меньшинств среди меньшинств». Так, согласно позиции, высказанной КПЧ ООН в Соображении по делу *Ballantyne, Davidson, McIntyre v. Canada* от 5 мая 1993 г., если какая-либо группа составляет большинство населения в целом по стране, но в каком-либо ее регионе

[1] Декларация Организации Объединенных Наций о правах человека в отношении лиц, не являющихся гражданами страны, в которой они проживают: резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № 40/144 от 13 декабря 1985 г. // URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/not_nationals_rights.shtml.

[2] Пункт 9 Комментария Рабочей группы по меньшинствам.

[3] The Rights of Minorities (Art. 27): General Comment of the UN Human Rights Committee № 23 (50). Adopted 08.04.1994. CCPR/C/21/Rev.1/Add.5 // URL: http://ccprcentre.org/ccpr-general-comments.

[4] Пункт 11 Комментария Рабочей группы по меньшинствам.

большинством не является, то она не может рассматриваться в качестве меньшинства в смысле ст. 27 МПГПП. Данный подход был сформулирован в отношении англоязычных граждан Канады, проживающих в провинции Квебек, где большинство населения составляют франкоговорящие канадцы. Англофоны в Квебеке не признаются меньшинством, поскольку в масштабах Канады в целом они находятся в доминирующей позиции и, следовательно, меньшинством не являются (п. 11.2 Соображения)[1].

Рабочая группа ООН по меньшинствам также сформулировала позицию по вопросу интеграции меньшинств в политическое пространство государства: «В определенной степени интеграция в любом национальном обществе является необходимым условием». В то же время, для того чтобы интеграция не превратилась в принудительную ассимиляцию (запрет которой вытекает из ст. 1 и 4 Декларации) и не подрывала самобытность меньшинств, она должна основываться на принципах равного обращения и соблюдения законности, а также плюрализма культуры, языка и религии. В связи с этим защита меньшинств, как указывает Рабочая группа, «базируется на четырех требованиях: защита существования, неисключение, недискриминация и неассимиляция соответствующих групп»[2].

Важным условием интеграции является наличие механизмов так называемого эффективного участия представителей меньшинств в процессах принятия решений как на общегосударственном, так и на региональном уровне (далее – право на эффективное участие). «Участие меньшинства в процессах принятия решений упрощается, если представители меньшинств занимают должности государственных служащих в широком круге органов и не назначаются исключительно на должности в органы, связанные с вопросами меньшинств»[3], – говорится в п. 53 Справочного документа эксперта по вопросам меньшинств. Право на эффективное участие может быть реализовано также посредством конституционного или законодательного закрепления пропорциональной представленности меньшинств в органах власти (как это происходит, к примеру, в Китайской Народной Республике), а также различных форм самоуправления, включая территориальную и экстерриториальную автономию[4].

Необходимо отметить, что документы ООН направлены главным образом на создание механизма реализации и защиты индивидуальных прав *представителей* меньшинств, но не коллективных прав меньшинств как групп. Меньшинства не являются народами в смысле, вкладываемом в данный термин в ст. 1 Устава ООН и ст. 1 МПГПП, и даже в тех случаях, когда речь идет об эффективном участии, самоуправлении и автономии, их статус не связывается с правом народов на самоопределение[5].

Именно такую интерпретацию мы можем встретить, в частности, в названных замечаниях общего характера № 23, а также в п. 15 Комментария Рабочей группы по меньшинствам: «Права лиц, принадлежащих к меньшинствам, отличаются от прав

[1] *Ballantyne, Davidson, McIntyre v. Canada* (Communications № 359/1989 and 385/1989). Views of the UN Human Rights Committee on 5 March 1993. U.N. Doc. CCPR/C/47/D/359/1989 and 385/1989/Rev.1 (1993) // URL: http://humanrts.umn.edu/undocs/html/v359385.htm.

[2] Пункты 21–23 Комментария Рабочей группы по меньшинствам.

[3] Справочный документ эксперта по вопросам меньшинств Гей Макдугалла об эффективном участии меньшинств в политической жизни от 8 октября 2009 г. (A/HRC/FMI/2009/3) // URL: http://www.osce.org/ru/cio/68838?download=true.

[4] Там же. П. 58.

[5] *Barten U.* What's In a Name? Peoples, Minorities, Indigenous Peoples, Tribal Groups and Nations // Journal of Ethnopolitics and Minority Issues in Europe. 2015. Vol. 14. № 1. P. 6–8; *Gilbert G.* Autonomy and Minority Groups: A Right in International Law // Cornell International Law Journal. 2002. Vol. 35. Is. 2. P. 325–326.

народов на самоопределение... Это индивидуальные права даже при том, что в большинстве случаев эти права могут осуществляться лицами только сообща с другими... В отличие от этой категории прав права народов являются коллективными правами... Право на самоопределение... не применяется к лицам, принадлежащим к меньшинствам».

Тем самым статус меньшинств отграничивается, к примеру, от статуса коренных народов, за которыми Конвенцией о коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах (Конвенцией Международной организации труда № 169)[1] признаются коллективные права, а в соответствии со ст. 3 Декларации ООН о правах коренных народов[2] – и право на самоопределение.

В то же время Рабочая группа по меньшинствам не исключает, что представители той или иной этнической или религиозной группы «в одних случаях могут на законных основаниях выдвигать... претензии, основанные на правах меньшинств, а в других случаях, действуя в качестве группы, выдвигать претензии, основанные на праве народов на самоопределение». Причем, как следует из п. 19 документа, эти случаи являются взаимоисключающими: «Если меньшинству и его членам отказывают в праве на участие, то в некоторых случаях это может рассматриваться как законное основание требовать уважения права на самоопределение». Отметим, однако, что самоопределение понимается Рабочей группой исключительно в узком значении – как внешнее самоопределение, предполагающее возможность сецессии: «Если та или иная группа требует предоставить ей право на самоопределение и оспаривает территориальную целостность государства, то это означает, что она рассматривает себя в качестве народа, вследствие чего такая претензия будет... выпадать из сферы применения Декларации о меньшинствах»[3].

Статус национальных меньшинств в документах ОБСЕ. Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 г. провозгласил запрет дискриминации в качестве одного из принципов, которыми государства должны руководствоваться во взаимных отношениях, и установил, что, если на территории государств-участников СБСЕ имеются национальные меньшинства, обозначенные государства «будут уважать право лиц, принадлежащих к таким меньшинствам, на равенство перед законом, будут предоставлять им полную возможность фактического пользования правами человека и основными свободами и будут таким образом защищать их законные интересы в этой области»[4].

Данные положения нашли развитие в других актах СБСЕ/ОБСЕ, в числе которых необходимо особо выделить Документ Копенгагенского совещания Конференции по человеческому измерению СБСЕ 1990 г.[5] Как отмечают исследователи, именно с принятием этого документа Европа «сделала первый шаг на пути признания важ-

[1] Конвенция о коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах (Конвенция 169): принята 27 июня 1989 г. Генеральной конференцией Международной организации труда // URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/iol169.shtml.

[2] Декларация Организации Объединенных Наций о правах коренных народов: резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № 61/295 от 13 сентября 2007 г. // URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/indigenous_rights.

[3] Пункт 19 Комментария Рабочей группы по меньшинствам.

[4] Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Хельсинки, 1975 г. // URL: http://www.osce.org/ru/mc/39505?download=true.

[5] URL: http://www.osce.org/ru/odihr/elections/14304?download=true.

ной роли национальных меньшинств и их статуса в качестве равноправных членов общества»[1].

В актах ОБСЕ отсутствует общепринятое определение национальных меньшинств. Предполагается, что государства свободны в установлении того, какие именно группы рассматривать в качестве таковых, а также в выборе конкретных мер и гарантий «в соответствии с их конституционными системами», направленных на поддержание равенства и недискриминации, защиту этнической, культурной, языковой и религиозной самобытности меньшинств. В то же время п. 32 Документа Копенгагенского совещания подчеркивает, что принадлежность лица к национальному меньшинству является исключительно предметом его личного выбора и запрещает какие бы то ни было неблагоприятные последствия для лица в результате такого выбора.

Документ 1990 г. устанавливает, что представители национальных меньшинств должны пользоваться всеми общепризнанными правами человека (это условие рассматривается как «существенный фактор мира, справедливости, стабильности и демократии»). Кроме того, за ними должны признаваться такие права, как право:

свободно пользоваться родным языком (п. 32.1);

создавать и поддерживать собственные образовательные, культурные и религиозные учреждения, организации или ассоциации (п. 32.2);

исповедовать свою религию (п. 32.3);

беспрепятственно устанавливать и поддерживать контакты друг с другом как в пределах своей страны, так и через государственные границы (п. 32.4);

распространять информацию, иметь доступ к ней и обмениваться ей на родном языке (п. 32.5);

создавать и поддерживать ассоциации в пределах своей страны и участвовать в деятельности международных неправительственных организаций (п. 32.6);

эффективно участвовать в государственных делах, включая дела, относящиеся к защите и поощрению самобытности таких меньшинств (п. 35).

Можно заметить, что Документ 1990 г. говорит не о «правах меньшинств», а о правах «представителей национальных меньшинств». Несмотря на то что перечисленные права могут осуществляться не только на индивидуальной основе, но и членами соответствующей группы совместно друг с другом, коллективная правосубъектность национальных меньшинств именно как группы не признается.

Права, провозглашенные в Документе 1990 г., в дальнейшем нашли развитие в рекомендациях, разработанных верховным комиссаром ОБСЕ по делам национальных меньшинств (должность была учреждена в 1992 г.), в частности в Гаагских рекомендациях о правах национальных меньшинств на образование 1996 г.[2], Ословских рекомендациях о правах национальных меньшинств в области языка 1998 г.[3], Лундских рекомендациях об эффективном участии национальных меньшинств в общественно-политической жизни 1999 г.[4] и Люблянских рекомендациях по интеграции разнообразных обществ 2012 г.[5]

---

[1] Динамика интеграции в странах ОБСЕ: национальные меньшинства и процесс «наведения мостов»: доклад Европейского центра по вопросам меньшинств. Фленсбург, 2016. С. 9.

[2] URL: http://www.osce.org/ru/hcnm/32190?download=true.

[3] URL: http://www.osce.org/ru/hcnm/67541?download=true.

[4] URL: http://www.osce.org/ru/hcnm/32252?download=true.

[5] URL: http://www.osce.org/ru/hcnm/111071?download=true.

Последний из перечисленных документов исходит из того, что обеспечение защиты меньшинств и их участия в общественной жизни (так называемые инклюзивные процессы управления) служат цели надлежащего и демократического управления, которое, в свою очередь, необходимо всему населению государства, а не только представителям национальных меньшинств.

Статус национальных меньшинств в документах Совета Европы. Правовое положение лиц, принадлежащих к меньшинствам, основывается на ст. 14 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, запрещающей дискриминацию, в частности, по признаку расы, цвета кожи, языка, религии, национального происхождения, принадлежности к национальным меньшинствам. Общий запрет дискриминации также содержится в Протоколе № 12 к Конвенции (Россией не ратифицирован).

Концепция меньшинств получила развитие с принятием 1 октября 1990 г. (вскоре после Документа Копенгагенского совещания) Рекомендации Парламентской ассамблеи Совета Европы (далее – ПАСЕ) № 1134 (1990) «Права меньшинств»[1], в которой констатировалось, что меньшинства вносят существенный вклад в культурное многообразие государств-членов Совета Европы.

В документе закреплялись «минимальные принципы прав меньшинств», в том числе право представителей меньшинств на доступ к суду и на защиту, в частности в Европейском Суде по правам человека, запрет дискриминации, право представителей меньшинств свободно поддерживать контакты с гражданами других государств, имеющими общее с ними происхождение. Также данным документом был установлен принцип «специальных мер», суть которого состоит в следующем: особенное положение того или иного меньшинства оправдывает применение в отношении него так называемых мер «позитивной дискриминации», направленных на его поддержку (п. 10.3).

Дополнительные положения предусматривались в отношении национальных (п. 11) и языковых (п. 12) меньшинств. Так, национальные меньшинства имеют право быть признанными в качестве таковых государствами, в которых они проживают; они вправе сохранять и развивать свою культуру, сохранять образовательные, религиозные и культурные институты; должны иметь право эффективно участвовать в процессе принятия и реализации решений по вопросам, имеющим значение для сохранения и развития их идентичности.

В соответствии с определением, содержащимся в п. 11 Рекомендации, национальные меньшинства – это отдельные (*separate*) или отличающиеся (*distinct*) группы людей, хорошо определяемые и образованные на территории государства, члены которых являются гражданами данного государства и которые имеют определенные религиозные, языковые, культурные или иные характеристики, отличающие их от большинства населения страны.

Определение национальных меньшинств было уточнено в Рекомендации ПАСЕ № 1201 (1993)[2], содержащей проект Дополнительного протокола о правах меньшинств к Европейской конвенции о правах человека. Согласно данному определению (которое воспроизводилось в более поздних документах Совета Европы, в частности

[1] Rights of Minorities: Recommendation of the Parliamentary Assembly of Council of Europe № 1134 (1990) // URL: http://assembly.coe.int/nw/xml/XRef/Xref-XML2HTML-en.asp?fileid=15168&lang=en.

[2] Additional protocol on the rights of minorities to the European Convention on Human Rights: Recommendation of the Parliamentary Assembly of Council of Europe № 1201 (1993) // URL: http://assembly.coe.int/nw/xml/XRef/Xref-XML2HTML-en.asp?fileid=15235&lang=en.

в Резолюции ПАСЕ № 1985 (2014) национальное меньшинство – это группа людей, которые:

проживают в пределах территории данного государства и являются его гражданами;

поддерживают длительные, устойчивые и продолжающиеся связи с указанным государством;

демонстрируют отличительные этнические, религиозные или языковые характеристики;

имеют достаточную численность, хотя и меньшую, чем остальное население государства или какого-либо его региона;

заинтересованы в сохранении единства друг с другом, что образует их общую идентичность, включая культуру, традиции, религию или язык.

Как отметила Венецианская комиссия, в настоящее время общепризнано, что перечисленные критерии охватывают как объективные признаки (например, общность языка, традиций, культурного наследия, религии), так и субъективные (желание сохранять черты собственной идентичности)[1].

Понятие «национальное меньшинство» в документах Совета Европы, как следует из определения, охватывает собой этнические, языковые и религиозные меньшинства (в Рекомендации ПАСЕ № 1177 (1992)[2] можно также найти упоминание об «этнических и культурных» меньшинствах) и во многом повторяет признаки меньшинств, предложенные Ф. Капоторти. Термин «национальное меньшинство» в документах Совета Европы, таким образом, не тождествен по содержанию аналогичному термину, используемому в документах ООН[3]. Имеются различия и в подходах к установлению критериев принадлежности к меньшинствам. В определении, сформулированном ПАСЕ, отсутствует такой признак, как недоминирующая позиция, тем самым сфера действия европейских актов по вопросам автономии меньшинств оказывается шире, чем сфера действия документов ООН. В то же время в Совете Европы юридически значимым признается критерий длительности связей представителей меньшинств с государством (сообщества мигрантов, таким образом, исключаются из понятия национальных меньшинств).

Общим остается критерий гражданства: в сферу действия принципов и гарантий, касающихся национальных меньшинств, попадают лишь лица, являющиеся гражданами соответствующего государства (собственно, именно этот смысл заложен в используемое в Европе понятие «национальные меньшинства», где слово «национальный» (*national*) не имеет этнического содержания и означает принадлежность не к национальности, а к нации, т. е. гражданству данного государства). Впрочем, в более поздних документах и комментариях подчеркивается, что «требование наличия гражданства может препятствовать эффективному участию [меньшинств] в некоторых областях жизни общества», и говорится о необходимости «гибкости и открытости в подходе со стороны государств»[4].

---

[1] Report of the Venice Commission on Non-Citizens and Minority Rights. Adopted 15–16 December 2006. CDL-AD(2007)001 // URL: http://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-MIN(2006)002-e.

[2] Rights of Minorities: PACE Recommendation № 1177 (1992) // URL: http://assembly.coe.int/nw/xml/XRef/Xref-XML2HTML-EN.asp?fileid=15211&lang=en.

[3] *Соколовский С. В.* Национальные меньшинства в постсоветской России: международно-правовые аспекты. С. 184.

[4] Комментарий Консультативного комитета Рамочной конвенции по защите национальных меньшинств по вопросам эффективного участия лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, в культурной, социальной и экономической жизни и в общественных делах: принят 27 февраля 2008 г.

Консультативный комитет Рамочной конвенции по защите национальных меньшинств в принятом в 2001 г. Мнении, касающемся Эстонии, отметил, в частности, что «требование гражданства не представляется подходящим в сложившейся ситуации в Эстонии, где значительная часть людей, принадлежащих к меньшинствам, прибыла в страну еще до провозглашения ею независимости в 1991 г. и которые в настоящее время не имеют эстонского гражданства» (п. 17)[1]. Схожей точки зрения придерживается и Европейский Суд по правам человека[2].

Значительный вклад в формирование европейских стандартов национальных меньшинств внесли два международных договора: Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств 1992 г.[3] и Рамочная конвенция о защите национальных меньшинств 1995 г.[4]

Под «региональным языком или языком меньшинств» в Хартии понимается язык, который традиционно используется на территории государства жителями этого государства (но не мигрантами), представляющими собой группу, численно меньшую, чем остальное население государства. Статьей 1 Хартии признается, что региональный язык может быть связан с тем или иным географическим районом, где он выступает средством общения определенной части населения, и данное обстоятельство служит «основанием для принятия различных мер по защите и развитию». Такие меры регламентированы, в частности, в ст. 8–13 Хартии. Согласно ст. 10 если на определенной территории или в административном округе число жителей, пользующихся региональными языками или языками меньшинств, оправдывает принятие специальных мер, то государства-участники должны обеспечивать использование таких языков органами региональной или местной власти, возможность подачи устных или письменных заявлений на этих языках и получения ответов на них, опубликование официальных документов на соответствующих языках; поощрять использование данных языков в ходе дебатов в представительных органах власти, а также употребление традиционных топонимов для обозначения географических объектов в пределах таких территорий. Помимо этого, в числе обязательств государств – обеспечивать доступность образования на региональных языках или языках меньшинств «в рамках территории, где такие языки используются», «без ущерба для преподавания государственного языка (языков)» (ст. 8), обеспечивать ведение судопроизводства на региональных языках или языках меньшинств в судебных округах со значительным числом жителей, пользующихся такими языками (ст. 9) и ряд других.

Статья 3 Рамочной конвенции провозглашает, что принадлежность к национальному меньшинству есть результат свободного волеизъявления лица, которое «имеет право свободного выбора, рассматриваться или не рассматриваться как таковое, и этот выбор или осуществление прав, которые связаны с этим выбором, никоим обра-

ACFC/31DOC(2008)001 (Russian version) // URL: https://rm.coe.int/CoERMPublicCommonSearchServices/DisplayDCTMContent?documentId=09000016800bc7f0.

[1] Opinion of the Advisory Committee on the Framework Convention for the Protection of National Minorities on Estonia. Adopted on 14 September 2001. ACFC/INF/OP/I(2002)5 // URL: https://rm.coe.int/168008bd43.

[2] См., например: ECHR Decision of 5 February 2002, *Conka v. Belgium* (Application 51564/99) // URL: http://madde14.org/images/6/60/Conka.pdf; ECHR (GC) Judgment of 9 October 2003, *Slivenko v. Latvia* (Application 48321/99) // URL: http://hudoc.echr.coe.int/eng#{"dmdocnumber":["699211"],"itemid":["001-61334"]}.

[3] Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств: принята 5 ноября 1992 г. ETS № 148 // URL: http://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list/-/conventions/rms/090000168007c098.

[4] Рамочная конвенция о защите национальных меньшинств: принята 1 февраля 1995 г. ETS № 157 // URL: https://rm.coe.int/CoERMPublicCommonSearchServices/DisplayDCTMContent?documentId=09000016800c1316.

зом не должны ущемлять данное лицо». Рамочная конвенция предписывает ратифицировавшим ее государствам принимать «надлежащие меры, с тем чтобы поощрять во всех областях экономической, социальной, политической и культурной жизни полное и действительное равенство между лицами, принадлежащими к национальному меньшинству, и лицами, принадлежащими к большинству населения». В связи с этим стороны должны «учитывать особое положение лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам» (п. 2 ст. 4); «поощрять создание благоприятных условий, позволяющих обеспечить лицам, принадлежащим к национальным меньшинствам, возможности поддерживать и развивать свою культуру, а также сохранять основные элементы их самобытности, а именно: религию, язык, традиции и культурное наследие» (п. 1 ст. 5).

В Резолюции ПАСЕ № 1866 (2012)[1] были сформулированы пять принципов – «минимальных стандартов для национальных меньшинств и их членов»:

право каждого человека свободно выражать свою принадлежность к национальному меньшинству;

политические права (в частности, свобода ассоциаций, право создавать политические партии, участие в выборах, представительство в органах власти на национальном и региональном уровнях);

культурные права, включая право на культурную автономию и сохранение национальной идентичности;

право принимать решения по поводу различных форм автономии в соответствии с европейскими практиками, а также национальными или региональными традициями;

право свободно использовать язык меньшинств в частной и общественной жизни, в особенности во взаимоотношениях с административными органами и при осуществлении судопроизводства на территориях традиционного проживания национальных меньшинств, либо где такие меньшинства составляют значительную часть регионального или местного населения.

Как и ООН и ОБСЕ, Совет Европы связывает положение национальных меньшинств преимущественно с индивидуальными правами лиц, принадлежащих к меньшинствам, и их защитой. Несмотря на то что в ранних документах ПАСЕ, в частности в Рекомендации 1134 (1990), можно встретить выражение «права меньшинств и лиц, принадлежащих к меньшинствам», в более поздних актах говорится главным образом не о правах меньшинств как групп, а о правах «лиц, принадлежащих к меньшинствам». На это указала и Венецианская комиссия в толковании, данном ст. 11 проекта Дополнительного протокола к Европейской конвенции о правах человека (Рекомендация ПАСЕ № 1201 (1993): «Субъектами прав, гарантированных ст. 11 [проекта Дополнительного протокола][2], являются лица, принадлежащие к национальному меньшинству, но не национальные меньшинства как таковые, хотя, с точки зрения Комиссии, право на автономию можно рассматривать исключительно как право, реализуемое совместно с другими людьми»[3]. В литературе также выска-

[1] An additional protocol to the European Convention on Human Rights on national minorities: PACE Resolution 1866 (2012) // URL: http://assembly.coe.int/nw/xml/XRef/Xref-DocDetails-EN.asp?fileid=18074.

[2] Статья 11 проекта Дополнительного протокола предусматривала право национальных меньшинств «иметь в своем распоряжении местные или автономные органы власти либо обладать специальным статусом в соответствии с особыми историческими и территориальными условиями и на основе внутреннего законодательства государства».

[3] Venice Commission Opinion on the interpretation of Article 11 of the Draft Protocol to the European Convention on Human Rights appended to Recommendation 1201 of the Parliamentary Assembly (CDL-MIN(1996)4) // URL: http://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-MIN(1996)004rev-e.

зывается позиция, согласно которой «нет необходимости формулировать бóльшую часть положений по правам меньшинств в качестве групповых прав, так как, хотя они и служат цели защиты самобытности группы в целом, в основном они осуществляются индивидуально»[1].

Более того, порой в международных документах вообще отрицается коллективная правосубъектность национальных меньшинств[2]. Так, в п. 10 Рекомендации ПАСЕ № 1735 (2006) отмечается, что, «поскольку национальные меньшинства как таковые не обладают правосубъектностью (*legal personality*), они не могут быть субъектами правоотношений и поэтому не могут выступать сторонами договоров и соглашений. В то же время они могут являться *объектом* (выделено мной. – *А. М.*) коллективной защиты, а их члены должны иметь возможность действовать индивидуально или посредством системы различных организаций, обладающих правоспособностью, для защиты идентичности соответствующих национальных меньшинств и культурных прав»[3].

Впрочем, ПАСЕ в данном вопросе не всегда последовательна: в ряде документов можно встретить упоминания о правах меньшинств именно как групп. Например, в Резолюции ПАСЕ № 1334 (2003) говорится, что автономия «может рассматриваться как внутригосударственный механизм, позволяющий меньшинству (*a minority group*), проживающему в стране, *реализовывать свои права* (выделено мной. – *А. М.*) и сохранять собственную культурную идентичность и одновременно предусматривающий определенные гарантии государственного единства, суверенитета и территориальной целостности»[4].

Подводя итог обзору, нельзя не отметить, что подходы к определению правового положения национальных меньшинств, принятые в ООН, ОБСЕ и Совете Европы, во многом схожи. Основу каждого из них образуют индивидуальные права и свободы лиц, принадлежащих к меньшинствам, а также гарантии и обязательства государств, направленные на реализацию и защиту данных прав. В то же время международное право довольно неохотно признает наличие у меньшинств групповых прав, проводя тем самым различие между меньшинствами и народами. Последние обладают коллективной правосубъектностью, за ними признается ряд прав, включая право на самоопределение, тогда как меньшинствам такое право не принадлежит. Вместе с тем грань между «меньшинствами» и «народами» весьма условна и подвижна, и те группы, которые еще вчера рассматривались как этнические, языковые или религиозные меньшинства, сегодня вполне могут выдвинуть требования, основанные на праве на самоопределение (как это произошло, например, с квебекцами в Канаде).

Общим является и то, что в международном праве не выработано юридически обязательного определения национальных меньшинств, а критерии для их иденти-

---

[1] *Смыслов М. Д.* Указ. соч. С. 106.

[2] Данная позиция встречает поддержку и в ряде научных работ. См., например: *Осипов А. Г.* Являются ли групповые права необходимым условием недискриминации и защиты меньшинств? // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ. М., 2002. С. 80–100. Иная точка зрения отстаивается в работе: *Регеда Е. В.* Коллективные права этнических общностей в конституционном праве Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Пенза, 2009.

[3] The Concept of «Nation»: PACE Recommendation № 1735 (2006) // URL: http://assembly.coe.int/nw/xml/XRef/Xref-XML2HTML-EN.asp?fileid=17407&lang=en.

[4] Positive Experiences of Autonomous Regions as a Source of Inspiration for Conflict Resolution in Europe: PACE Resolution № 1334 (2003) // URL: http://assembly.coe.int/nw/xml/XRef/Xref-XML2HTML-en.asp?fileid=17120&lang=en.

фикации не устоялись. Окончательное решение вопросов о том, какие группы считать национальными меньшинствами, признавать ли за ними коллективные права и какие конкретные меры применять для защиты прав лиц, образующих меньшинства, отнесено к сфере внутреннего конституционного законодательства государств.

Библиография

Additional protocol on the rights of minorities to the European Convention on Human Rights: Recommendation of the Parliamentary Assembly of Council of Europe № 1201 (1993) // URL: http://assembly.coe.int/nw/xml/XRef/Xref-XML2HTML-en.asp?fileid=15235&lang=en.

An additional protocol to the European Convention on Human Rights on national minorities: PACE Resolution 1866 (2012) // URL: http://assembly.coe.int/nw/xml/XRef/Xref-DocDetails-EN.asp?fileid=18074.

Ballantyne, Davidson, McIntyre v. Canada (Communications № 359/1989 and 385/1989). Views of the UN Human Rights Committee on 5 March 1993. U.N. Doc. CCPR/C/47/D/359/1989 and 385/1989/Rev.1 (1993) // URL: http://humanrts.umn.edu/undocs/html/v359385.htm.

Barten U. What's In a Name? Peoples, Minorities, Indigenous Peoples, Tribal Groups and Nations // Journal of Ethnopolitics and Minority Issues in Europe. 2015. Vol. 14. № 1.

ECHR (GC) Judgment of 9 October 2003, *Slivenko v. Latvia* (Application 48321/99) // URL: http://hudoc.echr.coe.int/eng#{"dmdocnumber":["699211"],"itemid":["001-61334"]}.

ECHR Decision of 5 February 2002, *Conka v. Belgium* (Application 51564/99) // URL: http://madde14.org/images/6/60/Conka.pdf

Gilbert G. Autonomy and Minority Groups: A Right in International Law // Cornell International Law Journal. 2002. Vol. 35. Is. 2.

Opinion of the Advisory Committee on the Framework Convention for the Protection of National Minorities on Estonia. Adopted on 14 September 2001. ACFC/INF/OP/I(2002)5 // URL: https://rm.coe.int/168008bd43.

Positive Experiences of Autonomous Regions as a Source of Inspiration for Conflict Resolution in Europe: PACE Resolution № 1334 (2003) // URL: http://assembly.coe.int/nw/xml/XRef/Xref-XML2HTML-en.asp?fileid=17120&lang=en.

Report of the Venice Commission on Non-Citizens and Minority Rights. Adopted 15–16 December 2006. CDL-AD(2007)001 // URL: http://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-MIN(2006)002-e.

Rights of Minorities: PACE Recommendation № 1177 (1992) // URL: http://assembly.coe.int/nw/xml/XRef/Xref-XML2HTML-EN.asp?fileid=15211&lang=en.

Rights of Minorities: Recommendation of the Parliamentary Assembly of Council of Europe № 1134 (1990) // URL: http://assembly.coe.int/nw/xml/XRef/Xref-XML2HTML-en.asp?fileid=15168&lang=en.

The Concept of «Nation»: PACE Recommendation № 1735 (2006) // URL: http://assembly.coe.int/nw/xml/XRef/Xref-XML2HTML-EN.asp?fileid=17407&lang=en.

The Rights of Minorities (Art. 27): General Comment of the UN Human Rights Committee № 23 (50). Adopted 08.04.1994. CCPR/C/21/Rev.1/Add.5 // URL: http://ccprcentre.org/ccpr-general-comments.

Venice Commission Opinion on the interpretation of Article 11 of the Draft Protocol to the European Convention on Human Rights appended to Recommendation 1201 of the Parliamentary Assembly (CDL-MIN(1996)4) // URL: http://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-MIN(1996)004rev-e.

Андриченко Л. В. Регулирование и защита прав национальных меньшинств и коренных малочисленных народов в Российской Федерации. М., 2005.

Блищенко И. П., Абашидзе А. Х. Международная защита прав национальных меньшинств: учеб. пособие. М., 1993.

Гаагские рекомендации о правах национальных меньшинств на образование 1996 г. // URL: http://www.osce.org/ru/hcnm/32190?download=true.

Декларация Организации Объединенных Наций о правах коренных народов: резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № 61/295 от 13 сентября 2007 г. // URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/indigenous_rights.

Декларация Организации Объединенных Наций о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам: резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № 47/135 от 18 декабря 1992 г. // URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/minority_rights.shtml.

Декларация Организации Объединенных Наций о правах человека в отношении лиц, не являющихся гражданами страны, в которой они проживают: резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № 40/144 от 13 декабря 1985 г. // URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/not_nationals_rights.shtml.

Динамика интеграции в странах ОБСЕ: национальные меньшинства и процесс «наведения мостов»: доклад Европейского центра по вопросам меньшинств. Фленсбург, 2016.

Документ Копенгагенского совещания Конференции по человеческому измерению СБСЕ 1990 г. // URL: http://www.osce.org/ru/odihr/elections/14304?download=true.

Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств: принята 5 ноября 1992 г. ETS № 148 // URL: http://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list/-/conventions/rms/090000168007c098.

Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Хельсинки, 1975 г. // URL: http://www.osce.org/ru/mc/39505?download=true.

Комментарий Консультативного комитета Рамочной конвенции по защите национальных меньшинств по вопросам эффективного участия лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, в культурной, социальной и экономической жизни и в общественных делах: принят 27 февраля 2008 г. ACFC/31DOC(2008)001 (Russian version) // URL: https://rm.coe.int/CoERMPublicCommonSearchServices/DisplayDCTMContent?documentId=09000016800bc7f0.

Комментарий Рабочей группы по меньшинствам к Декларации ООН о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам от 22 марта 2005 г. E/CN.4/Sub.2/AC.5/2005/2 // URL: https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/G05/133/83/PDF/G0513383.pdf.

Конвенция о коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах (Конвенция 169): принята 27 июня 1989 г. Генеральной конференцией Международной организации труда // URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/iol169.shtml.

Лундские рекомендации об эффективном участии национальных меньшинств в общественно-политической жизни 1999 г. // URL: http://www.osce.org/ru/hcnm/32252?download=true.

Люблянские рекомендации по интеграции разнообразных обществ 2012 г. // URL: http://www.osce.org/ru/hcnm/111071?download=true.

Осипов А. Г. Являются ли групповые права необходимым условием недискриминации и защиты меньшинств? // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ. М., 2002.

Ословские рекомендации о правах национальных меньшинств в области языка 1998 г. // URL: http://www.osce.org/ru/hcnm/67541?download=true.

Права меньшинств. Международные стандарты и руководство по их соблюдению. Нью-Йорк; Женева, 2010 // URL: http://www.ohchr.org/Documents/Publications/MinorityRights_ru.pdf.

Пучкова М. В. Соответствие Конституции и текущего законодательства РФ международным обязательствам РФ в области защиты национальных меньшинств // Проблемы правового регулирования межэтнических отношений и антидискриминационного законодательства в РФ. М., 2004.

Рамочная конвенция о защите национальных меньшинств: принята 1 февраля 1995 г. ETS № 157 // URL: https://rm.coe.int/CoERMPublicCommonSearchServices/DisplayDCTMContent?documentId=09000016800c1316.

Регеда Е. В. Коллективные права этнических общностей в конституционном праве Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Пенза, 2009.

Смыслов М. Д. Международно-правовая защита меньшинств // Московский журн. междунар. права. 1993. № 1.

Соколовский С. В. Национальные меньшинства в постсоветской России: международно-правовые аспекты // Диаспоры. 2011. № 2.

Соколовский С. В. Права меньшинств. Антропологические, социологические и международно-правовые аспекты. М., 1997.

Справочный документ эксперта по вопросам меньшинств Гей Макдугалла об эффективном участии меньшинств в политической жизни от 8 октября 2009 г. (A/HRC/FMI/2009/3) // URL: http://www.osce.org/ru/cio/68838?download=true.

Bibliography

Additional protocol on the rights of minorities to the European Convention on Human Rights: Recommendation of the Parliamentary Assembly of Council of Europe № 1201 (1993) // URL: http://assembly.coe.int/nw/xml/XRef/Xref-XML2HTML-en.asp?fileid=15235&lang=en.

An additional protocol to the European Convention on Human Rights on national minorities: PACE Resolution 1866 (2012) // URL: http://assembly.coe.int/nw/xml/XRef/Xref-DocDetails-EN.asp?fileid=18074.

Andrichenko L. V. Regulirovanie i zashhita prav nacional'nyx men'shinstv i korennyx malochislennyx narodov v Rossijskoj Federacii. M., 2005.

Ballantyne, Davidson, McIntyre v. Canada (Communications № 359/1989 and 385/1989). Views of the UN Human Rights Committee on 5 March 1993. U.N. Doc. CCPR/C/47/D/359/1989 and 385/1989/Rev.1 (1993) // URL: http://humanrts.umn.edu/undocs/html/v359385.htm.

Barten U. What's In a Name? Peoples, Minorities, Indigenous Peoples, Tribal Groups and Nations // Journal of Ethnopolitics and Minority Issues in Europe. 2015. Vol. 14. № 1.

Blishhenko I. P., Abashidze A. X. Mezhdunarodnaya zashhita prav nacional'nyx men'shinstv: ucheb. posobie. M., 1993.

Deklaraciya Organizacii Ob"edinennyx Nacij o pravax cheloveka v otnoshenii lic, ne yavlyayushhixsya grazhdanami strany, v kotoroj oni prozhivayut: rezolyuciya General'noj Assamblei OON № 40/144 ot 13 dekabrya 1985 g. // URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/not_nationals_rights.shtml.

Deklaraciya Organizacii Ob"edinennyx Nacij o pravax korennyx narodov: rezolyuciya General'noj Assamblei OON № 61/295 ot 13 sentyabrya 2007 g. // URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/indigenous_rights.

Deklaraciya Organizacii Ob"edinennyx Nacij o pravax lic, prinadlezhashhix k nacional'nym ili ehtnicheskim, religioznym i yazykovym men'shinstvam: rezolyuciya General'noj Assamblei OON № 47/135 ot 18 dekabrya 1992 g. // URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/minority_rights.shtml.

Dinamika integracii v stranax OBSE: nacional'nye men'shinstva i process «navedeniya mostov»: doklad Evropejskogo centra po voprosam men'shinstv. Flensburg, 2016.

Dokument Kopengagenskogo soveshhaniya Konferencii po chelovecheskomu izmereniyu SBSE 1990 g. // URL: http://www.osce.org/ru/odihr/elections/14304?download=true.

ECHR (GC) Judgment of 9 October 2003, Slivenko v. Latvia (Application 48321/99) // URL: http://hudoc.echr.coe.int/eng#{"dmdocnumber":["699211"],"itemid":["001-61334"]}.

ECHR Decision of 5 February 2002, Conka v. Belgium (Application 51564/99) // URL: http://madde14.org/images/6/60/Conka.pdf

Evropejskaya xartiya regional'nyx yazykov ili yazykov men'shinstv: prinyata 5 noyabrya 1992 g. ETS № 148 // URL: http://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list/-/conventions/rms/090000168007c098.

Gaagskie rekomendacii o pravax nacional'nyx men'shinstv na obrazovanie 1996 g. // URL: http://www.osce.org/ru/hcnm/32190?download=true.

Gilbert G. Autonomy and Minority Groups: A Right in International Law // Cornell International Law Journal. 2002. Vol. 35. Is. 2.

Kommentarij Konsul'tativnogo komiteta Ramochnoj konvencii po zashhite nacional'nyx men'shinstv po voprosam ehffektivnogo uchastiya lic, prinadlezhashhix k nacional'nym men'shinstvam, v kul'turnoj, social'noj i ehkonomicheskoj zhizni i v obshhestvennyx delax: prinyat 27 fevralya 2008 g. ACFC/31DOC(2008)001 (Russian version) // URL: https://rm.coe.int/CoERMPublicCommonSearchServices/DisplayDCTMContent?documentId=09000016800bc7f0.

Kommentarij Rabochej gruppy po men'shinstvam k Deklaracii OON o pravax lic, prinadlezhashhix k nacional'nym ili ehtnicheskim, religioznym i yazykovym men'shinstvam ot 22 marta 2005 g. E/CN.4/Sub.2/AC.5/2005/2 // URL: https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/G05/133/83/PDF/G0513383.pdf.

Konvenciya o korennyx narodax i narodax, vedushhix plemennoj obraz zhizni v nezavisimyx stranax (Konvenciya 169): prinyata 27 iyunya 1989 g. General'noj konferenciej Mezhdunarodnoj organizacii truda // URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/iol169.shtml.

Lundskie rekomendacii ob ehffektivnom uchastii nacional'nyx men'shinstv v obshhestvenno-politicheskoj zhizni 1999 g. // URL: http://www.osce.org/ru/hcnm/32252?download=true.

Lyublyanskie rekomendacii po integracii raznoobraznyx obshhestv 2012 g. // URL: http://www.osce.org/ru/hcnm/111071?download=true.

Opinion of the Advisory Committee on the Framework Convention for the Protection of National Minorities on Estonia. Adopted on 14 September 2001. ACFC/INF/OP/I(2002)5 // URL: https://rm.coe.int/168008bd43.

Osipov A. G. Yavlyayutsya li gruppovye prava neobxodimym usloviem nediskriminacii i zashhity men'shinstv? // Mul'tikul'turalizm i transformaciya postsovetskix obshhestv. M., 2002.

Oslovskie rekomendacii o pravax nacional'nyx men'shinstv v oblasti yazyka 1998 g. // URL: http://www.osce.org/ru/hcnm/67541?download=true.

Positive Experiences of Autonomous Regions as a Source of Inspiration for Conflict Resolution in Europe: PACE Resolution № 1334 (2003) // URL: http://assembly.coe.int/nw/xml/XRef/Xref-XML2HTML-en.asp?fileid=17120&lang=en.

Prava men'shinstv. Mezhdunarodnye standarty i rukovodstvo po ix soblyudeniyu. N'yu-Jork; Zheneva, 2010 // URL: http://www.ohchr.org/Documents/Publications/MinorityRights_ru.pdf.

Puchkova M. V. Sootvetstvie Konstitucii i tekushhego zakonodatel'stva RF mezhdunarodnym obyazatel'stvam RF v oblasti zashhity nacional'nyx men'shinstv // Problemy pravovogo regulirovaniya mezhehtnicheskix otnoshenij i antidiskriminacionnogo zakonodatel'stva v RF. M., 2004.

Ramochnaya konvenciya o zashhite nacional'nyx men'shinstv: prinyata 1 fevralya 1995 g. ETS № 157 // URL: https://rm.coe.int/CoERMPublicCommonSearchServices/DisplayDCTMContent?documentId=09000016800c1316.

Regeda E. V. Kollektivnye prava ehtnicheskix obshhnostej v konstitucionnom prave Rossijskoj Federacii: dis. … kand. yurid. nauk. Penza, 2009.

Report of the Venice Commission on Non-Citizens and Minority Rights. Adopted 15–16 December 2006. CDL-AD(2007)001 // URL: http://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-MIN(2006)002-e.

Rights of Minorities: PACE Recommendation № 1177 (1992) // URL: http://assembly.coe.int/nw/xml/XRef/Xref-XML2HTML-EN.asp?fileid=15211&lang=en.

Rights of Minorities: Recommendation of the Parliamentary Assembly of Council of Europe № 1134 (1990) // URL: http://assembly.coe.int/nw/xml/XRef/Xref-XML2HTML-en.asp?fileid=15168&lang=en.

Smyslov M. D. Mezhdunarodno-pravovaya zashhita men'shinstv // Moskovskij zhurn. mezhdunar. prava. 1993. № 1.

Sokolovskij S. V. Nacional'nye men'shinstva v postsovetskoj Rossii: mezhdunarodno-pravovye aspekty // Diaspory. 2011. № 2.

Sokolovskij S. V. Prava men'shinstv. Antropologicheskie, sociologicheskie i mezhdunarodno-pravovye aspekty. M., 1997.

Spravochnyj dokument ehksperta po voprosam men'shinstv Gej Makdugalla ob ehffektivnom uchastii men'shinstv v politicheskoj zhizni ot 8 oktyabrya 2009 g. (A/HRC/FMI/2009/3) // URL: http://www.osce.org/ru/cio/68838?download=true.

The Concept of «Nation»: PACE Recommendation № 1735 (2006) // URL: http://assembly.coe.int/nw/xml/XRef/Xref-XML2HTML-EN.asp?fileid=17407&lang=en.

The Rights of Minorities (Art. 27): General Comment of the UN Human Rights Committee № 23 (50). Adopted 08.04.1994. CCPR/C/21/Rev.1/Add.5 // URL: http://ccprcentre.org/ccpr-general-comments.

Venice Commission Opinion on the interpretation of Article 11 of the Draft Protocol to the European Convention on Human Rights appended to Recommendation 1201 of the Parliamentary Assembly (CDL-MIN(1996)4) // URL: http://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-MIN(1996)004rev-e.

Zaklyuchitel'nyj akt Soveshhaniya po bezopasnosti i sotrudnichestvu v Evrope. Xel'sinki, 1975 g. // URL: http://www.osce.org/ru/mc/39505?download=true.

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ВМЕНЕНИЯ В УГОЛОВНОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

Ширяев Алексей Юрьевич
Кандидат юридических наук,
старший помощник прокурора г. Кушвы Свердловской области (Кушва),
e-mail: alexej.schiryaeff2013@yandex.ru

Опираясь на принцип первичности в сфере познания реальности различия и различения перед единством и соответствием, выработанный современной аналитической феноменологией (В. И. Молчанов), автор формулирует исходные положения, намечающие границы и грани, в которых должна быть раскрыта структура уголовно-правового вменения. Понятие субъективного вменения в традиционном понимании с опорой проблематики на субъект-объектную дихотомию подвергается критическому переосмыслению и развивается в многоступенчатую систему юридического вменения, основным принципом которого является возможность верификации (верифицируемость) каждого инкриминируемого элемента преступления в пределах конкретной ступени вменения.

Для подтверждения необходимости развития существующих подходов к проблеме вменения в практическом аспекте анализируются примеры судебной практики. Ошибочная квалификация неосторожного причинения смерти как убийства при отягчающих обстоятельствах, по мнению автора, выступает судебной ошибкой, запрограммированной традиционной парадигмой вменения. Такая ошибка обусловлена существенными трудностями верификации умысла при оперировании абстрактным законодательным определением объективной стороны состава преступления. Последнее должно быть отграничено от своей укореняющей онтологической основы – умышленного деяния, которое, даже рассматриваемое чисто объективно, не равно неосторожному деянию в объективном смысле. Автор выявляет различия между объективно данными умышленным и неосторожным деяниями и констатирует, что различия эти существуют независимо от субъективной стороны составов этих преступлений.

Возможность верификации умысла и необходимость оценки объективной упречности как объективного коррелята субъективной стороны тесно взаимосвязаны, взаимно обусловливают друг друга. Это в свою очередь требует первоначального выделения уголовно-релевантного факта в качестве исходно нейтрального предмета юридического анализа и оценки.

Ключевые слова: вменение, оценка объективной упречности, деяние, умысел, вина

PHENOMENOLOGY OF IMPUTATION IN CRIMINAL JURISPRUDENCE

Shiryaev Alexey
Office of Public Prosecutor of Kushva (Kushva),
e-mail: alexej.schiryaeff2013@yandex.ru

Basing on the principle of primacy in cognition of reality of difference and differing, developed by modern analytical phenomenology (V. I. Molchanov), the author sets forth some initial statements identifying the outlines and borders, in which the criminal law imputation structure must be revealed. The conception of subjective imputation in its traditional form is reconsidered through the subject-objective dichotomy and converted into the several-phase system of juridical imputation, whose primary principle is the possibility to verify each attributing element of crime within the concrete phase of imputation.

To reveal the necessity of improving the existing approaches to imputation problem, the author analyzes several examples from judicial practice. In author's opinion, wrong characterization of a death through negligence as an aggravated homicide is the judicial error, which is programmed by traditional paradigm of imputation. Such error is determined by essential difficulties in verifying intent while using the abstract legislative definition of an objective side of crimes. The latter must be separated from its ontological ground – an intentional act, which is, even objectively considered, not equal to a negligence act in its objective sense. The author reveals the differences between the intentional act and negligence act and says that these differences don't depend on the subjective side of both crimes.

The possibility to verify intent and the necessity to assess objective blameworthiness as an objective correlation of the subjective side are narrowly connected and determined by each other. Therefore, it requires the primal highlighting of criminal relevant fact as an initial neutral object of legal analysis and assessment.

Key words: imputation, assessment of objective blameworthiness, acting, intention, guilt

В отечественной уголовно-правовой науке исследуется понятие субъективного вменения, предполагающее недопустимость объективного вменения[1], при этом существование последнего в правоприменительной практике считается фактом[2]. Лишь немногие авторы отмечают сложный характер такого правового феномена, как вменение, и указывают на неоднозначные взаимосвязи его субъективных и объективных компонентов[3]. Мы считаем, что простого дихотомического субъект-объектного деления для полной характеристики уголовно-правового феномена вменения и разрешения всех вопросов, возникающих в связи с данной проблематикой, недостаточно. Например, неясно, какой аспект обозначенной проблемы имеется в виду в судебной практике, когда говорится о необоснованном вменении квалифицирующего признака «с применением предмета, используемого в качестве оружия» при разбое[4]. Для исследования структуры вменения мы воспользуемся методом феноменологического анализа, который применительно к уголовному праву охарактеризовали ранее как метод «юридической деконструкции»[5], проистекающий из первичной познаваемо-

[1] *Лунеев В. В.* Субъективное вменение. М., 2000.

[2] *Язовских Ю. А.* Проблемы вменения в российском уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 1997. С. 6.

[3] *Векленко С. В.* Виновное вменение в уголовном праве: дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2003. С. 8.

[4] Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Свердловского областного суда от 13 апреля 2016 г. Дело № 22-2954/2016 // Архив Свердловского областного суда, 2016 г. Приговор суда первой инстанции был изменен. К. обвинялся по ч. 2 ст. 162 УК РФ в том, что совершил разбой с применением предмета, используемого в качестве оружия, по предварительному сговору. К. угрожал ножом кассиру банка, в то время как его соучастник Б. похитил денежные средства. Действия К. были описаны как «демонстративно угрожал потерпевшей». Суд апелляционной инстанции применил формулировку п. 23 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое», предусматривающую, что если лицо лишь демонстрировало оружие, не намереваясь использовать этот предмет для причинения телесных повреждений, то квалифицирующий признак «с применением предмета, используемого в качестве оружия» отсутствует. Пример показывает, что объективные признаки состава не даются с полной очевидностью самим фактом внешнего поведения, но определяются путем оценки степени объективной упречности действий, выражаемой в терминах нормативных предписаний, т. е. вменяются независимо от умысла.

[5] Термин «деконструкция» взят нами не из трудов французского философа Ж. Деррида, а сформулирован, будучи основанным на принципах феноменологического познания, как противовес принципа «юридической конструкции», распространенного в частном праве. Подробнее см.: *Ширяев А. Ю.* Вменение и факт в доктрине и практике применения уголовного закона // Рос. право: образование, практика, наука. 2016. № 6. С. 50.

сти различий и различения перед определением системных единств и соответствий, выражающих содержание исследуемых понятий.

Попытаемся сформулировать основные положения, которые с наибольшей очевидностью характеризовали бы ту ситуацию, которая имеет место в каждом случае вменения деятелю в вину преступления. Эти положения станут для нас своего рода «Apriori distinctionis»[1], т. е. условиями отчетливого и беспредпосылочного познания феномена вменения и анализа всякого деяния, вовлекаемого в сферу уголовно-правовых оценок.

Всякий юридический признак преступления (в том числе объективный) устанавливается как относимый к конкретной фактической данности, существующей в качестве исходной внеправовой (доправовой) реальности. До этого вывода никакой юридический признак не может считаться установленным, а содеянное полагается нейтральным в правовом отношении.

Всякое нарушение такой правовой нейтральности есть вменение.

Акт вменения может быть истинным, а может быть ошибочным. Быть истинным или ошибочным – это логическое свойство суждения. Вменение представляет собой акт суждения, приписывающий конкретной внеправовой реальности нормативные признаки как принадлежащие самой этой реальности свойства (акт предикации).

Законодательное определение преступления и его юридических признаков (как в Особенной, так и в Общей части Уголовного кодекса) является не исходной реальностью, а суждением законодателя в виде набора критериев оценки, осуществление которого в ходе вменения опосредуется сферой логико-языковых феноменов. При оценке каждого уголовно-релевантного факта необходимо не допускать смешения онтологически различных слоев. Первый слой, подлежащий выделению в ходе уголовно-правовой интерпретации деяния, должен подлежать юридически нейтральному описанию.

Перечисленные положения послужат основанием для новой постановки проблемы юридического вменения, которую мы формулируем как проблему соотношения подлежащих вменению и исходно реальных компонентов преступления и определения оснований взаимосвязи подлежащих вменению субъективных и объективных компонентов. Вменение, как мы попытаемся показать, – это гораздо более сложный феномен, чтобы все вопросы данной проблематики разрешались посредством сформулированного законодателем в ч. 2 ст. 5 УК РФ положения, запрещающего объективное вменение, приравненное к невиновному причинению вреда.

Вменение мы рассматриваем как совокупность суждений, приписывающих реальным компонентам поведения соответствие предусмотренным в законе нормативным критериям, влияющее на определение правового статуса деятеля. На такое

[1] Apriori distinctionis (лат.) – первичные различия, способ описания первичного опыта. Термин взят нами из аналитической феноменологии В. И. Молчанова (*Молчанов В. И.* Различение и опыт: феноменология неагрессивного сознания // Исследования по феноменологии сознания. М., 2007. С. 243). «Термины „первичный“, „изначальный“, „лежащий в основе“ в отношении к опыту понимаются достаточно традиционно – как „то, без чего невозможно“, как то, что всегда темпорально и логически предшествует всем другим видам опыта как Apriori. Нетрадиционным здесь является то, что Apriori понимается как первичный опыт различий как Apriori distinctionis» (Там же).

Методологическим основанием нам также служит вытекающее из феноменологического принципа различия положение о суждении как конституирующем пространство понимания акте и предметном корреляте суждения – положении дел (В. И. Молчанов часто использует словосочетание «обстоятельство дел»). Подробнее см.: *Молчанов В. И.* Феномен пространства и происхождение времени. М., 2015. С. 188–189, 233, 268).

понимание вменения указывает сам смысл слова «вменять», которое означает в одном аспекте «считать», «признавать чем-либо», «расценивать каким-либо образом»[1], в другом – «ставить на счет», «засчитывать», «зачислять»[2].

Первый шаг в определении феномена вменения – выделение фазы установления объективных признаков состава преступления на основе реального деяния. Мы называем эту фазу первой и самостоятельной ступенью вменения, чтобы подчеркнуть недопустимость равенства между описанием действия в качестве нейтрального факта и уголовно противоправным деянием хотя бы в объективном смысле. Факт реального деяния не есть объективная сторона преступления.

Когда на основе факта волевого действия, описанного по возможности как юридически нейтральный элемент, установлены признаки объективной стороны состава преступления, тогда и только тогда возникает возможность перейти к стадии субъективного вменения. Способом удостоверения правильности субъективного вменения является феномен соответствия между предметным содержанием субъективной стороны состава преступления и объективными признаками состава[3]. Речь идет о строгом соответствии между различными элементами состава преступления, в чем и заключается верифицирующая функция феномена соответствия. Предмет вменяемых в вину психологических особенностей деяния должен соответствовать своему объективному корреляту.

Рассмотрим пример. Действия виновной переквалифицированы с пп. «в», «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ на ч. 1 ст. 109 УК РФ, поскольку она не предвидела возможности причинения смерти потерпевшей в результате своих действий[4]. По приговору суда И. была признана виновной в неисполнении обязанностей по воспитанию несовершеннолетних детей и убийстве своей шестимесячной дочери, заведомо для виновной находящейся в беспомощном состоянии, совершенном с особой жестокостью, и осуждена по пп. «в», «д», ч. 2 ст. 105 и ст. 156 УК РФ. Судебная коллегия Верховного Суда РФ изменила приговор, мотивировав решение следующим. Суд первой инстанции пришел к выводу, что вследствие неисполнения и ненадлежащего исполнения И. родительских обязанностей у ее дочери возникли инфекционные заболевания верхних дыхательных путей и кожных покровов, развитие выраженной гипотрофии. Смерть шестимесячной потерпевшей наступила в результате тяжелого инфекционного поражения кожных покровов, последующего развития общего инфекционного заболевания – сепсиса с явлениями септического шока и полиорганной недостаточности и выраженной гипотрофии.

---

[1] Большой академический словарь русского языка / гл. ред. К. С. Горбачевич. М., 2005. Т. 2. С. 635.

[2] Подразумевается именно личный счет конкретного лица (*Гаева Е. В.* Гости из прошлого. Словарь русских слов: в 3 т. М., 2016. Т. 2. С. 253).

[3] Феномен соответствия известен как отечественной, так и, в частности, англосаксонской уголовно-правовой науке. В. Н. Кудрявцев рассматривает феномен соответствия в разделе, посвященном субъективной стороне преступления (*Кудрявцев В. Н.* Общая теория квалификации преступлений. М., 2004. С. 148). Британский криминалист Jonathan Herring также исследует «принцип соответствия» – «the correspondence principle» – в разделе о субъективном элементе (the mental element) (*Herring J.* Criminal law. 6th ed. L., 2009. P. 74–75). В то же время, например, американский правовед Дж. Самаха выделяет «принцип совпадения» (principle of concurrence) в качестве самостоятельного принципа, отдельного от преступного действия (principle of actus reus) и виновности (principle of mens rea) (*Samaha J.* Criminal law. 8th ed. Belmont, 2005. P. 104–105).

[4] Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 16 сентября 2009 г. № 5-009-18 // Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда РФ за II квартал 2009 г. СПС «КонсультантПлюс».

Суд первой инстанции, квалифицируя действия И. по пп. «в», «д», ч. 2 ст. 105 УК РФ, указал в приговоре, что виновная осознавала общественную опасность своего бездействия, предвидела возможность наступления смерти ее малолетней дочери, не желала, но относилась безразлично к наступлению этих последствий. Однако из показаний осужденной следует, что она лечила дочь самостоятельно, давала парацетамол, ставила детские свечи «эфферал ган», думала, что режутся зубы, дочь не ела, срыгивала пищу, похудела, она смазывала потерпевшую зеленкой, поила соком, умысла на лишение дочери жизни не имела. При таких обстоятельствах Судебная коллегия пришла к выводу, что осужденная не предвидела возможности причинения смерти потерпевшей в результате своих действий, но по обстоятельствам дела должна была и могла предвидеть это.

В чем причина того, что разрыв между квалифицированным убийством и неосторожным причинением смерти, казалось бы очевидный для обыденной правовой интуиции, оказался неуловим логическими методами традиционной квалификации? Дело в том, что оказание неквалифицированной медицинской помощи (если эти действия не преднамеренная инсценировка) не может быть истолковано как убийство даже в чисто объективном смысле, потому что само деяние в виде лечения, независимо от того, на что надеется лечащий, конституируется направленностью на такой исход, при котором потерпевший останется жив. Эти особенности не определены УК РФ в объективных признаках деяний в ст. 105 и 109. В обоих случаях законодатель ограничивается одинаковым описанием объективной стороны составов как «причинение смерти». Однако если устанавливается умысел на убийство, то предварительно должен быть обоснованно инкриминирован объективный коррелят этого умысла, который превосходит уровень общественной опасности неосторожного деяния (объективно не равен неосторожному деянию как иному способу причинения смерти). Это обоснование представляет собой оценку объективной упречности и служит условием верификации субъективной стороны состава по принципу соответствия. Строго говоря, эта операция есть первая ступень вменения вины, так как она нарушает нейтральность исходного факта, реализует переход от нейтрально описанного факта к упречной правовой оценке согласно критериям законодательных определений, являет собой то, в отношении чего вообще может быть установлен умысел.

Из этого следует, что феномен соответствия как принцип проверки (верификации) субъективного вменения не работает с абстрактными юридическими дефинициями признаков состава преступления, а требует обращения к характеристикам укореняющей юридические признаки онтологической основы (деянию). Умыслу на убийство соответствует объективная сторона убийства, но установить и проверить это соответствие можно только на основе выделения исходно умышленного и исходно неосторожного типов деяния (типов причинения), на почве которых устанавливается и предварительно вменяется объективная сторона убийства либо неосторожного причинения смерти. Феномен соответствия действует как верифицирующий принцип только с опорой на онтологический элемент, укореняющий отвлеченные законодательные конструкции.

Рассмотрим проблематику субъективного вменения, связанную с логико-языковым характером процесса вменения. Если мы назвали предметный аспект субъективной стороны «умыслом», то тем самым задним числом уже ввели в ход рассуж-

дения негативные этико-правовые коннотации. Термин «умысел» никогда не используется в психологии. В психологии для характеристики ситуаций осознанного поведения человека применяется слово «намерение», которое имеет нейтральный в отношении морали и права смысл. Намерение может быть как «дурным», так и «добрым», но умысел «добрым» быть не может в силу своих семантических характеристик. Например, в современной немецкой уголовной юриспруденции в качестве терминов, обозначающих «умысел», используются «Absicht» (преднамеренность) и «Vorsatz» (намерение, умысел). Эти термины общеупотребительны и в праве, и в психологии и имеют нейтральное в отношении этико-правовой оценки значение[1]. Намерение, соотнесенное с правовым масштабом оценки состава деяния, называется «Tatbestandvorsatz»[2]. Русский термин «умысел» близок классическому «dolus»[3] (умысел) или даже «dolus malus» (злой умысел). Термин «dolus» в силу языковых традиций также содержит негативные морально-правовые коннотации, соответствуя в немецком праве термину «Tatbestandvorsatz», т. е. семантически несет груз негативной оценки психологического намерения (Vorsatz)[4].

Таким образом, оценка психологической стороны преступного деяния должна слагаться из анализа различных не смешиваемых друг с другом компонентов: предметных психических процессов и вывода о наличии умысла либо неосторожности как юридических понятий. Смешение этих явлений лишает правовую оценку качества проверяемости.

Если, например, фактическая сторона деяния, связанного с обманом и риском неисполнения обязательств, обнаруживает признаки, предусмотренные ст. 159, 165 УК РФ, но представляет собой по существу лишь гражданско-правовой деликт, то существует риск, что объективные признаки состава преступления правоприменитель констатирует самим фактом наличия гражданско-правовых договорных отношений. Неверифицируемый в такой ситуации вывод о наличии умысла будет сделан исходя из преднамеренности («умышленного» характера) поведения, в любом случае направленного на получение материальной выгоды. Факт личной ответственности руководителя предприятия за все юридически значимые действия станет фатальным моментом для создания «порочного круга» непроверяемых презумпций.

Примером может послужить дело в отношении председателя ТСЖ Б., который обвинялся по п. «б» ч. 2 ст. 165 УК РФ в причинении имущественного ущерба собственнику в особо крупном размере путем злоупотребления доверием при отсутствии признаков хищения. Обвиняемый на протяжении нескольких лет перечислял денежные средства за поставляемые для населения ресурсоснабжающей организацией тепловые ресурсы, но перечисления производил не в полном объеме. Взаимоотноше-

[1] Немецко-русский словарь по психологии. М., 2004. С. 11, 331.

[2] *Roxin C.* Strafrecht. Allgemeiner teil. Band I. 4 Aufi. München, 2006. S. 483, 502. «Tatbestandvorsatz» означает намерение на осуществление «законного состава деяния».

[3] Собственно латинское слово «dolus» первоначально означало «обман» в смысле неправомерной хитрости или мошенничества, а затем стало обозначать «злонамеренность» или «умысел» вообще (*Скорина Л. П., Чуракова Л. П.* Латинский язык для юристов / под ред. С. В. Семчинского. Минск, 1999. С. 317).

[4] Например, при необходимой обороне обороняющийся действует с намерением причинить смерть нападающему. Назвав данное психологическое отношение «умыслом», мы приписываем деятелю вину в преступлении, хотя еще не проверили обстоятельства, исключающие виновность, а отказывая в признании «умысла», мы теряем почву факта (неверно описываем факт), поскольку психологическое положение дел именно таково, что убийство совершено намеренно. Мы словно не имеем средств описать психологическое отношение нейтрально, так, как оно имело место в действительности. Один из выходов из этой ситуации – не отождествлять умысел и вину, а устанавливать их раздельно.

ния между виновным и потерпевшим не выходили за рамки гражданско-правовых договорных отношений и документально-претензионного порядка урегулирования разногласий[1]. По версии защиты, Б. не имел умысла на причинение имущественного ущерба. Но утверждение об отсутствии умысла (отвергнутое судом в приговоре) в данном случае совершенно не верифицируемо, поскольку понятие умысла имеет слишком широкое содержание: и осознание фактического характера действий, и осознание общественной опасности. Идея субъективного вменения в традиционном виде в таких ситуациях не работает. Если не проверена и не обоснована объективная упречность содеянного, то нет возможности проверить наличие вины. Имеется риск, что правоприменитель в данной ситуации признает виной юридически нейтральное намерение обвиняемого в отношении его действий, исходя из логики классической доктрины «намерение = умысел = форма вины».

Проверки и обоснования здесь требует в первую очередь вопрос о том, совершил ли обвиняемый действия, которые в объективном выражении составляют содержание уголовно наказуемого правонарушения и выходят за рамки гражданско-правового деликта. Только положительный ответ на этот вопрос был бы законной предпосылкой для применения презумпции о действительно умышленном совершении инкриминируемого преступления.

В связи с изложенными соображениями общий вывод должен быть таков. Уголовно-правовая оценка объективных обстоятельств деяния предполагает, что предметом ее является исходный нейтральный факт, она требует обоснования такого характера и степени общественной опасности, которые объективно соответствуют именно уголовному правонарушению. Оценка внешних признаков деяния является необходимой предпосылкой вменения субъективных признаков состава, условием ее верифицируемости. Таким образом, уголовно-правовая оценка на стадии установления объективной стороны – это не просто логический акт подведения частного под общее, но акт оценки уголовно-правовой упречности поведения в объективном смысле, составная часть и первая ступень юридического вменения в целом.

Виновное вменение, которое представляет собой одномоментный акт субъективного вменения при недопустимости объективного вменения, не верифицируемо в своих результатах. Чтобы приобрести качество верифицируемости (проверяемости), вменение должно осуществляться на разных ступенях, отдельных друг от друга, но соотносимых, результаты которых взаимно верифицируют друг друга, не смешиваясь с юридически нейтральным описанием деяния. Суждения, составляющие процесс вменения, последовательно определяют такое сложное положение дел, которое выражает уголовно-правовую личностную упречность (вину лица) за конкретное, подлежащее правовой оценке поведение, как с объективной, так и с субъективной стороны. Для вменения в вину умысла предварительно должен быть вменен объективный коррелят содержания конкретного умысла.

Библиография

Herring J. Criminal law. 6th ed. L., 2009.

Roxin C. Strafrecht. Allgemeiner teil. Band I. 4 Aufi. München, 2006.

Samaha J. Criminal law. 8th ed. Belmont, 2005.

Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Свердловского областного суда от 13 апреля 2016 г. Дело № 22-2954/2016 // Архив Свердловского областного суда, 2016 г.

[1] Материалы уголовного дела № 150456909 с обвинительным приговором от 14 апреля 2017 г. // Архив Кушвинского городского суда Свердловской области, 2017 г.

Большой академический словарь русского языка / гл. ред. К. С. Горбачевич. М., 2005. Т. 2.

Векленко С. В. Виновное вменение в уголовном праве: дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2003.

Гаева Е. В. Гости из прошлого. Словарь русских слов: в 3 т. М., 2016. Т. 2.

Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. М., 2004.

Лунеев В. В. Субъективное вменение. М., 2000.

Материалы уголовного дела № 150456909 с обвинительным приговором от 14 апреля 2017 г. // Архив Кушвинского городского суда Свердловской области, 2017 г.

Молчанов В. И. Различение и опыт: феноменология неагрессивного сознания // Исследования по феноменологии сознания. М., 2007.

Молчанов В. И. Феномен пространства и происхождение времени. М., 2015.

Немецко-русский словарь по психологии. М., 2004.

Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 16 сентября 2009 г. № 5-009-18 // Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда РФ за II квартал 2009 г. СПС «КонсультантПлюс».

Скорина Л. П., Чуракова Л. П. Латинский язык для юристов / под ред. С. В. Семчинского. Минск, 1999.

Ширяев А. Ю. Вменение и факт в доктрине и практике применения уголовного закона // Рос. право: образование, практика, наука. 2016. № 6.

Язовских Ю. А. Проблемы вменения в российском уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 1997.

Bibliography

Apellyacionnoe opredelenie Sudebnoj kollegii po ugolovnym delam Sverdlovskogo oblastnogo suda ot 13 aprelya 2016 g. Delo № 22-2954/2016 // Arxiv Sverdlovskogo oblastnogo suda, 2016 g.

Bol'shoj akademicheskij slovar' russkogo yazyka / gl. red. K. S. Gorbachevich. M., 2005. T. 2.

Gaeva E. V. Gosti iz proshlogo. Slovar' russkix slov: v 3 t. M., 2016. T. 2.

Herring J. Criminal law. 6th ed. L., 2009.

Kudryavcev V. N. Obshhaya teoriya kvalifikacii prestuplenij. M., 2004.

Luneev V. V. Sub"ektivnoe vmenenie. M., 2000.

Materialy ugolovnogo dela № 150456909 s obvinitel'nym prigovorom ot 14 aprelya 2017 g. // Arxiv Kushvinskogo gorodskogo suda Sverdlovskoj oblasti, 2017 g.

Molchanov V. I. Fenomen prostranstva i proisxozhdenie vremeni. M., 2015.

Molchanov V. I. Razlichenie i opyt: fenomenologiya neagressivnogo soznaniya // Issledovaniya po fenomenologii soznaniya. M., 2007.

Nemecko-russkij slovar' po psixologii. M., 2004.

Opredelenie Sudebnoj kollegii po ugolovnym delam Verxovnogo Suda RF ot 16 sentyabrya 2009 g. № 5-009-18 // Obzor zakonodatel'stva i sudebnoj praktiki Verxovnogo Suda RF za II kvartal 2009 g. SPS «Konsul'tantPlyus».

Roxin C. Strafrecht. Allgemeiner teil. Band I. 4 Aufi. München, 2006.

Samaha J. Criminal law. 8th ed. Belmont, 2005.

Shiryaev A. Yu. Vmenenie i fakt v doktrine i praktike primeneniya ugolovnogo zakona // Ros. pravo: obrazovanie, praktika, nauka. 2016. № 6.

Skorina L. P., Churakova L. P. Latinskij yazyk dlya yuristov / pod red. S. V. Semchinskogo. Minsk, 1999.

Veklenko S. V. Vinovnoe vmenenie v ugolovnom prave: dis. ... d-ra yurid. nauk. Omsk, 2003.

Yazovskix Yu. A. Problemy vmeneniya v rossijskom ugolovnom prave: dis. ... kand. yurid. nauk. Ekaterinburg, 1997.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ СПЕЦИАЛИСТА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ПРАВОВАЯ ПРИРОДА И ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В ДОКАЗЫВАНИИ

Стельмах Владимир Юрьевич
Кандидат юридических наук,
заместитель начальника кафедры уголовного процесса
Уральского юридического института МВД России (Екатеринбург),
e-mail: vlstelmah@mail.ru

Исследуются актуальные теоретические и практические вопросы, связанные с заключением специалиста как видом доказательств в уголовном судопроизводстве. Автор приходит к выводу, что компетентность эксперта и специалиста изначально должна признаваться равной. Специалист для составления заключения обязан произвести исследование объекта. Поскольку специалист не предупреждается об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения, его заключение не может иметь ту же доказательственную силу, что и заключение эксперта. В настоящее время заключение специалиста применяется в стадии возбуждения уголовного дела в виде «предварительных исследований», однако автор предлагает отказаться от такой конструкции и заменить ее сокращенной экспертизой. Возможность запрашивать заключение специалиста в перспективе целесообразно оставить только для невластных участников уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, предварительное расследование, доказывание, заключение специалиста, следственные действия

CONCLUSION OF A SPECIALIST IN CRIMINAL PROCEEDINGS: THE LEGAL NATURE AND PROSPECTS OF THE USE IN PROVING

Stel'makh Vladimir
Ural Institute of the Interior of Russia (Yekaterinburg),
e-mail: vlstelmah@mail.ru

The paper investigates the current theoretical and practical issues of conclusion of a specialist as a form of evidence in criminal proceedings. The author concludes that the expert's and specialist's professional competence should be recognized as equal. For drawing up the conclusion a specialist will study the object. As a specialist is not warned of criminal liability for knowingly giving false conclusion, his conclusion may not have the same probative value as the expert's opinion. Currently, conclusion of a specialist is applied at the stage of excitation of criminal case in the form of «preliminary studies», however, the author proposes to abandon such a construct and replace it with an abbreviated examination. It is appropriate to use the specialist's conclusion only for the powerless participants in criminal proceedings.

Key words: criminal proceedings, preliminary investigation, proof, conclusion of a specialist, investigative actions

В 2003 г. законодатель ввел в УПК РФ такой вид доказательств, как заключение специалиста (п. 3[1] ч. 2 ст. 74 УПК РФ), оставив при этом традиционное заключение эксперта (п. 3 ч. 2 ст. 74 УПК РФ). Вскоре после этого в теории уголовного процесса

и правоприменительной практике начали возникать вопросы относительно правовой природы заключения специалиста и его места в системе доказательств[1].

В соответствии с ч. 3 ст. 80 УПК РФ заключение специалиста – это представленное в письменном виде суждение специалиста по вопросам, поставленным перед ним сторонами. При этом в уголовно-процессуальном аспекте специалистом признается лицо, обладающее специальными знаниями, привлекаемое к участию в процессуальных действиях в порядке, установленном УПК РФ, для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, применении технических средств в исследовании материалов уголовного дела, для постановки вопросов эксперту, а также для разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию (ч. 1 ст. 58 УПК РФ).

Заключение эксперта законодатель определяет как представленные в письменном виде содержание исследования и выводы по вопросам, поставленным перед экспертом лицом, ведущим производство по уголовному делу, или сторонами (ч. 1 ст. 80 УПК РФ). Экспертом является лицо, обладающее специальными знаниями и назначенное в порядке, установленном УПК РФ, для производства судебной экспертизы и дачи заключения (ч. 1 ст. 57 УПК РФ).

С одной стороны, и эксперт, и специалист в уголовном судопроизводстве – это лица, обладающие специальными знаниями. По поводу понятия «специальные знания» среди процессуалистов не достигнут консенсус. Не углубляясь в дискуссию по данной проблеме, требующей самостоятельного исследования, отметим, что наиболее обоснованным представляется понимание специальных знаний как «не имеющих общего распространения, не доступных лицам, ведущим уголовное судопроизводство (судье, прокурору, следователю, дознавателю), но которыми глубоко и профессионально владеет относительно узкий круг специалистов»[2]. По сути, судья, прокурор, следователь, дознаватель вынуждены обращаться к обладателям специальных знаний для принятия по делу законного и обоснованного решения.

Очевидно, что различия между экспертом и специалистом нельзя проводить по «глубине» владения ими специальными знаниями, т. е. по уровню компетентности. Нигде в законе не сказано, что эксперт каким-то образом должен превосходить специалиста по указанному показателю. Ясно, что специалист – это не «недостаточно квалифицированный» эксперт, а самостоятельный участник уголовного судопроизводства с собственными задачами, объем которых обусловливает его процессуальный статус. Очень спорным выглядит предложение А. П. Когосова о разграничении компетенции эксперта и специалиста (например, по уголовным делам о незаконном обороте наркотических средств вопрос об отнесении вещества к наркотическому средству ставить перед экспертом, а о возможности его получения в кустарных условиях – перед специалистом)[3]. Совершенно неясны те научно обоснованные методологические принципы, по которым можно произвести указанную градацию. Если же полагать заключение специалиста его мнением, строго не опирающимся на кон-

[1] См., например: *Лазарева Л. В.* Некоторые вопросы заключения и показаний специалиста // Вестн. Владимирского юрид. ин-та. 2007. № 1. С. 242.

[2] *Балакшин В. С.* Оценка допустимости доказательств в российском уголовном процессе: моногр. М., 2016. С. 203. См. также: *Эйсман А. А.* Заключение эксперта. Структура и научное обоснование. М., 1967. С. 128.

[3] *Когосов А. П.* Получение заключений и показаний специалиста как одна из форм использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве // Вестн. Южно-Уральского гос. ун-та. Сер.: Право. 2011. № 6. С. 47.

кретные научно разработанные методики, непонятна доказательственная ценность такого вида доказательств для уголовного дела.

С другой стороны, даже из текста закона видны различия как между экспертом и специалистом, так и между даваемыми ими заключениями.

1. Единственное предназначение эксперта в уголовном судопроизводстве – это производство экспертного исследования и дача заключения по его результатам.

Задачи специалиста шире и включают: а) участие в процессуальных действиях для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, применении технических средств в исследовании материалов уголовного дела; б) постановку вопросов перед экспертом; в) разъяснение сторонам и суду вопросов, входящих в профессиональную компетенцию специалиста. При этом, как справедливо отмечается, «в отличие от эксперта, задачи специалиста носят ярко выраженный консультативный характер»[1]. По смыслу закона, роль специалиста состоит прежде всего в оказании помощи сторонам в проведении действий или принятии решений. Именно поэтому заключение специалиста, имеющее самостоятельную доказательственную ценность, не в связи с действиями следователя, не вполне соответствует «идеальному» предназначению данного участника уголовного судопроизводства.

2. Заключение эксперта в силу ч. 1 ст. 80 УПК РФ должно в обязательном порядке отражать содержание проведенного исследования. Это же обстоятельство подчеркивается в п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам»[2], где обращено внимание на то, что экспертиза должна назначаться при одновременном наличии двух обстоятельств: а) необходимости применения специальных знаний в науке, технике, искусстве или ремесле; б) необходимости исследования объекта. Если же проведение исследования не требуется, Пленум Верховного Суда предлагает ограничиться допросом специалиста. В то же время в ч. 3 ст. 80 УПК РФ требований об обязательном проведении исследования применительно к заключению специалиста не содержится. Более того, в ч. 1 ст. 58 УПК РФ вообще не содержится указания на то, что специалист проводит какие-либо исследования. Подобные законодательные конструкции привели отдельных процессуалистов к выводу, что специалист составляет заключение вообще без исследования соответствующего объекта, максимум, что при этом вправе осуществлять специалист, – это внешний осмотр объекта, без внесения в него каких-либо изменений.

Так, В. М. Быков полагает, что «специалист, как правило, основывает свое заключение только на своем профессиональном опыте и внешнем осмотре представленного на заключение объекта, полного исследования объекта специалист не проводит. Ограничиваясь внешним осмотром представленных ему объектов – документов, предметов и веществ, специалист свои специальные познания и профессиональный опыт использует только для формирования своего суждения и мнения о сущности и отдельных признаках объекта, которые представляет в своем заключении. Практически для принятия следователем обоснованного решения о возбуждении уголовного дела этого заключения специалиста бывает вполне достаточно»[3].

---

[1] См., например: *Захохов З. Б.* Формы использования специальных познаний при формировании заключения и показаний специалиста в уголовном судопроизводстве // Бизнес в законе. Экономико-юрид. журн. 2011. № 2. С. 117–118.

[2] Бюл. Верховного Суда РФ. 2011. № 2. С. 2–6.

[3] *Быков В. М.* Новый закон о порядке рассмотрения следователем и дознавателем сообщения о преступлении // Рос. юстиция. 2013. № 5. С. 27.

Такой подход, однако, представляется весьма спорным. Сторонники приведенной точки зрения не учитывают, что специалист – это носитель специальных знаний, его участие в уголовном судопроизводстве без применения этих знаний невозможно. В свою очередь, реализация специальных знаний без исследования объекта практически немыслима. С одной стороны, позиция, в соответствии с которой специалист наделен правом определения свойств объекта без его исследования, свидетельствует об излишнем и необоснованном доверии к деятельности данного участника уголовного судопроизводства. То, что эксперт устанавливает только после исследования, с применением научно обоснованных методик, специалист вправе определить «на взгляд», практически «без прикосновения» к объекту. Поневоле возникает вопрос: в силу каких обстоятельств специалист наделен такими возможностями? Полагаем, что рационального объяснения здесь просто не существует. С другой стороны, подобный подход оставляет заключение специалиста крайне уязвимым и подрывает его доказательственное значение по тем же причинам, которые только что были сформулированы. Как можно доверять выводам о природе объекта, его отнесении к той или иной группе (наркотическим средствам, оружию, боеприпасам, поддельным документам), если эти выводы сделаны без исследования свойств объекта, а только по результатам его внешнего осмотра?

Кроме того, в ч. 1 ст. 58 УПК РФ содержится указание на то, что специалист, помимо прочего, применяет технические средств для исследования материалов уголовного дела. Конечно, формулировка является нечеткой и допускает неоднозначное толкование, но ее вполне можно интерпретировать таким образом, что специалист вправе исследовать материалы уголовного дела с применением технических средств. Такое толкование позволяет согласиться с тем, что специалист вправе производить исследования представленных объектов. Необходимо отметить, что предложенное толкование вполне корректно и как минимум не уступает в логичности противоположному, предполагающему отсутствие в законе права специалиста на проведение исследований. Более того, признание за специалистом указанного права не может нарушить конституционные права граждан, не противоречит принципам уголовного судопроизводства и базовым положениям, устанавливающим процессуальный статус участников уголовного процесса. Наконец, возможность проведения исследований специалистом признается и многими процессуалистами[1].

Некоторые исследователи делают попытку разграничить компетенцию эксперта и специалиста по степени сложности проводимых ими исследований. В частности, А. Н. Петрухина полагает, что «разграничение заключения эксперта от заключения специалиста должно осуществляться с учетом характера и объема проводимых исследований. Судебные экспертизы проводятся во всех случаях необходимости идентификационных исследований и сложных диагностических исследований, проводимых после возбуждения уголовного дела. Заключение специалиста дается по вопросам, поставленным сторонами, и может основываться также на результатах простых классификационно-диагностических исследований, являющихся основанием для возбуждения уголовного дела»[2]. Теоретически с таким подходом можно согласиться,

[1] См., например: *Божкова Н. Р.* Заключение специалиста // Актуальные проблемы рос. права. 2008. № 4. С. 311–312; *Бельский А. И.* Заключение и показания специалиста как доказательства в уголовном процессе России: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 10; *Сучков А. В., Семено А. В.* Заключение специалиста как самостоятельный вид доказательств // Вестн. Вятского гос. гуманитар. ун-та. 2009. Т. 1. № 4. С. 64.

[2] *Петрухина А. Н.* Заключение и показания эксперта и специалиста как доказательства в современном уголовном судопроизводстве России: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 8.

однако на практике четко выделить критерии, позволяющие отграничить сложное исследование от простого, по сути невозможно.

С нашей точки зрения, специалист при составлении заключения не только вправе, но и объективно обязан осуществить исследование представленного объекта. В противном случае достоверность заключения окажется практически на нулевом уровне, поскольку никакой авторитет и опыт не в состоянии заменить исследование.

3. Экспертиза может назначаться только властными участниками уголовного судопроизводства (на досудебных стадиях – следователем и дознавателем, при судебном рассмотрении дела – судом). Обращение к специалисту за получением его заключения могут инициировать и невластные участники уголовного судопроизводства со стороны как обвинения, так и защиты. Кроме того, о назначении экспертизы составляется постановление или определение, процессуальный порядок обращения к специалисту за получением его заключения законодательно не регламентирован. Также, в отличие от экспертизы, не установлена форма заключения специалиста.

4. Эксперт предупреждается об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения по ст. 307 УК РФ (ч. 5 ст. 57 УПК РФ). В ст. 58 УПК РФ, регламентирующей уголовно-процессуальный статус специалиста, требований о предупреждении данного участника судопроизводства по этой норме уголовного закона не содержится. Это однозначно свидетельствует о том, что специалист не может быть привлечен к уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения. Как известно, если определенные процессуальные права и «привилегии» могут предоставляться в случае отсутствия прямого указания в законе в силу процессуальной аналогии, то распространение по аналогии обязанностей и мер ответственности абсолютно недопустимо. Невозможна и аналогия уголовного закона (а именно это будет происходить в случае привлечения к уголовной ответственности по ст. 307 УК РФ специалиста). В результате заключение специалиста, в отличие от заключения эксперта, оказывается полностью лишенным такого важнейшего механизма подтверждения достоверности и правильности, как предупреждение его составителя об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения.

Итак, анализ схожих черт и отличий заключения эксперта и заключения специалиста, закрепленных непосредственно в УПК РФ, позволяет сделать ряд выводов:

1. Заключение эксперта и заключение специалиста составляются лицами, обладающими специальными знаниями, по результатам исследования объектов.

2. Компетентность эксперта и специалиста при разрешении поставленных перед ними вопросов изначально должна признаваться равной. По крайней мере, нигде в законе не сказано, что специалист каким-то образом уступает эксперту в квалификации, опыте, объеме знаний и прочих подобных факторах.

3. Экспертиза назначается только властными участниками уголовного судопроизводства (дознавателем, следователем, судом), обращение к специалисту за получением его заключения может быть инициировано невластными участниками.

4. Эксперт перед проведением исследований и составлением заключения предупреждается об уголовной ответственности по ст. 307 УК РФ, а специалист не предупреждается и не несет ответственности по данной норме уголовного закона.

В результате вполне обоснован следующий вывод: заключения эксперта и специалиста практически полностью совпадают в содержательном аспекте, однако имеют различное доказательственное значение. Их равенство с точки зрения доказатель-

ственной силы в условиях действия нынешнего закона в принципе невозможно, поскольку в заключении специалиста отсутствует столь критически важный механизм обеспечения достоверности, как предварительное предупреждение специалиста об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения. Возникает резонный вопрос: как могут одновременно существовать в уголовном судопроизводстве два вида доказательств (а значит, и два процессуальных действия, по результатам проведения которых формируются данные виды доказательств), совпадающие по содержанию, но различающиеся по форме и доказательственному значению? Параллельное существование подобных видов доказательств и средств их получения может оказать весьма негативное влияние на всю систему доказательств, нарушить ее логичность, стройность и целостность.

Некоторые ученые видят выход в том, чтобы законодательно предусмотреть ответственность специалиста при даче заключения по ст. 307 УК РФ[1]. В таком случае, по их мнению, заключение специалиста приобретет необходимую доказательственную силу путем введения механизма подтверждения достоверности его результатов. Однако если подобные изменения будет приняты, то два вида доказательств (заключение эксперта и заключение специалиста) сольются окончательно. Между ними не будет абсолютно никакой разницы. Тогда возникнет еще более острый вопрос о правомерности существования двух полностью совпадающих видов доказательств, отличающихся, по сути, только названием. И. Овсянников в связи с этим резонно отмечает, что предлагаемый подход «позволил бы следователю (дознавателю) в подавляющем большинстве случаев (кроме случаев обязательного назначения судебной экспертизы) отказаться от использования института судебной экспертизы в пользу заключения специалиста. Такая перспектива весьма заманчива, так как в отличие от сложной процедуры назначения и производства судебной экспертизы порядок истребования заключения специалиста законом не регламентирован. В частности, для следователя (дознавателя) не предусмотрено обременительных обязанностей по вынесению какого-либо обоснованного и мотивированного постановления, по своевременному ознакомлению с ним невластных участников процесса, по разъяснению им их прав и рассмотрению их ходатайств, связанных с предстоящей дачей специалистом заключения»[2].

Думается, что в принципе недопустима ситуация, когда в уголовном судопроизводстве параллельно существует несколько видов доказательств, совпадающих и по содержанию, и по доказательственному значению, однако различающихся по процедуре получения. Разумеется, правоприменитель в подобных случаях выберет наиболее легкую процедуру. Однако очевидно, что принятая процедура создана не произвольно, а с учетом особенностей получения и закрепления необходимой для доказывания информации. В данной ситуации можно констатировать, что форма, будучи производной от содержания, оказывает на него обратное, и весьма существенное, влияние, позволяя добиться соблюдения конституционных прав граждан и достоверности отражения сведений. Соответственно, необоснованно «облегченная» процедура неминуемо скажется негативно на содержании полученного доказательства.

---

[1] См., например: *Семенов Е. А.* Специалист не предупреждается об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения: упущение законодателя или вызванная необходимость? // Наука и практика. 2014. № 3. С. 94.

[2] *Овсянников И.* Дискуссиям о заключении специалиста 10 лет // Законность. 2015. № 2. С. 50.

Выход из создавшейся ситуации видится несколько в ином. Заключение специалиста может использоваться властными участниками уголовного судопроизводства только в тех случаях, когда получение заключения эксперта невозможно по объективным причинам. В настоящее время подобная ситуация складывается до возбуждения уголовного дела. Несмотря на то что УПК РФ с 2014 г. разрешает производство экспертизы до возбуждения дела, практическая возможность ее назначения весьма затруднена.

Закон требует знакомить с постановлением о назначении экспертизы обвиняемого, подозреваемого и потерпевшего. Согласно правовой позиции Конституционного Суда РФ[1] и разъяснению Пленума Верховного Суда РФ ознакомление указанных участников с постановлением о назначении экспертизы должно быть произведено до ее завершения. Это вполне логично, поскольку в противном случае лица утрачивают предоставленные им законом возможности по заявлению ходатайств, в том числе постановке вопросов перед экспертом, отводу эксперта, личному присутствию при проведении экспертного исследования и т. п. Вместе с тем до возбуждения дела процессуального статуса у таких лиц не имеется. Правда, в п. 9 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 г. № 28 предусматриваются случаи, когда лицо признается подозреваемым, обвиняемым или потерпевшим после назначения судебной экспертизы. В таких условиях лицо должно быть ознакомлено с постановлением о назначении экспертизы одновременно с приданием соответствующего процессуального статуса. Однако очевидно, что данное разъяснение направлено на регламентацию ситуаций, в которых придание лицу надлежащего процессуального статуса невозможно по объективным причинам (физическое отсутствие указанных лиц в распоряжении следователя, отсутствие сведений о причинении им ущерба в результате совершения преступления либо, напротив, об их причастности к преступлению и т. п.). Иными словами, речь о тех случаях, когда у органа предварительного расследования нет физической возможности придать лицу статус (например, если обвиняемый не установлен или скрывается от следствия). До возбуждения уголовного дела ситуация иная: лица зачастую находятся в «физической доступности», но не имеют процессуального статуса, а придать его не представляется возможным вследствие правовой коллизии.

Правоприменительная практика складывается по-разному. Имеют место случаи ознакомления лиц с постановлением о назначении экспертизы без придания этим лицам процессуального статуса либо с указанием не предусмотренного законом статуса «лицо, в отношении которого назначена судебная экспертиза»; при этом, однако, совершенно неясен объем прав соответствующего лица при производстве экспертизы (как известно, у подозреваемого и потерпевшего он различен). В других случаях ознакомление с постановлением о назначении экспертизы производится после возбуждения уголовного дела и приобретения лицами процессуального статуса. Но тогда нарушаются требования Конституционного Суда и Пленума Верховного Суда РФ об ознакомлении лица с постановлением о назначении экспертизы до завершения ее производства, поскольку в подавляющем большинстве случаев экспертиза до

[1] Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Хожая Артема Владимировича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 195 и частью первой статьи 198 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 29 января 2009 г. № 7-О-О // Официальный сайт Конституционного Суда РФ: URL: http://www.ksrf.ru›ru/Decision/Statisticses/Pages... (дата обращения: 15.05.2016).

возбуждения уголовного дела назначается для установления оснований принятия данного решения (например, является ли вещество наркотическим средством, объекты – оружием и т. п.). Возникает своего рода замкнутый круг: процессуальный статус лица приобретают только после возбуждения уголовного дела, решение о возбуждении дела может быть принято только после получения заключения эксперта, однако его изготовление до ознакомления соответствующих лиц с постановлением о назначении экспертизы будет незаконным.

Кроме того, методики проведения любой экспертизы подразумевают полное исследование представленных эксперту объектов, а также наличие в структуре заключения эксперта исследовательской части, в которой подробно излагается процесс исследования объектов, указываются примененные экспертом методики и обосновываются полученные результаты. Очевидно, что проведение экспертизы в полном объеме и изготовление заключения эксперта требуют достаточно длительного времени. Это практически невозможно, когда лицо задерживается, например, с объектом, могущим быть наркотическим средством или оружием. В подобных ситуациях следователь жестко связан трехчасовым сроком, в течение которого должно быть принято решение о процессуальном задержании лица (а перед этим – о возбуждении уголовного дела). Совершенно очевидно, что в течение трех часов экспертизу нельзя произвести по объективным причинам. Возможно, конечно, максимально ускорить срок ее проведения за счет более быстрого решения организационных вопросов (немедленное доставление объекта в экспертное подразделение и т. п.), однако экономия времени в любом случае не будет достаточной для своевременного проведения экспертизы.

Именно в силу указанных обстоятельств следователи, как правило, не используют предоставленную законом возможность назначения судебной экспертизы до возбуждения уголовного дела, а продолжают идти по пути назначения исследований. Ранее такие исследования было принято называть «предварительными». В настоящее время в соответствии с ч. 1 ст. 144 УПК РФ следователь (дознаватель) получил право назначать проведение исследований предметов, документов, трупов с привлечением специалиста. Соответственно, термин «предварительное» применительно к исследованию, проводящемуся в стадии возбуждения уголовного дела, утратил актуальность. Следует согласиться с авторами, полагающими, что результаты данных исследований представляют собой не что иное, как заключение специалиста[1]. Необходимо, правда, отметить, что многие процессуалисты против отнесения результатов исследований к заключению специалиста именно потому, что закон, по их мнению, не предоставляет специалисту права на исследование объектов. Сторонники этой точки зрения рассматривают результаты исследований как иные документы[2].

Иногда такого подхода придерживается и правоприменитель. Так, Первоуральским городским судом Свердловской области было возвращено прокурору уголовное дело по обвинению И. в совершении незаконного оборота наркотических средств. До возбуждения уголовного дела в отношении изъятого вещества было проведено предварительное исследование, в ходе следствия вещество было утрачено и для про-

[1] См., например: *Еремин С. Н.* Заключение специалиста как новый вид доказательства в уголовном судопроизводстве: Уголовно-процессуальное и криминалистическое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2004. С. 11.

[2] См., например: *Зайцева Е. А., Садовский А. И.* Формирование доказательств следователем с использованием специальных познаний и научно-технических средств: моногр. Волгоград, 2013. С. 203.

изводства экспертизы не предоставлялось. Обвинение И. было предъявлено на основе справки о результатах предварительного исследования. Возвращая уголовное дело, суд отметил, что предварительное исследование – форма деятельности такого участника уголовного судопроизводства, как специалист, однако уголовно-процессуальным законом возможность проведения специалистом исследований не предусмотрена. Впоследствии уголовное дело было прекращено за отсутствием события преступления[1].

Полагаем подобный подход весьма спорным. Во-первых, возможность специалиста проводить исследования была обоснована выше. Повторим, что толкование, которого придерживается автор настоящей работы, не менее обоснованно, чем отрицающее возможность выполнения специалистом исследований. Во-вторых, результат исследования в гносеологическом смысле – это выводы лица, обладающего специальными знаниями, сделанные по результатам проведенного исследования объекта. Отнесение таких сведений к иным документам не совсем соответствует их природе, поскольку в познавательном аспекте они гораздо ближе к заключению эксперта и специалиста. Указанные виды доказательств и созданы для того, чтобы облечь в процессуальную форму результаты исследований объектов. Кроме того, правоприменительная практика, иногда отрицающая возможность проведения специалистом исследований, в подавляющем большинстве случаев придерживается иного мнения, признавая за результатами исследований определенное доказательственное значение[2].

Таким образом, в настоящее время вполне правомерно с точки зрения закона и гораздо обоснованнее в методологическом аспекте признавать результаты исследований, произведенных до возбуждения уголовного дела, заключением специалиста, нежели иным документом.

Вместе с тем автор, несмотря на высказанные аргументы, считает и эту конструкцию далеко не совершенной.

Во-первых, очевиден ее неоправданно затратный с технической и процессуальной точек зрения характер. Один и тот же объект подвергается специальному изучению для установления одних и тех же обстоятельств, минимум, дважды (в ходе исследования и во время производства экспертизы). При этом они практически полностью совпадают и по изучаемым объектам, и по исследовательским методикам, и по выводам, а различаются лишь по оформлению документа, в котором отражаются результаты изучения объекта.

Во-вторых, при данной конструкции исследование и экспертиза – полностью самостоятельные действия, даже если они производятся практически без перерыва одним и тем же лицом. С формально-юридической точки зрения экспертиза – это не продолжение исследования, а другое действие. Поэтому в ходе нее изучаются только те объекты, которые поступили для производства именно экспертизы. Эксперт не вправе пользоваться данными, установленными в ходе исследования, в частности не может суммировать количественные параметры изучавшихся объектов. Эта изолированность указанных действий приводит к определенным коллизиям. Так, в ряде случаев квалификация по статье уголовного закона связана с определенными

[1] Уголовное дело № 111144144. 2012 г. // Архив следственного управления УВД по городскому округу «Первоуральск» Свердловской области.

[2] Обзор судебной практики Новосибирского областного суда по уголовным делам, связанным с незаконным оборотом наркотических средств за первое полугодие 2009 года // URL: http://oblsud.nsk.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=201 (дата обращения: 15.05.2016).

количественными параметрами предмета преступления. Например, незаконное приобретение и хранение без цели сбыта наркотических средств в небольшом размере является административным правонарушением, а в значительном, крупном и особо крупном – уголовным преступлением. При этом во время проведения исследования иногда тратится такое количество наркотического средства, что размер оставшейся массы становится меньше необходимого для привлечения лица к уголовной ответственности. В соответствии со сложившейся в субъектах Уральского федерального округа судебно-следственной практикой использовать при производстве экспертизы результаты исследования, суммируя массу вещества, представленного для проведения исследования и экспертизы, эксперт не вправе из-за самостоятельного характера указанных действий. В итоге возникает парадоксальная ситуация: в ходе исследования, производимого для принятия законного и обоснованного процессуального решения, на легальных основаниях расходуется некоторое количество данного вещества, а впоследствии из-за этих расходов лицо, у которого вещество было обнаружено, невозможно привлечь к уголовной ответственности. При этом результаты исследования, с одной стороны, дают возможность возбудить уголовное дело, а с другой – не подлежат использованию в процессе доказывания.

Пытаясь найти выход из создавшегося положения, практика вырабатывала довольно спорные решения. Например, по материалам о незаконном обороте боеприпасов, если изымался один предмет, предположительно являющийся патроном, в ходе исследования он только визуально осматривался, после чего указывалось, что, судя по внешнему виду, данный предмет признается боеприпасом. В результате изъятый предмет сохранялся для последующего производства экспертизы, однако была ясна некоторая противоречивость содержания исследования. По сути, в его ходе не проводилось действий по изучению представленного объекта с использованием специальных знаний, а природа предмета определялась только по его внешнему виду. Таким образом, действие, именовавшееся «исследование», фактически исследованием не было.

Вместе с тем возбуждение уголовного дела без проведения исследования также выглядело крайне нецелесообразным, поскольку природа изъятого вещества или объекта в этом случае бы не устанавливалась, обоснованность решения о возбуждении уголовного дела была бы сомнительна, а предъявление лицу обвинения и избрание меры пресечения, по сути, основывались бы исключительно на предположениях следователя. Заведомо допускалась бы равная вероятность принятия как законного, так и незаконного решения, что противоречит правовой сущности возбуждения уголовного дела, задержания по подозрению в совершении преступления, предъявления обвинения, избрания меры пресечения, поскольку все данные решения могут быть приняты только тогда, когда установлено само событие преступления.

Поэтому на практике назначалось вначале исследование (до возбуждения уголовного дела), а затем экспертиза (после возбуждения дела). Данный подход был вынужденным и трудоемким, но в указанной ситуации наиболее правильным и приемлемым.

Практика использования результатов исследования и экспертизы для целей доказывания и квалификации действия виновного также не была однозначной. Можно констатировать, что сформировались два подхода к решению этого вопроса.

Первый заключался в том, что в качестве доказательства использовалось только заключение эксперта, а результаты исследования принимались во внимание исклю-

чительно для решения вопроса о возбуждении уголовного дела. Этот подход имел существенный недостаток, заключавшийся в том, что он при квалификации действий виновного изначально «мирился» с утратой части вещества, израсходованного во время проведения исследования, и в результате допускал возможность освобождения виновного от уголовной ответственности либо квалификации его действий по норме уголовного закона о менее тяжком преступлении. Вполне возможно, что данный подход не в полной мере отвечает смыслу закона и является в известном смысле локальным, принятым далеко не повсеместно, но нельзя не признать, что сложился он в силу того, что в настоящее время исследование и экспертиза – обособленные друг от друга действия.

Второй подход состоит в том, что результаты исследования и заключение эксперта оценивались комплексно. Например, по делам о незаконном обороте наркотических средств для предъявления обвинения за основу принимается заключение эксперта, однако масса наркотика указывается та, что была установлена на момент начала исследования, а к заключению эксперта прилагается справка о результатах исследования[1]. Такой подход точнее соответствует фактическим обстоятельствам совершения преступления, однако с фундаментальных позиций доказательственного права он довольно спорен, поскольку уравнивает по доказательственной силе заключение эксперта и результаты исследования. Кроме того, неясно, как поступать, если изъятое вещество израсходовано в ходе исследования в полном объеме. В научной литературе отмечалось, что в этих случаях «экспертиза производилась формально, без реального изучения предметов, что полностью искажало смысл экспертизы как следственного действия»[2].

Думается, что универсальный выход из всех отмеченных проблемных зон состоит в законодательном закреплении сокращенной экспертизы. Предложения о проведении своего рода «предварительной» экспертизы по ограниченному числу представленных на исследование объектов, целью которой будет только решение вопроса о наличии события преступления как такового, в науке уголовного процесса были выдвинуты и аргументированы достаточно давно[3]. В настоящее время практическое решение этого вопроса приобрело особую актуальность в связи с тем, что законодатель предусмотрел возможность проведения экспертизы до возбуждения уголовного дела.

Можно предложить следующую процессуальную конструкцию. До возбуждения уголовного дела следователь вправе назначить сокращенную экспертизу, что отражается в постановлении о ее назначении. При производстве такой экспертизы эксперт вправе исследовать объекты только в том количестве, в каком это требуется для установления события преступления как такового. Кроме того, при оформлении заключения эксперт может составлять исследовательскую часть в очень сжатой форме, только перечислив выполненные действия и сославшись на примененные экспертные методики, без той конкретизации, которая имеет место в традиционном заключении эксперта, и указать в заключении выводы (ответы на поставленные следователем вопросы). С одной стороны, исследовательская часть, хотя и в сжатом

[1] См., например: приговор Славгородского городского суда Алтайского края от 7 февраля 2012 г. по делу № 1-4/2012 // URL: https://rospravosudie.com/court-slavgorodskij-gorodskoj-sud-altajskij-kraj-s/act-104706832 (дата обращения: 15.05.2016).

[2] *Зайцева Е. А.* Концепция развития института судебной экспертизы в условиях состязательного уголовного судопроизводства: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008. С. 265–266.

[3] *Зайцева Е. А., Чипура Д. П.* Использование специальных экономических знаний в досудебном производстве по уголовным делам: моногр. Волгоград, 2007. С. 86.

виде, позволит обосновать сформулированные выводы. С другой стороны, составление исследовательской части в предлагаемом виде позволит существенно сократить время оформления экспертного заключения. После этого производство экспертизы прерывается, дальнейшие экспертные исследования откладываются до поступления постановления следователя. Это и есть сокращенная экспертиза.

Затем следователь выносит постановление о производстве полной экспертизы, на этом этапе знакомит с постановлением участников процесса. Поскольку проведение экспертизы еще не завершено, ознакомление участников с постановлением о ее назначении в данный момент соответствует требованиям Конституционного Суда и Пленума Верховного Суда РФ. Эксперт возобновляет проведение экспертизы, выполняет все исследования в полном объеме и составляет заключение с исследовательской частью. Такая экспертиза является полной.

Главное достоинство предлагаемой конструкции заключается в том, что сокращенная и полная экспертизы будут представлять собой не два самостоятельных и изолированных друг от друга процессуальных действия, а два этапа единого следственного действия. Результаты сокращенной экспертизы могут использоваться при проведении полной экспертизы, а итоговое заключение эксперта включит в себя данные, полученные во время как сокращенной, так и полной экспертизы.

Кроме того, в случае проведения дознания в сокращенной форме можно будет ограничиться производством только сокращенной экспертизы. В случае же возврата к общей форме дознания экспертиза может быть возобновлена и проведена уже в полном объеме. Это предотвратит возможность утраты заключением эксперта доказательственного значения, что вполне вероятно при нынешней конструкции дознания в сокращенной форме.

В силу приведенных аргументов представляется правильным сделать вывод о том, что право на получение заключения специалиста властными участниками уголовного судопроизводства не должно использоваться. У властных участников есть гораздо более действенное средство доказывания – назначение судебной экспертизы. Именно ее результаты, в том числе благодаря предупреждению эксперта об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения, наиболее достоверны из всех форм применения специальных знаний. Введение же сокращенной судебной экспертизы устранит коллизии относительно назначения этого следственного действия до возбуждения уголовного дела и доказательственного значения исследований объектов до принятия решения о возбуждении дела. Наличие в заключении эксперта исследовательской части обеспечит обоснованность экспертных выводов. Кроме того, заключение с исследовательской частью, содержащее, по сути, промежуточные выводы, можно обжаловать, в том числе в судебном порядке.

Таким образом, очевидно, что получение заключения специалиста в перспективе должно использоваться невластными участниками уголовного судопроизводства, прежде всего защитником, на что достаточно давно обращается внимание в научной литературе[1].

Деятельность невластных участников не может рассматриваться как самостоятельное формирование ими полноценных доказательств в силу отсутствия у них необходимых полномочий по производству действий, подкрепленных государственным

[1] *Иванов В. В.* Использование защитником заключения специалиста в доказывании // Вестн. Самарской гуманитар. академии. Сер.: Право. 2007. № 1. С. 127–128; *Селина Е. В.* Заключение и показания специалиста в уголовном процессе // Журн. рос. права. 2015. № 12. С. 119.

принуждением, а также заинтересованности в исходе уголовного дела, обусловливающей их изначальную необъективность при получении и оценке доказательственной информации. По той же причине нереально наделить защитника правом самостоятельного, без обращения к следователю, назначения экспертизы, что предлагается некоторыми процессуалистами[1]. Назначение экспертизы нельзя сводить только к вынесению соответствующего постановления. Для этого необходимо произвести изъятие необходимых объектов, осуществить выбор экспертного учреждения, в необходимых случаях – получить образцы для сравнительного исследования. Совершенно очевидно, что ни один из невластных участников уголовного судопроизводства, в том числе защитник, не имеет полномочий на проведение всех названных действий. Кроме того, защитник не только не обязан, но и не вправе собирать доказательства, подтверждающие виновность подзащитного, даже если имеет сведения, бесспорно подтверждающие вину его клиента. Какой смысл имеет назначение экспертизы защитником, если на разрешение экспертов им в любом случае будут представлены только объекты, свидетельствующие о невиновности конкретного лица?

Вместе с тем было бы неправомерно вообще лишать невластных участников уголовного судопроизводства возможности устанавливать какие-либо обстоятельства уголовного дела. Такой запрет означал бы существенное нарушение права на защиту от уголовного преследования (в отношении лиц, подвергающихся уголовному преследованию), а в отношении потерпевшего – нарушение более фундаментального и общего права на доступ к правосудию, закрепленного непосредственно в Конституции РФ. Поэтому невластные участники, получив какую-либо информацию о событиях, имеющих отношение к уголовному делу, должны направить следователю ходатайство о приобщении данной информации к материалам дела. В свою очередь, следователь по общему правилу не вправе отказать в удовлетворении такого ходатайства. Лишь после того, как информация, сообщенная невластным участником уголовного судопроизводства, получена из того же источника следователем и закреплена в соответствующей процессуальной форме, она считается доказательством.

При этом крайне важно сохранить за невластными участниками уголовного судопроизводства, прежде всего за адвокатом, право на инициирование исследований, которые объективно требуют от властных участников процесса продолжения доказывания по делу (ч. 3 ст. 86 УПК РФ, п. 4 ч. 3 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»). На это ранее обращалось внимание в научной литературе[2]. Если результаты таких действий содержат информацию, объективно противоречащую версии органов предварительного расследования, последние вынуждены принять меры по устранению выявившихся противоречий. При этом от таких сведений невозможно просто «отмахнуться», что, к сожалению, иногда имеет место в случаях немотивированного отказа в удовлетворении ходатайств защитника[3].

Нельзя согласиться с мнением, что заключение специалиста недопустимо получать в тех случаях, когда законом предусмотрено обязательное проведение экспертизы[4]. Точнее, это мнение было бы абсолютно верным, если бы касалось действий следова-

---

[1] *Зайцева Е. А.* Концепция развития института судебной экспертизы в условиях состязательного уголовного судопроизводства: моногр. М., 2010. С. 371.

[2] См., например: *Овсянников И.* Заключение и показания специалиста // Законность. 2005. № 7. С. 34.

[3] См., например: *Баев М. О., Баев О. Я.* О правовом механизме нейтрализации обвинительного уклона в досудебном уголовном преследовании // Вестн. ВГУ. Сер.: Право. 2016. № 1. С. 214–215.

[4] *Дьяконова О. Г.* Заключения и показания эксперта и специалиста // Бизнес в законе. Экономико-юрид. журн. 2008. № 1. С. 115.

теля, который ограничился бы получением заключения специалиста вместо назначения экспертизы. Однако получение в подобных ситуациях заключения специалиста невластным участником уголовного судопроизводства может привести к проведению дополнительной или повторной экспертизы, более полной и квалифицированной.

На практике довольно часто так и бывает: защитник по тем же вопросам, по которым была проведена назначенная следователем экспертиза, инициирует получение заключения специалиста. В результате в материалах уголовного дела появляются два процессуальных документа: заключение эксперта и заключение специалиста, причем часто с диаметрально противоположными выводами. В нормативных актах однозначный алгоритм действий в подобных случаях отсутствует, однако он выработан в судебно-следственной практике. С одной стороны, заключение специалиста не в состоянии «превзойти» заключение эксперта, поскольку специалист, в отличие от эксперта, не предупреждается об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения. Кроме того, получение заключения специалиста, в отличие от экспертизы, инициируется участниками уголовного процесса, имеющими собственный интерес в результатах расследования. С другой стороны, невозможно и игнорировать наличие двух противоречащих друг другу документов, отражающих результаты произведенных специальных исследований. Поэтому следователь обязан в указанных ситуациях назначить дополнительную судебную экспертизу, представив экспертам как заключение первоначальной экспертизы, так и заключение специалиста. В подобных случаях нет оснований говорить о какой бы то ни было «войне экспертиз», поскольку, напротив, дополнительная экспертиза будет носить синтезирующий и «объединяющий» характер.

Таким образом, заключение специалиста отражает проведение исследования объекта лицом, обладающим специальными знаниями. В гносеологическом смысле заключение специалиста практически совпадает с заключением эксперта. Вместе с тем в формально-юридическом аспекте заключение специалиста используется тогда, когда невозможно назначить судебную экспертизу. Проведение исследования специалистом инициируется либо властными участниками уголовного судопроизводства в период, когда назначение экспертизы предельно затруднено из-за законодательных конструкций (например, до возбуждения уголовного дела), либо невластными участниками судопроизводства, в принципе не уполномоченными на назначение судебной экспертизы. В перспективе получение заключения специалиста должно остаться средством, используемым в доказывании исключительно невластными участниками уголовного судопроизводства. Следует согласиться с В. С. Балакшиным, отмечающим, что заключение специалиста «не может рассматриваться как ущербное... в сравнении с заключением эксперта»[1]. Действительно, заключение специалиста – это не «упрощенное» заключение эксперта, а иной вид доказательств, имеющий целью вызвать обоснованные сомнения в правильности заключения эксперта и добиться его пересмотра в установленном процессуальным законом порядке.

Библиография

Баев М. О., Баев О. Я. О правовом механизме нейтрализации обвинительного уклона в досудебном уголовном преследовании // Вестн. ВГУ. Сер.: Право. 2016. № 1.

Балакшин В. С. Оценка допустимости доказательств в российском уголовном процессе: моногр. М., 2016.

[1] *Балакшин В. С.* Указ. соч. С. 210.

Бельский А. И. Заключение и показания специалиста как доказательства в уголовном процессе России: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006.

Божкова Н. Р. Заключение специалиста // Актуальные проблемы рос. права. 2008. № 4.

Быков В. М. Новый закон о порядке рассмотрения следователем и дознавателем сообщения о преступлении // Рос. юстиция. 2013. № 5.

Дьяконова О. Г. Заключения и показания эксперта и специалиста // Бизнес в законе. Экономико-юрид. журн. 2008. № 1.

Еремин С. Н. Заключение специалиста как новый вид доказательства в уголовном судопроизводстве: Уголовно-процессуальное и криминалистическое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2004.

Зайцева Е. А. Концепция развития института судебной экспертизы в условиях состязательного уголовного судопроизводства: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008.

Зайцева Е. А. Концепция развития института судебной экспертизы в условиях состязательного уголовного судопроизводства: моногр. М., 2010.

Зайцева Е. А., Садовский А. И. Формирование доказательств следователем с использованием специальных познаний и научно-технических средств: моногр. Волгоград, 2013.

Зайцева Е. А., Чипура Д. П. Использование специальных экономических знаний в досудебном производстве по уголовным делам: моногр. Волгоград, 2007.

Захохов З. Б. Формы использования специальных познаний при формировании заключения и показаний специалиста в уголовном судопроизводстве // Бизнес в законе. Экономико-юрид. журн. 2011. № 2.

Иванов В. В. Использование защитником заключения специалиста в доказывании // Вестн. Самарской гуманитар. академии. Сер.: Право. 2007. № 1.

Когосов А. П. Получение заключений и показаний специалиста как одна из форм использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве // Вестн. Южно-Уральского гос. ун-та. Сер.: Право. 2011. № 6.

Лазарева Л. В. Некоторые вопросы заключения и показаний специалиста // Вестн. Владимирского юрид. ин-та. 2007. № 1.

О судебной экспертизе по уголовным делам: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 г. № 28 // Бюл. Верховного Суда РФ. 2011. № 2.

Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Хожая Артема Владимировича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 195 и частью первой статьи 198 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 29 января 2009 г. № 7-О-О // Официальный сайт Конституционного Суда РФ: URL: http://www.ksrf.ru›ru/Decision/Statisticses/Pages.

Обзор судебной практики Новосибирского областного суда по уголовным делам, связанным с незаконным оборотом наркотических средств за первое полугодие 2009 года // URL: http://oblsud.nsk.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=201.

Овсянников И. Дискуссиям о заключении специалиста 10 лет // Законность. 2015. № 2.

Овсянников И. Заключение и показания специалиста // Законность. 2005. № 7.

Петрухина А. Н. Заключение и показания эксперта и специалиста как доказательства в современном уголовном судопроизводстве России: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009.

Приговор Славгородского городского суда Алтайского края от 7 февраля 2012 г. по делу № 1-4/2012 // URL: https://rospravosudie.com/court-slavgorodskij-gorodskoj-sud-altajskij-kraj-s/act-104706832.

Селина Е. В. Заключение и показания специалиста в уголовном процессе // Журн. рос. права. 2015. № 12.

Семенов Е. А. Специалист не предупреждается об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения: упущение законодателя или вызванная необходимость? // Наука и практика. 2014. № 3.

Сучков А. В., Семено А. В. Заключение специалиста как самостоятельный вид доказательств // Вестн. Вятского гос. гуманитар. ун-та. 2009. Т. 1. № 4.

Уголовное дело № 111144144. 2012 г. // Архив следственного управления УВД по городскому округу «Первоуральск» Свердловской области.

Эйсман А. А. Заключение эксперта. Структура и научное обоснование. М., 1967.

Bibliography

Baev M. O., Baev O. Ya. O pravovom mexanizme nejtralizacii obvinitel'nogo uklona v dosudebnom ugolovnom presledovanii // Vestn. VGU. Ser.: Pravo. 2016. № 1.

Balakshin V. S. Ocenka dopustimosti dokazatel'stv v rossijskom ugolovnom processe: monogr. M., 2016.

Bel'skij A. I. Zaklyuchenie i pokazaniya specialista kak dokazatel'stva v ugolovnom processe Rossii: dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2006.

Bozhkova N. R. Zaklyuchenie specialista // Aktual'nye problemy ros. prava. 2008. № 4.

Bykov V. M. Novyj zakon o poryadke rassmotreniya sledovatelem i doznavatelem soobshheniya o prestuplenii // Ros. yusticiya. 2013. № 5.

D'yakonova O. G. Zaklyucheniya i pokazaniya ehksperta i specialista // Biznes v zakone. Ehkonomiko-yurid. zhurn. 2008. № 1.

Ehjsman A. A. Zaklyuchenie ehksperta. Struktura i nauchnoe obosnovanie. M., 1967.

Eremin S. N. Zaklyuchenie specialista kak novyj vid dokazatel'stva v ugolovnom sudoproizvodstve: Ugolovno-processual'noe i kriminalisticheskoe issledovanie: dis. ... kand. yurid. nauk. Krasnodar, 2004.

Ivanov V. V. Ispol'zovanie zashhitnikom zaklyucheniya specialista v dokazyvanii // Vestn. Samarskoj gumanitar. akademii. Ser.: Pravo. 2007. № 1.

Kogosov A. P. Poluchenie zaklyuchenij i pokazanij specialista kak odna iz form ispol'zovaniya special'nyx znanij v ugolovnom sudoproizvodstve // Vestn. Yuzhno-Ural'skogo gos. un-ta. Ser.: Pravo. 2011. № 6.

Lazareva L. V. Nekotorye voprosy zaklyucheniya i pokazanij specialista // Vestn. Vladimirskogo yurid. in-ta. 2007. № 1.

O sudebnoj ehkspertize po ugolovnym delam: postanovlenie Plenuma Verxovnogo Suda RF ot 21 dekabrya 2010 g. № 28 // Byul. Verxovnogo Suda RF. 2011. № 2. S. 2–6.

Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby grazhdanina Xozhaya Artema Vladimirovicha na narushenie ego konstitucionnyx prav chast'yu tret'ej stat'i 195 i chast'yu pervoj stat'i 198 Ugolovno-processual'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii: opredelenie Konstitucionnogo Suda RF ot 29 yanvarya 2009 g. № 7-O-O // Oficial'nyj sajt Konstitucionnogo Suda RF: URL: http://www.ksrf.ru›ru/Decision/Statisticses/Pages

Obzor sudebnoj praktiki Novosibirskogo oblastnogo suda po ugolovnym delam, svyazannym s nezakonnym oborotom narkoticheskix sredstv za pervoe polugodie 2009 goda // URL: http://oblsud.nsk.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=201.

Ovsyannikov I. Diskussiyam o zaklyuchenii specialista 10 let // Zakonnost'. 2015. № 2.

Ovsyannikov I. Zaklyuchenie i pokazaniya specialista // Zakonnost'. 2005. № 7.

Petruxina A. N. Zaklyuchenie i pokazaniya ehksperta i specialista kak dokazatel'stva v sovremennom ugolovnom sudoproizvodstve Rossii: dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2009.

Prigovor Slavgorodskogo gorodskogo suda Altajskogo kraya ot 7 fevralya 2012 g. po delu № 1-4/2012 // URL: https://rospravosudie.com/court-slavgorodskij-gorodskoj-sud-altajskij-kraj-s/act-104706832.

Selina E. V. Zaklyuchenie i pokazaniya specialista v ugolovnom processe // Zhurn. ros. prava. 2015. № 12.

Semenov E. A. Specialist ne preduprezhdaetsya ob ugolovnoj otvetstvennosti za dachu zavedomo lozhnogo zaklyucheniya: upushhenie zakonodatelya ili vyzvannaya neobxodimost'? // Nauka i praktika. 2014. № 3.

Suchkov A. V., Semeno A. V. Zaklyuchenie specialista kak samostoyatel'nyj vid dokazatel'stv // Vestn. Vyatskogo gos. gumanitar. un-ta. 2009. T. 1. № 4.

Ugolovnoe delo № 111144144. 2012 g. // Arxiv sledstvennogo upravleniya UVD po gorodskomu okrugu «Pervoural'sk» Sverdlovskoj oblasti.

Zajceva E. A. Koncepciya razvitiya instituta sudebnoj ehkspertizy v usloviyax sostyazatel'nogo ugolovnogo sudoproizvodstva: dis. ... d-ra yurid. nauk. M., 2008.

Zajceva E. A. Koncepciya razvitiya instituta sudebnoj ehkspertizy v usloviyax sostyazatel'nogo ugolovnogo sudoproizvodstva: monogr. M., 2010.

Zajceva E. A., Chipura D. P. Ispol'zovanie special'nyx ehkonomicheskix znanij v dosudebnom proizvodstve po ugolovnym delam: monogr. Volgograd, 2007.

Zajceva E. A., Sadovskij A. I. Formirovanie dokazatel'stv sledovatelem s ispol'zovaniem special'nyx poznanij i nauchno-texnicheskix sredstv: monogr. Volgograd, 2013.

Zaxoxov Z. B. Formy ispol'zovaniya special'nyx poznanij pri formirovanii zaklyucheniya i pokazanij specialista v ugolovnom sudoproizvodstve // Biznes v zakone. Ehkonomiko-yurid. zhurn. 2011. № 2.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ПОРТРЕТА ПРЕСТУПНИКА В РАССЛЕДОВАНИИ СЕРИЙНЫХ УБИЙСТВ

Драпкин Леонид Яковлевич
Заслуженный деятель науки РФ, доктор юридических наук,
профессор кафедры криминалистики
Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург),
e-mail: ruzh@usla.ru

Долинин Владимир Николаевич
Кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики
Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург),
e-mail: dvn1952@gmail.com

Шуклин Александр Евгеньевич
Кандидат юридических наук,
подполковник юстиции, старший эксперт отдела криминалистики
Следственного управления Следственного комитета РФ по Свердловской области (Екатеринбург),
e-mail: alexshuklin@mail.ru

В статье рассматриваются понятие криминалистического портрета преступника, методика составления портрета серийного убийцы, использование портрета в расследовании серийных убийств.

Ключевые слова: криминалистический портрет, серийный убийца, расследование, методика

THE USE OF FORENSIC PORTRAIT OF A PERPETRATOR IN THE INVESTIGATION OF SERIAL MURDERS

Drapkin Leonid
Ural State Law University (Yekaterinburg),
e-mail: ruzh@usla.ru

Dolinin Vladimir
Ural State Law University (Yekaterinburg), e-mail: dvn1952@gmail.com

Shuklin Aleksandr
Investigative Department of the Sverdlovsk Region Investigative Committee of the RF (Yekaterinburg),
e-mail: alexshuklin@mail.ru

This article examines the concept of forensic portrait of a perpetrator, the method of drawing up a portrait of a serial killer, the use of the portrait in the investigation of serial murders.

Key words: forensic portrait, serial killer, investigation, methods

Одной из важных особенностей успешного раскрытия и расследования серийных убийств является составление и использование психологического портрета преступника, который следует отличать от широко известного словесного портрета и фоторобота виновного лица.

Методика составления психологического портрета (профиля) серийного преступника возникла в США и со второй половины XX в. активно применяется в следственной и оперативно-розыскной деятельности многих стран. Сущность этого метода в обобщенном виде сводится к следующему. Прежде всего составляются и анализируются схемы, планы мест происшествий, криминальных захоронений, возможных контактов серийного убийцы и его жертв, маршруты передвижения потерпевших, используемая транспортная сеть, последовательность совершения эпизодов преступной серии. При этом особое внимание уделяется особенностям способов и орудий совершения убийств, характеру и количеству нанесенных повреждений, наличию и состоянию одежды потерпевших, личностным особенностям жертв и т. д.

Методика составления психологического портрета привлекает пристальное внимание многих криминалистов, психологов и психиатров в связи с необходимостью использования всех средств и методов при расследовании опаснейшей категории преступлений. Так, А. С. Баронин отмечает, что серийные убийцы – это новый класс преступников, наиболее жестоких и опасных. Их действия зачастую необъяснимы, спонтанны, трудно поддаются прогнозу и моделированию, поэтому вероятность раскрытия преступлений, совершенных ими, относительно невелика[1].

Традиционные методы расследования нередко не дают ожидаемого результата. Поэтому многие криминалисты, психиатры и психологи полагают использование психологического портрета виновного эффективным методом раскрытия серийных убийств, обязательно используемым в комплексе с другими способами расследования. Оптимальность этого метода состоит в том, что опытный преступник может замаскировать внешние следы своих действий, но скрыть проявление вовне внутренних психологических свойств и состояния он в большинстве случаев не сумеет.

В 1992 г. МВД РФ принята программа научно-технической разработки методов создания психологических портретов неизвестных преступников по делам о серийных преступлениях против личности. Во ВНИИ МВД был сформирован отдел психофизиологических проблем раскрытия преступлений и анализа преступного поведения виновных лиц. Основным объектом исследования этого отдела являлись преступления, содержащие признаки серийности, совершенные в условиях неочевидности, по которым проведенные следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия не привели к раскрытию. В программе разработки психологического портрета преступника было предусмотрено решение следующих задач:

разработка психологической и психиатрической типологии серийных убийц;

определение методов выявления основных признаков личности и поведения таких преступников;

выявление статистической значимости характерных признаков личности и поведения указанных лиц;

создание моделей серийных убийц и формирование психологического портрета преступников по конкретным делам в целях их установления и розыска.

В отличие от словесного портрета, включающего главным образом внешние признаки преступника и совершенных преступлений, психологический портрет отражает совокупность внутренних, психологических, поведенческих признаков преступника. Его основная функция – быть средством поиска и установления неизвестного лица, совершившего серию убийств, аналогичных по каким-то признакам.

[1] *Баронин А. С.* Психологический профиль убийц. Киев, 2001. С. 29.

В криминалистической литературе сформулировано *обобщенное определение психологического портрета.*

Так, С. Н. Богомолова и В. А. Образцов отмечают, что психологический портрет разыскиваемого преступника, будучи одной из разновидностей криминалистических мысленных моделей, представляет собой систему сведений о *психологических и иных признаках данного лица*, существенных с точки зрения его выявления и идентификации[1]. Поскольку в эту систему включаются не только психологические признаки человека, но и другие (социально-демографические, анатомические и физиологические, собственно криминалистические), представляется более точным определять рассматриваемую систему свойств (признаков) как *криминалистический портрет серийного убийцы*, так как это понятие по содержанию значительно шире понятия психологического портрета. Рассмотрим подробнее каждый из признаков, которые входят в криминалистический портрет.

1. *Социально-демографические признаки* – это сведения о социальном статусе, связях и социальных ролях, которые определяют личность преступника как субъекта и объекта общественных отношений. Социально-демографические признаки – существенный компонент обобщенного представления о личности преступника, имеют большое значение для раскрытия серийных убийств. К ним относятся:

а) **пол.** Соотношение женщин и мужчин среди преступников составляет в среднем 1 : 9. Однако фактор женского пола становится значительным при совершении определенных видов преступлений. Среди лиц, совершавших серийные убийства, доля женщин значительно меньше, чем средняя по другим категориям преступлений, хотя в 80–90-х гг. XX в. насильственная преступность среди женщин несколько возросла;

б) **возраст.** Возрастная дифференциация преступников показывает, что чаще всего преступления рассматриваемой категории совершаются в возрасте от 25 до 29 лет, затем следуют возрастные категории 18–24, 14–17 и 30–40 лет. Наибольшая криминальная активность – у преступников в возрасте до 30 лет. Возрастной фактор влияет на избирательность преступной деятельности (возраст потерпевших);

в) **образование.** Образование лиц, совершивших преступления, имеет криминалистическое значение, поскольку связано с культурой личности, ее социальным статусом, кругом контактов, жизненными планами и возможностями их реализации и влияет на выбор тактики допроса. Самый низкий уровень образования – у лиц, совершающих убийства, в том числе серийные;

г) **семейное положение.** Исследования показывают, что около половины всех серийных преступников-мужчин – холостые. Отсутствие фактической супружеской связи у мужчины является важным поисковым фактором для сужения круга поиска. Поскольку брак и фактическое наличие полноценной семьи могут рассматриваться как стабилизирующий фактор, его отсутствие закономерно коррелируется с преступным поведением. При этом указанное обстоятельство не исключает проведения поисковых мероприятий среди лиц, находящихся в браке;

д) **социальное положение.** Распределение преступников исходя из принадлежности к различным социальным группам показывает, что доля рабочих составляет достаточно постоянную величину и равна примерно 50 %. По сравнению с ней доля других социальных групп несопоставимо ниже. Преобладание рабочих, постоянно или длительно занимающихся неквалифицированным тяжелым физическим

[1] *Образцов В. А.* Серийные убийства как объект психологии и криминалистики: учеб.-практ. пособие. М., 2003. С. 128–129.

трудом, среди преступников рассматриваемой категории объясняется не самой принадлежностью человека к этой социальной группе, а сопутствующими ей иными признаками, например низким образовательным и культурным уровнем, узостью и деформированностью круга потребностей и интересов, неудовлетворенной потребностью в самореализации. В последнее время среди серийных преступников, в том числе серийных убийц, возрастает процент безработных и лиц, не имеющих стабильного дохода.

2. *Психологические признаки.* Отдельные преступления могут совершаться лицами с отклонениями в психике, однако эти отклонения не всегда имеют отношение к преступлению. В зависимости от формы, группы и стойкости (стабильности) психических аномалий они могут быть криминогенными в одних случаях и совершенно нейтральными в других. Поэтому значение имеет установление связи отдельных форм патологий с определенными видами преступлений, в частности путем выявления частоты встречаемости тех или иных отклонений в конкретных видах преступного поведения. Исследования убедительно показали, что среди серийных убийц больше всего психопатов и лиц с психопатоподобными расстройствами.

Сравнительное психологическое изучение больших групп преступников показало, что они отличаются высоким уровнем импульсивности, агрессивностью, жестокостью и др.

3. *Анатомические и физиологические признаки.* К ним относятся: состояние здоровья, особенности физической конституции, телосложения, походки, речи, природные свойства нервной системы и т. д. Биологическая природа человека – необходимое условие индивидуальности личности, определяющее ее самобытность и неповторимость. Некоторые из этих признаков имеют генетический характер. Другие особенности индивида зависят во многом от окружающей среды, конкретных условий жизни и воспитания, а также от иных жизненных обстоятельств.

4. *Криминалистические признаки* характеризуются: сходными мотивами совершенных преступлений, типовыми способами их совершения и сокрытия, характерными следами, оставленными на местах совершения серийных убийств и других преступлений (если они совершались наряду с убийствами), длительностью преступной деятельности, однотипным объектом криминального посягательства и др. В последнее время наряду с традиционными признаками стали выделять некоторые черты личности преступника, указывающие, например, на его статус в криминальной среде, принадлежность к тем или иным преступным группировкам и сообществам, к числу профессиональных преступников и пр.[1]

Данные для составления криминалистического портрета получают путем анализа материалов уголовных дел (соединенного уголовного дела), включающих все основные этапы расследования серийных убийств:

а) протоколов осмотра места происшествия и трупа, фотосъемки, проведенной в ходе осмотров мест происшествия, включая фотографии трупов;

б) анализа способов совершения и сокрытия преступлений;

в) результатов судебно-медицинских экспертных исследований трупов.

Эффективный анализ протокола осмотра места происшествия и результатов судебно-медицинской экспертизы предполагает высокий уровень профессионализма следователя, экспертов и других специалистов, привлекаемых по необходимости.

[1] *Шиханцов Г. Г.* Криминология: учеб. пособие. Минск, 2006 // URL: http://ebooks.grsu.by/criminal/3-kharakteristika-lichnosti-prestupnika.htm.

Поскольку анализ основан на результатах отдельных процессуальных и следственных действий, вся последующая работа по составлению профиля серийного убийцы может потерять всякое значение при неграмотно проведенном осмотре места происшествия, низком качестве или неправильно выполненной фото- и видеофиксации, недостаточно полном исследовании трупа. Значение имеет каждая деталь, любая на первый взгляд мелочь. К сожалению, следователи нередко игнорируют обобщенные материалы проведенных научных исследований и далеко не всегда назначают *комплексные* судебно-медицинские, психолого-психиатрические и криминалистические экспертизы по установленным эпизодам серийных убийств, результаты которых могут дать ответы относительно *поведенческих* и других особенностей преступника.

По делам о серийных убийствах результаты судебно-медицинских экспертиз ориентированы на получение ответов на следующие основные вопросы: каким орудием, в какой последовательности и с какой силой были нанесены повреждения; где расположены повреждения; одним или несколькими орудиями они причинены, а также каково взаимное расположение нападавшего и потерпевшего. Точная локализация повреждений на теле жертвы позволяет сделать предположения о том, была ли жертва застигнута убийцей врасплох или убийству предшествовала борьба, а нередко и о мотивах убийства, особенно если ранения причинены в области половых органов. Поисковое значение имеют количество повреждений, их прижизненность или посмертность, нанесение ранений сквозь одежду или же в не прикрытую одеждой область тела, а также наличие одежды на потерпевших и ее состояние. Полная картина повреждений позволяет сделать вывод о душевном состоянии убийцы в момент преступления, выяснить, существовали ли между ним и жертвой какие-либо отношения.

Также для раскрытия серийных убийств имеют большое значение все перемещения жертвы до момента смерти: к месту работы, месту жительства, в магазины, кафе. Особенно важно установить, где и кто видел жертву последним. Эти обстоятельства также должны анализироваться при составлении поискового портрета преступника.

Следователь обязан собрать все документы, характеризующие личность жертвы. В методике создания поискового портрета серийного убийцы всестороннему изучению жертвы придается такое же значение, как и изучению преступника, тем более что чаще всего поиск необходимых сведений осуществляется от информации о жертве к информации об убийце, а не наоборот. Для получения психологического профиля преступника необходимо иметь психологический портрет жертвы. На выполнение этой работы подбираются специалисты в области криминалистической виктимологии. Они занимаются исключительно жертвой, с тем чтобы получить ее всестороннюю и полную характеристику. Из всех структурных элементов виктимологической характеристики жертвы составляется полный психологический профиль. В него входят следующие данные: возраст, пол, физические особенности, во что человек был одет во время инцидента, семейный статус, социальная адаптированность, интеллект, успеваемость в школе и институте, взаимоотношения в учебных заведениях, стиль одежды и поведения и происходившие в этом стиле изменения, особенности темперамента, манера поведения, место жительства (прежнее и настоящее), взаимосвязь места жительства и места преступления, сексуальная ориентация, род занятий (прежний и настоящий), репутация дома и на работе, история болезни (физические и психологические особенности), привычки (употребление алкоголя, наркотиков), социальные и бытовые приоритеты, увлечения, пристрастия, друзья и враги, характер интересов и взаимоотношений с окружающими и т. д.

Составлением поискового портрета серийного убийцы нередко занимаются психиатры. Но познаний в области одной лишь психиатрии явно недостаточно, поэтому при объяснении тех или иных деталей они очевидно уступают криминалистам. По нашему мнению, созданием общего поискового (криминалистического) профиля (портрета) серийного убийцы должны заниматься представители разных специальностей, в том числе судебные психологи, судебные психиатры, а также сексопатологи и другие специалисты в зависимости от конкретных обстоятельств дела. Во всех ситуациях ведущую, обеспечивающую и системообразующую роль должны играть криминалисты.

Некоторые специалисты отмечают, что психологический портрет с учетом полученной информации может содержать как незначительные, так и существенные отличия от реальной личности преступника, причем совпадения составляют 60–80 %[1]. Представляется, что даже эта степень совпадения существенно повышает эффективность поиска преступника, а создание обобщенного (криминалистического) профиля еще увеличит ее.

Большинство ученых-криминалистов так или иначе высказываются за составление криминалистического профиля и его использование в расследовании преступлений. Так, А. А. Протасевич предложил типовую модель поискового портрета преступника, состоящую из трех блоков.

Первый блок – признаки, характеризующие преступника как объект реального мира и как личность (социально-демографические, функциональные, психические и др.).

Второй блок – признаки типа связи и отношений (отношения преступника к потерпевшей (потерпевшему), похищенному имуществу, к местности, на которой расположено место происшествия, и т. д.).

Третий блок – признаки преступника как субъекта криминальной активности и объекта, участвующего в процессе следообразования (действия до, в ходе и после совершения преступления, следы на теле, одежде преступника и на взаимодействовавших с ним объектах и т. д.)[2].

Положительные примеры применения криминалистического портрета в отечественной практике есть, и они довольно многочисленны. Наиболее известный из них – использование портрета преступника в процессе раскрытия преступлений, совершенных А. Р. Чикатило. Профессор А. О. Бухановский предложил следующий поисковый портрет еще не установленного убийцы: интеллект выше среднего, имеет высшее или среднее образование, служащий, работает воспитателем или снабженцем, женат, пользуется очками. Последний признак имеет большое розыскное значение. Кроме того, А. О. Бухановский отверг версию о том, что преступник – врач, предположил, что он учитель русского языка, мастер производственного обучения, начальник отдела материально-технического снабжения, каким-то образом может быть связан с физкультурой и спортом. Чикатило действительно имел высшее филологическое образование, был воспитателем, снабженцем, носил очки и т. д.[3] При составлении поискового портрета А. О. Бухановский исследовал не только психологические, но и социально-демографические и криминалистические признаки.

---

[1] *Малыхина И. И.* История возникновения и развития методики построения психологического портрета преступника в России и за рубежом // Следователь. 2004. № 12. С. 58–61.

[2] *Протасевич А. А.* Поисковый портрет преступника как интегративная система. Иркутск, 1998.

[3] *Протопопов А. Л.* Расследование серийных убийств. СПб., 2006. С. 238.

В следственной практике формируются некоторые приемы составления поискового портрета серийного преступника:

1) прием использования всех источников информации для составления криминалистического портрета. При этом следует придерживаться правил оценки по делам, поступкам и их результатам. По одному поступку невозможно сделать какие-либо обоснованные выводы о самом субъекте;

2) прием структуризации. При его использовании принято руководствоваться правилом ориентации на общую структуру личности; правилом юридически значимой типизации; правилом индивидуализации; правилом криминального опыта личности; правилом ситуативной определенности психологии личности;

3) прием рефлексии – мысленная постановка себя на место изучаемого субъекта, чтобы получить представление о том, какой может быть его психология[1]. Однако этот прием может не сработать, поскольку интеллектуальные, психологические, моральные и иные личностные качества убийцы будут совершенно иные, чем эти же характеристики следователя. Данный прием приемлем, когда характеристика субъекта криминального деяния отличается неполнотой и фрагментарностью. Эффективность его будет выше, если личностная характеристика преступника отражает его реальные качества, а не качества иного лица.

Этапы составления криминалистического портрета:

криминалистический этап, который охватывает изучение возможно более полного объема следовой информации, сохранившейся на местах происшествий, о механизме совершенных преступлений и расположении самих мест происшествий;

виктимологический этап: углубленное изучение очередной жертвы преступного посягательства (образ жизни, связи, интересы, работа, увлечения, круг знакомых, характерологические особенности личности и пр.);

аналитический этап, позволяющий выдвигать версии о возможном типе личности преступника, его поведении, психологических свойствах и качествах, характере, образе жизни и пр.[2]

При создании криминалистического портрета серийного убийцы необходимо включить следующие стадии:

выявление аналогичных, по многим показателям сопоставляемых убийств, совершенных с высокой степенью вероятности одним и тем же лицом либо одной и той же группой;

анализ и обобщение признаков, свидетельствующих о совершении ряда убийств одним и тем же лицом либо одной и той же группой;

эвристический вывод о криминалистическом портрете серийного убийцы.

Эти дополнительные стадии необходимы, поскольку перечисленные ранее три этапа в большей мере характерны для раскрытия и расследования одного убийства или могут рассматриваться как предварительные этапы для создания криминалистического портрета серийного убийцы.

Особенно эффективно методика криминалистического портрета используется в ситуации, когда по уголовному делу в процессе проверки выдвинутых версий получены вероятностные выводы о возможности совершения преступлений (серии убийств) различными подозреваемыми, входящими в одну преступную группу. При

[1] *Конышева Л. П.* Психологическое портретирование – к вопросу о методологии // Следственная практика. 2003. Вып. 4. С. 154–159.

[2] *Протопопов А. Л.* Указ. соч. С. 238.

прочих равных условиях составленный психологический профиль может сыграть решающую роль в установлении подлинного убийцы (оптимизация выбора серийного убийцы из нескольких предполагаемых преступников).

Также целесообразно использование криминалистического портрета в процессе выдвижения следственных версий и их проверки, поскольку содержащиеся в нем сведения существенно повышают эффективность всего версионного процесса.

Поисковые признаки серийного убийцы, интегрированные в обобщенный криминалистический портрет преступника, значительно увеличивают полезность сведений, содержащихся в информационных подсистемах, с помощью которых следователь формирует общую (единую) криминалистическую характеристику по соединенному в соответствии со ст. 153 УПК РФ уголовному делу. Кроме психологического профилирования в общий криминалистический портрет серийного убийцы обязательно должны входить результаты так называемого географического профилирования (установление мест совершения убийств, мест обнаружения трупов и частей расчлененного трупа), временно́го профилирования (часы совершения убийств, будние и праздничные дни, сезонные периоды), мотивационного профилирования (мотивы совершенных серийных убийств) и операционного профилирования (выявление способов и орудий убийств). Представляется, что выявление и анализ всех профилирований, носящих главным образом криминалистический характер, позволят сформировать оптимальный криминалистический (общий поисковый) портрет серийного убийцы, использование которого существенно повышает эффективность поиска предполагаемого преступника, раскрытия всех эпизодов (серийных убийств). Высокий потенциал интегрированного (общего) криминалистического портрета серийного убийцы обусловлен действием принципа эмерджентности (целостность информации), который не просто суммирует сведения, характеризующие преступника, а увеличивает поисковые возможности обобщенного криминалистического портрета (профиля) в несколько раз. Следует отметить также, что эффективность криминалистического поискового профилирования зависит не только от количества объединенных признаков, но и от их качественных характеристик, а именно от их разнообразия, конкретности и редкости (частоты встречаемости).

Объединение многих и разнообразных признаков в единый поисковый криминалистический портрет обусловлено особенностями совершения серийных убийств и спецификой их раскрытия, хотя все (или почти все) ранее перечисленные признаки входят в хорошо известную ученым и практикам криминалистическую характеристику преступления, в том числе серийных убийств. Однако если рассмотреть все структурные элементы предмета доказывания и глубоко проанализировать их с позиции сложности, то становится совершенно очевидно, что наиболее трудно выявить и доказать виновность установленного лица в совершении преступления (преступлений) – п. 2 ч. 1 ст. 73 УПК РФ. Другие обстоятельства предмета доказывания, такие как время, место, способ и сам факт совершения преступления, его мотив (мотивы) и пр., предусмотренные ч. 1 ст. 73 УПК РФ, устанавливаются значительно легче и быстрее, что, как правило, помогает выявить и доказать наиболее латентные, тщательно укрытые (преступлением, временем, природными факторами и т. д.) обстоятельства: личность преступника и его виновность.

По уголовным делам о серийных убийствах виновность конкретного лица в силу ряда рассмотренных ранее объективных и субъективных факторов выявляется и до-

казывается еще сложнее. В связи с этим в данной статье и предлагается метод концентрации в поисковом портрете серийного убийцы личных признаков и свойств, которые ранее были рассредоточены (распределены) по другим структурным элементам криминалистической характеристики преступления. Представляется, что подобный метод позволит сосредоточить всю полезную информацию о личности преступника в одном поисковом криминалистическом портрете серийного убийцы, все необходимые для его установления и последующего доказывания профили. Подобный метод системного профилирования поможет более успешно раскрывать и расследовать серийные убийства.

Таким образом, применение криминалистических портретов при расследовании серийных убийств повышает эффективность деятельности правоохранительных органов. Поскольку в криминалистическом портрете содержатся подробные и разнообразные сведения о серийном убийце, которые могут характеризовать его с различных сторон, эти важные качества информации позволяют выдвигать наиболее вероятные следственные версии. Применение криминалистических портретов дает возможность установить личность серийного убийцы еще до того, как он успеет совершить значительное число преступлений. С помощью криминалистических портретов можно вполне объективно отграничить преступление, совершенное серийным убийцей, от несерийного убийства, что также повысит эффективность расследования обоих (серийного и несерийного) преступлений.

Разумеется, эффективность использования обобщенных поисковых криминалистических портретов реально возрастет лишь в том случае, если следователи и оперативные сотрудники полностью овладеют методикой их разработки и применения в процессе раскрытия серийных убийств.

Библиография

Баронин А. С. Психологический профиль убийц. Киев, 2001.

Конышева Л. П. Психологическое портретирование – к вопросу о методологии // Следственная практика. 2003. Вып. 4.

Малыхина И. И. История возникновения и развития методики построения психологического портрета преступника в России и за рубежом // Следователь. 2004. № 12.

Образцов В. А. Серийные убийства как объект психологии и криминалистики: учеб.-практ. пособие. М., 2003.

Протасевич А. А. Поисковый портрет преступника как интегративная система. Иркутск, 1998.

Протопопов А. Л. Расследование серийных убийств. СПб., 2006.

Шиханцов Г. Г. Криминология: учеб. пособие. Минск, 2006 // URL: http://ebooks.grsu.by/criminal/3-kharakteristika-lichnosti-prestupnika.htm.

Bibliography

Baronin A. S. Psixologicheskij profil' ubijc. Kiev, 2001.

Konysheva L. P. Psixologicheskoe portretirovanie – k voprosu o metodologii // Sledstvennaya praktika. 2003. Vyp. 4.

Malyxina I. I. Istoriya vozniknoveniya i razvitiya metodiki postroeniya psixologicheskogo portreta prestupnika v Rossii i za rubezhom // Sledovatel'. 2004. № 12.

Obrazcov V. A. Serijnye ubijstva kak ob"ekt psixologii i kriminalistiki: ucheb.-prakt. posobie. M., 2003.

Protasevich A. A. Poiskovyj portret prestupnika kak integrativnaya sistema. Irkutsk, 1998.

Protopopov A. L. Rassledovanie serijnyx ubijstv. SPb., 2006.

Shixancov G. G. Kriminologiya: ucheb. posobie. Minsk, 2006 // URL: http://ebooks.grsu.by/criminal/3-kharakteristika-lichnosti-prestupnika.htm.

СЕМЕЙНОЕ ПРАВО И ПСЕВДОГЕНДЕРНАЯ ИДЕОЛОГИЯ

Малинова Анна Григорьевна
Кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права
Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург),
e-mail: malinova@inbox.ru

Рассматриваются вопросы, возникающие в связи с глобализацией гендерной идеологии, которые на современном этапе имеют тенденцию активно влиять на семейное право. Показано, что решение вопроса о юридическом признании внебрачных сожительств и однополых сожительств не замыкается в пределах привычной гендерной идеологии и сопряжено с такими глобальными новациями в отечественном семейном праве, которые способны разрушить всю систему его традиционных оснований.

Ключевые слова: брак, фактический брак, гражданский брак, фактические брачные отношения, семейное право

FAMILY LAW AND PSEUDOGENDER IDEOLOGY

Malinova Anna
Ural State Law University (Yekaterinburg),
e-mail: malinova@inbox.ru

The author discusses the issues that are caused by globalization of gender ideology and at the present stage tend to influence intensively family law. She shows that the issue of legal recognition of unmarried cohabitation and same-sex cohabitation can't be resolved within usual gender ideology and correlates closely with a number of global innovations in domestic family law, which can ruin the entire system of its traditional grounds.

Key words: marriage, de facto marriage, civil marriage, de facto marital relations, family law

Стремясь к гендерному равенству, женщины
вовсе не хотели разрушить Брак и Семью,
им просто надоел веками тикающий хронометр
агрессии и насилия. И есть сильные сомнения
в том, что идея превалирования женского
начала в дальнейшем развитии цивилизации
проливает елей на женские сердца.
Малинова И. П. Война полов – мужские игры

В современной юридической и социологической литературе и особенно в повседневной речи широко используется группа терминов околобрачной тематики: «гражданский брак», «фактический брак» (и даже «классический фактический брак»[1]), «консенсуальный брак», «фактическое супружество», «фактические брачные отношения», «внебрачная семья» и пр. Было бы большим заблуждением думать, что любой из этих терминов показывает только такое лежащее на поверхности различие между ним и «официальным», или «законным», браком, как различие по признаку наличия или отсутствия государственной регистрации брака. Поистине разрушительное

[1] См., например: *Тарусина Н. Н.* Брак по российскому семейному праву: учеб. пособие. 2-е изд. М., 2010. С. 99.

воздействие все эти термины производят на более глубоком смысловом уровне, искажая эти смыслы в массовом сознании.

В отечественном законодательстве термин «гражданский брак» впервые появился в Кодексе законов РСФСР об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве 1918 г. (это был и первый советский кодифицированный акт, и первый семейный кодекс в истории России). В ст. 52 этого кодекса устанавливалось, что «только гражданский (светский) брак, зарегистрированный в отделе записей актов гражданского состояния, порождает права и обязанности супругов...». Нужно заметить, что такая законодательная формулировка, из которой вытекало, что гражданский брак – это брак, зарегистрированный государственным органом, соответствовала и словарному значению этого термина в то время.

«Гражданский брак» в течение двух последних веков во всех словарных источниках русского языка означал только то, что это брак, заключенный в органах государственной власти. Прилагательное «гражданский» было призвано подчеркнуть то обстоятельство, что это именно светский брак, т. е. брак, совершенный по нормам семейного законодательства, а не по правилам церковного обряда. Однако следует упомянуть, что к концу XIX в. в обыденной и литературной речи сформировалось и уничижительное значение этого термина. Это обстоятельство точно подмечено и русской классической литературой. «Нынче, маменька, – говорит персонаж произведения М. Е. Салтыкова-Щедрина, – и без мужа все равно что с мужем живут... Дошли до куста, под кустом обвенчались – и дело в шляпе. Это у них гражданским браком называется»[1].

Значение гражданского брака как «свободного сожительства мужчины и женщины» долгое время сохранялось в разговорной речи и в советское время. Постепенно (под влиянием прежде всего разговорной практики самих субъектов таких отношений) это значение стало приобретать более благопристойный вид. В 1980–1990-е гг. в отдельных словарях русского языка уже утверждалось, что гражданский брак – это «союз мужчины и женщины, не оформленный официально (регистрацией в загсе)»[2]. Прежнее значение гражданского брака в обыденной и литературной речи – «свободное сожительство мужчины и женщины» – стало в этих словарях сопровождаться пометой «разговорное, устаревшее»[3]. Истинная причина того, что слово «сожительство» со всеми его негативными оценками объявлено в повседневной лексике устаревшим для обозначения таких интимных отношений, состоит не столько в том, что общественное мнение стало относиться к таким отношениям нейтрально (если не сказать, безразлично), сколько в том, что сами стороны этих отношений, получивших в последнее время широкое распространение, предпочитают более благозвучное название. Для сожительствующих действительно гораздо приятнее назвать свои отношения не сожительством, а гражданским браком[4]. Но, как заметил Джон Кеннеди, «заключить союз и поддерживать его невозможно с помощью одних лишь приятных слов...»[5].

---

[1] *Салтыков-Щедрин М. Е.* Господа Головлевы // *Салтыков-Щедрин М. Е.* Господа Головлевы. Сказки. М., 1985. С. 120–121.

[2] Словарь современного русского литературного языка: в 20 т. / гл. ред. К. С. Горбачевич. 2-е изд. М., 1991. Т. 1: А – Б. С. 304.

[3] Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1981. Т. 1: А – Й. С. 342.

[4] Подробнее см.: *Малинова А. Г.* Гражданский брак: эволюция понятия в обыденном правосознании // Инновации в современном мире: цели, приоритеты, решения: материалы II Междунар. науч.-практ. форума (Екатеринбург, апрель 2013 г.). Екатеринбург, 2013. Ч. 2. С. 155–163; *Ее же.* Проблема юридического признания фактического брака в свете глобализации гендерной идеологии // Государство и право в условиях глобализации: проблемы и перспективы: тезисы науч. докл. Междунар. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 2004. С. 348–351.

[5] Высказывания знаменитых людей / сост. братья Хелемендерис; пер. с англ. М., 1995. С. 164.

Современная подоплека идеи о юридическом признании «фактических брачных отношений» в связи с резкой трансформацией гендерной идеологии содержит тенденции, довольно неожиданные с точки зрения традиционной семейно-правовой проблематики. Сам термин «фактические брачные отношения» с юридической точки зрения является крайне неудачной конструкцией. Официально он впервые появился в Кодексе законов РСФСР о браке, семье и опеке 1926 г., в ст. 3 которого было установлено, что «лица, фактически состоящие в брачных отношениях, не зарегистрированных установленным порядком, вправе во всякое время оформить свои отношения путем регистрации, с указанием срока фактической совместной жизни». В ст. 12 этого кодекса приведена весьма интересная с точки зрения юридической терминологии формулировка: «Доказательствами брачного сожительства в случае, если брак не был зарегистрирован, для суда являются: факт совместного сожительства...» И хотя в последующем семейном законодательстве эти термины уже не применяли, они успели пустить основательные корни в обыденном правосознании.

Между тем общественное мнение, относящееся к современным половым сожительствам с заурядной нейтральностью, не может не учитывать достаточно активную позицию по этому вопросу, последовательно отстаиваемую большинством религиозных конфессий. Религиозная точка зрения объявляет такие сожительства греховными не только потому, что они существуют без государственной регистрации и церковного освящения. Главный грех в сожительстве без регистрации брака – это не отсутствие свидетельства о браке, не нежелание юридически оформить свои отношения, а скрывающееся за ними нежелание сожителей нести друг перед другом ответственность за все возможные (а зачастую и непредсказуемые) последствия. Интересно, что именно это юридическое обстоятельство было подчеркнуто в одном из выступлений патриарха Алексия II, сказавшего, что «массовое распространение сожительства без заключения брака», не предполагающее «ни малейшей ответственности друг перед другом», является большой проблемой для общества. Перед духовенством была поставлена задача «объяснять, почему такой брак не может считаться браком, а расценивается как блудное сожительство»[1]. Сложившуюся ситуацию очень точно оценивает и нынешний предстоятель Русской православной церкви патриарх Кирилл: «Грех сегодня романтизирован, он завернут в очень привлекательную обертку, к нему тянутся руки молодых... Хочется развернуть эту обертку, насладиться содержанием – эта романтизация греха стала частью современной массмедийной культуры, если слово „культура“ приложимо к пропаганде греха»[2]. Собственно, такая же задача стоит и перед наукой семейного права с той лишь разницей, что ей приходится воздерживаться от использования таких этических характеристик сожительства, как «грех» и «блуд».

«Западная цивилизация, – отмечает И. П. Малинова, – достаточно прочно закрепила мужчину в институтах моногамии, и он, совершенно интуитивно, создал культ женской красоты как публичного достояния. Однако женская красота на поприще нравственного спасения мира потерпела поражение... Квазигендерные течения мутным потоком уносят женскую красоту в море телевизионной пошлости и журнального разврата. Достоевский, утверждая, что „красота спасет мир“, и Вл. Соловьев, веря, что „любовь спасет мир“, вряд ли могли предположить, что этот самый мир

[1] Цит. по: *Яковлева Е.* Активная церковь. В Москве продолжает работу Архиерейский Собор // Рос. газ. 2008. 25 июня.

[2] Слово Святейшего Патриарха Кирилла после вечерни в день Рождества Христова // Православная газ. 2011. № 2. С. 23.

уже в конце XX – начале XXI в. выставит женскую красоту на продажу во вселенских масштабах, а свое спасение доверит пропагандистам однополой любви»[1].

Говоря о причинах движения за гендерное равноправие и *юридическое признание квазибрачных отношений на Западе*, известные российские специалисты уже давно высказывали аргументированные предположения о том, что «основной движущей силой или, по крайней мере, существенным катализатором этого „движения“ являются однополые пары... При этом наиболее веский аргумент, который используется однополыми парами в отстаивании ими своего права на заключение брака и на семейную жизнь, – это именно дискриминация по признаку пола»[2].

К сожалению, гендерные «победы» первого десятилетия XXI в. как нельзя лучше подтвердили это предположение. Первые же дни второго десятилетия отметились очередным гендерным «достижением». Государственный департамент США «разъяснил, что прежняя гендерная идентификация „отец“ и „мать“ противоречит современным реалиям – в США однополая семья прочно застолбила свои права, и целое поколение юных американцев не должно чувствовать себя ущербными только потому, что у них „два папы“»[3]. «Слова „мать“ и „отец“ начиная с 1 февраля 2011 года навсегда исчезнут из официальной письменной речи в США... Вместо традиционных „мать“ и „отец“ в официальных документах Госдепа США будут употребляться термины „родитель номер один“ и „родитель номер два“. На сегодняшний день в США наблюдается устойчивый рост официально зарегистрированных однополых браков, а число детей, которые воспитываются в таких нетрадиционных семьях, уже превышает полмиллиона»[4]. Видимо, с развитием биогенных технологий и технологий в области искусственного интеллекта возникнут предложения о распространении брачно-семейного законодательства и на отношения человека с продуктами этих технологий. В прессе уже появились прогнозы о том, что через 50 лет вступать в браки будут люди и роботы[5].

С учетом такого рода подоплеки в обсуждаемой проблеме можно выделить два аспекта. Первый состоит в том, насколько отечественное семейное право готово к включению в сферу семейно-правового регулирования так называемых гендерных отношений (т. е. отношений полов в широком смысле). Второй аспект сводится к вопросу о юридическом признании внебрачных сожительств.

По поводу первого аспекта заметим, что отечественное семейное право уже по характеру своих основных положений не может включать в круг своих задач регулирование отношений, не являющихся именно семейными и обладающих признаками, существенно расходящимися с критериальными для семейных отношений. К числу необходимых признаков относятся: юридический факт заключения брака между мужчиной и женщиной (и его действительность), наличие родственно-семей-

---

[1] *Малинова И. П.* Война полов – мужские игры // Дискурс-Пи: науч.-практ. альманах. Вып. 2: Власть дискурса и дискурс власти / под ред. О. Ф. Русаковой. Екатеринбург, 2002. С. 81.

[2] *Хазова О. А.* Семейное законодательство: проблемы гендерного равенства // Гендерная экспертиза российского законодательства / отв. ред. Л. Н. Завадская. М., 2001. С. 123. О том, что подобная ситуация характерна не только для стран Запада, см., например: *Алексеев Н. А.* Правовое регулирование положения сексуальных меньшинств: Россия в свете практики международных организаций и национального законодательства стран мира. М., 2002. С. 214–221.

[3] *Артюх А.* Да минует нас чаша сия // Сов. Россия. 2011. 25 янв.

[4] Госдеп США запретил называть родителей мамой и папой // Там же.

[5] *Симонов А.* Выйти замуж за робота. Ученые прогнозируют браки между человеком и андроидом // Рос. газ. 2008. 25 июня.

ных связей, защита и обеспечение прав и интересов ребенка. Включение в сферу семейно-правового регулирования отношений, не обладающих ни одним из этих признаков, потребует кардинального пересмотра не только самой концепции семейного права, но и всей системы его традиционных оснований.

«Художественные склонности, по всей вероятности, не что иное, как вторичные половые признаки»[1] – справедливость этого мнения Мебиуса подтвердил и великий русский физиолог И. Мечников. «И, может быть, сильной половине человечества, – высказывает предположение И. П. Малинова, – вместо борьбы за легализацию однополых браков пора сосредоточиться на культивировании этих вторичных половых признаков, чтобы первичные не утратили своего функционального значения?»[2]

Что касается второго аспекта, то законодатель, естественно, не может не обращать внимания на возрастающее число внебрачных сожительств. По последней переписи населения число супружеских пар в России в 2010 г. составило 33 млн (в 1989 г. – 36 млн, в 2002 г. – 34 млн), из них 4,5 млн пар состояли в незарегистрированном браке (для сравнения: в 2002 г. – 3 млн пар, 10 %[3]).

Увеличение числа внебрачных сожительств привело к возрастанию внебрачной рождаемости. Доля внебрачной рождаемости в общем числе рождений неуклонно повышается: в 1970 г. – 10,6 %, в 1980 г. – 10,8 %, в 1990 – 14,6 %, в 1995 г. – 21,1 %, в 1996 г. – 23 %, в 1997 г. – 25,3 %, в 1998 г. – 27 %, в 1999 г. – 27,9 %, или 339,3 тыс. рождений (из них зарегистрировано по совместному заявлению матери и отца – 152 тыс., т. е. менее половины). В 2009 г. число внебрачных рождений достигло 459,3 тыс.

Оправдывая свое географическое положение, Россия занимает по этому показателю серединное положение в ряду экономически развитых стран. Например, доля внебрачной рождаемости в 1999 г. составила: в Греции – 4 %, в Италии – 8,7 %, в Эстонии – 54 %, в Швеции – 55,3 %. И только в Японии внебрачная рождаемость как статистический феномен вообще отсутствует[4]. Какое положение в этом ряду занимает Россия по экономическим показателям, читателю известно.

Кризис семьи на Западе – об этом сегодня говорят все. Но и в России кризис семьи. И начался он не сегодня. Западные брачно-семейные веяния попадают в России на уже весьма истощенное семейно-правовое поле, опустошаемое с первых послереволюционных лет. «Разрушение семьи в советском государстве» – так назвал великий русский мыслитель (и известный юрист) И. А. Ильин статью, написанную в 1930 г. «...Падение нравов, духовное разъедание и распад семейной жизни, – констатировал он, – не случайны; они возникли как неизбежный результат планомерно и умело проводимого, продуманного и ставшего программой, возведенного в ранг государственного закона сознательного намерения – коммунистической идеи. И эта идея уже громко стучит в двери всего человечества»[5].

---

[1] *Мечников И. И.* Этюды оптимизма. М., 1988. С. 232.

[2] *Малинова И. П.* Указ. соч. С. 81.

[3] Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года // Рос. газ. 2004. 31 марта.

[4] Население России 2000. Восьмой ежегодный демографический доклад / под ред. А. Г. Вишневского. М., 2001. С. 46–47; Население России в XX веке: Исторические очерки: в 3 т. Т. 3. Кн. 1: 1960–1979. М., 2005. С. 120.

[5] *Ильин И. А.* Разрушение семьи в советском государстве // *Ильин И. А.* Собр. соч.: в 10 т. Т. 7. М., 1998. С. 115.

Ф. Энгельс в своей знаменитой работе объяснил не только происхождение, но и зависимость друг от друга семьи, частной собственности и государства[1]. О том, что эта зависимость непреходяща, одним из первых сказал И. А. Ильин: «Пока семья будет существовать (а она будет существовать, как все природное, вечно), она будет школой *здорового чувства частной собственности*»[2] (курсив И. А. Ильина).

Но три десятилетия назад оказалось, что *идея*, прежде громко стучавшаяся в двери человечества, так ни до чего и не достучалась. Но дверь все-таки открылась, правда, с другой стороны. И на плачевные результаты семидесятилетнего отсутствия в России не только *школы здорового чувства частной собственности*, но и самой *частной собственности* обрушилась еще и информация о зарубежных экспериментах по нормативному регулированию однополых союзов. И, как предполагают известные отечественные специалисты, «...какие-то эксперименты в этой области нас, скорее всего, не минуют»[3]. Вот только спешить нам не следует.

«„Брак“ и „семья“, – по мнению В. В. Розанова, – не менее важны для нации, чем фиск, казна»[4]. Юридическое же признание внебрачного сожительства неизбежно придаст официальной форме заключения брака (на добровольной основе, в установленном законом порядке) характер пустой формальности и не только снизит институциональный статус официального брака, но и вообще размоет границы брачных отношений. Кроме того, это повлечет за собой маргинализацию институтов брака и семьи, поскольку неизбежная в этом случае формализация оснований для юридического признания внебрачного сожительства, сводящаяся к фактологии совместного проживания, выхолащивает глубоко интимные, ценностные, духовно-нравственные основания вступления в брак.

К перечисленным аргументам необходимо добавить следующее: ситуация, требующая юридического признания внебрачного сожительства по самой логике ее возникновения, сопутствует, как правило, условиям и мотивам прекращения такого сожительства, а не его заключения. Потребность доказывать в судебном порядке факт сожительства с целью юридического признания этого сожительства браком возникает либо в конфликтных ситуациях распада внебрачных отношений, либо в случае безвестного отсутствия или смерти одного из сожителей и т. п.

«Брак – жертва, приносимая государству»[5], – так больше двух тысяч лет назад выразился один из римских консулов. Но как тогда, так и сейчас супругами становятся отнюдь не по воле государства. Не государство назначает людей себе в «жертву». Не может и не должно государство – в нарушение принципа добровольности вступления в брак – «женить» сожителей путем юридического признания сожительства.

Внебрачные отношения сожителей в любой момент их положительного развития могут быть оформлены заключением брака, основным условием которого по закону является обоюдное добровольное согласие мужчины и женщины. И этот принцип

---

[1] *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства. В связи с исследованиями Льюиса Г. Моргана. М., 1985.

[2] *Ильин И. А.* Путь духовного обновления (Глава пятая. О семье) // *Ильин И. А.* Собр. соч.: в 10 т. Т. 1. М., 1993. С. 154.

[3] *Тарусина Н. Н.* Указ. соч. С. 98.

[4] *Розанов В.* Опавшие листья // Русский эрос, или Философия любви в России / сост. В. П. Шестаков. М., 1991. С. 147.

[5] Женщина, Жизнь и Любовь. Pro и Contra: Афоризмы, мысли, софизмы, цитаты и изречения великих и невеликих людей / сост. М. Шевляков. М., 1999. С. 443.

добровольности вступления в брак нельзя нарушать без существенного ущерба для брака как одного из основных институтов семейного права.

Собственно, сегодня существует не столько проблема юридического признания внебрачных сожительств, сколько проблема правового регулирования последствий таких сожительств. Главные из этих последствий уже подвержены такому регулированию. Например, последствия рождения детей, чьи родители не состоят в браке, урегулированы в семейном праве с точки зрения приоритетной защиты интересов ребенка. Как справедливо отмечается в литературе, «семейное законодательство не содержит никаких ограничений для признания детей, рожденных вне брака, и для осуществления в отношении них родительских прав...»[1].

Совсем другого рода последствия возникают в ситуациях, когда одна из сторон внебрачного (и, возможно, достаточно длительного) сожительства оказывается по каким-либо причинам в крайне неблагоприятном положении и нуждается не только в социальной помощи, но и в помощи своего сожителя. Такие прямо или косвенно сопряженные с внебрачным сожительством интересы состоящих в них граждан, как здоровье, материальная обеспеченность и другие моменты социального благополучия, могут, в принципе, стать предметом правовой защиты. Однако решение этой социальной проблемы вряд ли способно осуществляться в рамках только семейного права. Во-первых, как уже отмечалось, нельзя нарушать принцип добровольности вступления в законный брак. Во-вторых, как верно замечено в литературе, «действующее российское гражданское законодательство предоставляет достаточно широкие возможности для решения имущественных проблем между сожительствующими парами»[2]. В-третьих, существуют иные, еще не использованные законодательные возможности, связанные с перспективами развития гендерного права, призванного регулировать отношения полов в более широком аспекте, нежели брачно-семейные отношения[3].

Глобализация гендерной идеологии носит сегодня весьма интенсивный характер и имеет тенденцию активно влиять на семейное право. В связи с этим, рассматривая вопрос о юридическом признании внебрачных сожительств и однополых сожительств, нельзя не учитывать, что решение этой проблемы в современных условиях не замыкается в пределах привычной гендерной идеологии и сопряжено с такими глобальными новациями в отечественном семейном праве, которые способны разрушить всю систему его традиционных оснований.

Библиография

Алексеев Н. А. Правовое регулирование положения сексуальных меньшинств: Россия в свете практики международных организаций и национального законодательства стран мира. М., 2002.

Артюх А. Да минует нас чаша сия // Сов. Россия. 2011. 25 янв.

Высказывания знаменитых людей / сост. братья Хелемендерис; пер. с англ. М., 1995.

Госдеп США запретил называть родителей мамой и папой // Сов. Россия. 2011. 25 янв.

Женщина, Жизнь и Любовь. Pro и Contra: Афоризмы, мысли, софизмы, цитаты и изречения великих и невеликих людей / сост. М. Шевляков. М., 1999.

Ильин И. А. Путь духовного обновления (Глава пятая. О семье) // *Ильин И. А.* Собр. соч.: в 10 т. Т. 1. М., 1993.

---

[1] *Хазова О. А.* Указ. соч. С. 122.

[2] Там же.

[3] Подробнее см.: *Краснова Т. В.* Гражданский брак и фактическое супружество // Рос. юрид. журн. 2008. № 3. С. 7; *Малышева М. М.* Современный патриархат. Социально-экономическое эссе. М., 2001. С. 299–307; *Тарусина Н. Н.* Указ. соч. С. 94–99.

Ильин И. А. Разрушение семьи в советском государстве // *Ильин И. А.* Собр. соч.: в 10 т. Т. 7. М., 1998.

Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года // Рос. газ. 2004. 31 марта.

Краснова Т. В. Гражданский брак и фактическое супружество // Рос. юрид. журн. 2008. № 3.

Малинова А. Г. Гражданский брак: эволюция понятия в обыденном правосознании // Инновации в современном мире: цели, приоритеты, решения: материалы II Междунар. науч.-практ. форума (Екатеринбург, апрель 2013 г.). Екатеринбург, 2013. Ч. 2.

Малинова А. Г. Проблема юридического признания фактического брака в свете глобализации гендерной идеологии // Государство и право в условиях глобализации: проблемы и перспективы: тезисы науч. докл. Междунар. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 2004.

Малинова И. П. Война полов – мужские игры // Дискурс-Пи: науч.-практ. альманах. Вып. 2: Власть дискурса и дискурс власти / под ред. О. Ф. Русаковой. Екатеринбург, 2002.

Малышева М. М. Современный патриархат. Социально-экономическое эссе. М., 2001.

Мечников И. И. Этюды оптимизма. М., 1988.

Население России 2000. Восьмой ежегодный демографический доклад / под ред. А. Г. Вишневского. М., 2001.

Население России в XX веке: Исторические очерки: в 3 т. Т. 3. Кн. 1: 1960–1979. М., 2005.

Розанов В. Опавшие листья // Русский эрос, или Философия любви в России / сост. В. П. Шестаков. М., 1991.

Салтыков-Щедрин М. Е. Господа Головлевы // *Салтыков-Щедрин М. Е.* Господа Головлевы. Сказки. М., 1985.

Симонов А. Выйти замуж за робота. Ученые прогнозируют браки между человеком и андроидом // Рос. газ. 2008. 25 июня.

Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1981. Т. 1: А – Й.

Словарь современного русского литературного языка: в 20 т. / гл. ред. К. С. Горбачевич. 2-е изд. М., 1991. Т. 1: А – Б.

Слово Святейшего Патриарха Кирилла после вечерни в день Рождества Христова // Православная газ. 2011. № 2.

Тарусина Н. Н. Брак по российскому семейному праву: учеб. пособие. 2-е изд. М., 2010.

Хазова О. А. Семейное законодательство: проблемы гендерного равенства // Гендерная экспертиза российского законодательства / отв. ред. Л. Н. Завадская. М., 2001.

Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. В связи с исследованиями Льюиса Г. Моргана. М., 1985.

Яковлева Е. Активная церковь. В Москве продолжает работу Архиерейский Собор // Рос. газ. 2008. 25 июня.

Bibliography

Alekseev N. A. Pravovoe regulirovanie polozheniya seksual'nyx men'shinstv: Rossiya v svete praktiki mezhdunarodnyx organizacij i nacional'nogo zakonodatel'stva stran mira. M., 2002.

Artyux A. Da minuet nas chasha siya // Sov. Rossiya. 2011. 25 yanv.

Ehngel's F. Proisxozhdenie sem'i, chastnoj sobstvennosti i gosudarstva. V svyazi s issledovaniyami L'yuisa G. Morgana. M., 1985.

Gosdep SShA zapretil nazyvat' roditelej mamoj i papoj // Sov. Rossiya. 2011. 25 yanv.

Il'in I. A. Put' duxovnogo obnovleniya (Glava pyataya. O sem'e) // *Il'in I. A.* Sobr. soch.: v 10 t. T. 1. M., 1993.

Il'in I. A. Razrushenie sem'i v sovetskom gosudarstve // *Il'in I. A.* Sobr. soch.: v 10 t. T. 7. M., 1998.

Itogi Vserossijskoj perepisi naseleniya 2002 goda // Ros. gaz. 2004. 31 marta.

Krasnova T. V. Grazhdanskij brak i fakticheskoe supruzhestvo // Ros. yurid. zhurn. 2008. № 3.

Malinova A. G. Grazhdanskij brak: ehvolyuciya ponyatiya v obydennom pravosoznanii // Innovacii v sovremennom mire: celi, prioritety, resheniya: materialy II Mezhdunar. nauch.-prakt. foruma (Ekaterinburg, aprel' 2013 g.). Ekaterinburg, 2013. Ch. 2.

Malinova A. G. Problema yuridicheskogo priznaniya fakticheskogo braka v svete globalizacii gendernoj ideologii // Gosudarstvo i pravo v usloviyax globalizacii: problemy i perspektivy: tezisy nauch. dokl. Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Ekaterinburg, 2004.

Malinova I. P. Vojna polov – muzhskie igry // Diskurs-Pi: nauch.-prakt. al'manax. Vyp. 2: Vlast' diskursa i diskurs vlasti / pod red. O. F. Rusakovoj. Ekaterinburg, 2002.

Malysheva M. M. Sovremennyj patriarxat. Social'no-ehkonomicheskoe ehsse. M., 2001.

Mechnikov I. I. Ehtyudy optimizma. M., 1988.

Naselenie Rossii 2000. Vos'moj ezhegodnyj demograficheskij doklad / pod red. A. G. Vishnevskogo. M., 2001.

Naselenie Rossii v XX veke: Istoricheskie ocherki: v 3 t. T. 3. Kn. 1: 1960–1979. M., 2005.

Rozanov V. Opavshie list'ya // Russkij ehros, ili Filosofiya lyubvi v Rossii / sost. V. P. Shestakov. M., 1991.

Saltykov-Shhedrin M. E. Gospoda Golovlevy // *Saltykov-Shhedrin M. E.* Gospoda Golovlevy. Skazki. M., 1985.

Simonov A. Vyjti zamuzh za robota. Uchenye prognoziruyut braki mezhdu chelovekom i androidom // Ros. gaz. 2008. 25 iyunya.

Slovar' russkogo yazyka: v 4 t. / pod red. A. P. Evgen'evoj. M., 1981. T. 1: A – J.

Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: v 20 t. / gl. red. K. S. Gorbachevich. 2-e izd. M., 1991. T. 1: A – B.

Slovo Svyatejshego Patriarxa Kirilla posle vecherni v den' Rozhdestva Xristova // Pravoslavnaya gaz. 2011. № 2.

Tarusina N. N. Brak po rossijskomu semejnomu pravu: ucheb. posobie. 2-e izd. M., 2010.

Vyskazyvaniya znamenityx lyudej / sost. brat'ya Xelemenderis; per. s angl. M., 1995.

Xazova O. A. Semejnoe zakonodatel'stvo: problemy gendernogo ravenstva // Gendernaya ehkspertiza rossijskogo zakonodatel'stva / otv. red. L. N. Zavadskaya. M., 2001.

Yakovleva E. Aktivnaya cerkov'. V Moskve prodolzhaet rabotu Arxierejskij Sobor // Ros. gaz. 2008. 25 iyunya.

Zhenshhina, Zhizn' i Lyubov'. Pro i Contra: Aforizmy, mysli, sofizmy, citaty i izrecheniya velikix i nevelikix lyudej / sost. M. Shevlyakov. M., 1999.

ПОНЯТИЕ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО СРОКА В РАЗЛИЧНЫХ ВИДАХ СУДОПРОИЗВОДСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Усольцев Михаил Михайлович
Аспирант кафедры конституционного права
Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург),
e-mail: dobro2311@mail.ru

Автор обращается к понятию процессуального срока в различных видах судопроизводства Российской Федерации. Рассматриваются подходы к пониманию процессуальных сроков в уголовном, гражданском, арбитражном процессах, в производстве по делам об административных правонарушениях, а также в конституционном судопроизводстве. На основе анализа понятия «процессуальный срок» в указанных видах судопроизводства и определений, которые даны ведущими учеными в области конституционного судебного процесса, автор выделяет признаки, характерные для данной категории в конституционном судопроизводстве. Представлено собственное определение понятия «процессуальный срок», перечислены признаки процессуального срока, свойственные всем видам судопроизводства.

Ключевые слова: конституционный судебный процесс, конституционное судопроизводство, сроки, процессуальные сроки, признаки процессуальных сроков

THE CONCEPT OF A PROCEDURAL PERIOD IN VARIOUS TYPES OF COURT PROCEDURE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Usol'tsev Mikhail
Ural State Law University (Ekaterinburg),
e-mail: dobro2311@mail.ru

The article refers to the concept of a procedural period in various types of court procedure of the Russian Federation. Approaches to understanding the procedural periods in criminal, civil, arbitration proceedings, proceedings on cases of administrative offenses, as well as in constitutional proceedings are investigated. On the basis of the concept of a procedural period in these proceedings, as well as the analysis of the concepts given by leading scientists in the field of constitutional litigation, the author distinguishes the features of this category in constitutional proceedings. He gives his own definition of «procedural period» and enumerates its features common to all types of proceedings.

Key words: constitutional judicial process, constitutional proceedings, periods, procedural periods, features of procedural periods

В соответствии с ч. 2 ст. 118 Конституции РФ судебная власть осуществляется посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства. Каждый из видов судопроизводства ставит перед собой конкретные задачи, которые определены законодателем в соответствующих нормативных правовых актах, но все они служат единой цели: судебной защите прав и свобод человека и гражданина.

Любая человеческая деятельность осуществляется в определенные временные промежутки или, иначе говоря, сроки. Не составляет исключения и юридическая деятельность. Из всех видов юридической деятельности наиболее важной и процедурно сложной является та, что связана с судопроизводством. Судопроизводство также осуществляется в рамках процессуальных сроков. При этом в юридической науке вплоть до настоящего времени нет единого подхода к понятию «процессуальный срок», которое может быть применимо ко всем видам судопроизводства без исключения.

С точки зрения юриспруденции установленный законом срок для производства того или иного действия или принятия решения представляет собой процессуальную гарантию. На это обращает внимание Верховный Суд РФ, отмечая, что установление и строгое соблюдение процессуальных сроков служат существенной гарантией не только быстрого, но и полного исследования обстоятельств уголовного дела, своевременной реализации участниками процесса своих прав и законных интересов[1]. Предполагается, что именно данное положение должно лежать в основе трактовки юридической природы процессуальных сроков.

Однако если исходить из названия процитированного документа, то этот подход к процессуальным срокам относится только к судам, которые рассматривают гражданские и уголовные дела, но никак не затрагивает административное и конституционное судопроизводство. Уже поэтому возникает потребность в том, чтобы исследовать понятие процессуального срока в различных видах судопроизводства в Российской Федерации.

Проанализируем научные позиции по данной теме. Процессуальный срок как понятийную категорию следует рассматривать не только в широком смысле, как нечто объединяющее все виды судопроизводства, определенные Конституцией РФ, но и в узком смысле, как непосредственно процессуальный срок, который используется в конкретном судопроизводстве.

Для определения категории в широком смысле обратимся к логическому методу индукции и, разобрав подходы к понятию процессуального срока в различных отраслях права, сделаем вывод о возможности общего для всех процессуальных отраслей определения.

Наиболее детально институт процессуальных сроков проработан в уголовном, арбитражном и гражданском процессах.

В научных работах по уголовному процессу 70-х гг. XX в. и в более поздних процессуальные сроки понимаются как:

сроки, установленные уголовно-процессуальным правом, необходимые для регламентации правоотношений, возникающих во время уголовно-процессуальных действий участников уголовного процесса, совершаемых в строго определенной последовательности в целях достижения задач уголовного судопроизводства и характеризующихся определенной длительностью существования[2]. Подобного подхода позднее придерживался И. В. Маслов[3];

---

[1] О выполнении судами постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 августа 1993 г. № 7 «О сроках рассмотрения уголовных и гражданских дел судами Российской Федерации»: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 июня 1996 г. № 4 // Бюл. Верховного Суда РФ. 1996. № 8.

[2] *Васильев Л. М.* Процессуальные сроки в советском уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1971. С. 19–21, 228.

[3] *Маслов И. В.* Актуальные проблемы правовой регламентации процессуальных сроков в досудебном производстве по уголовным делам: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 19–21.

особая форма процессуальных гарантий, обеспечивающих быстроту расследования, соблюдение прав и законных интересов участников процесса, эффективность осуществления прокурорского надзора[1].

Интересное определение процессуальному сроку с привязкой его к уголовному судопроизводству как процедуре дает П. А. Лупинская, утверждая, что это «время, установленное законом для совершения процессуальных действий, принятия процессуальных решений, начала и завершения производства в конкретной стадии судопроизводства»[2].

Г. Б. Петрова обратила внимание на правовые последствия истечения процессуальных сроков, определив, что «их истечение влечет возникновение, изменение или прекращение соответствующих правоотношений»[3].

При этом некоторые авторы обозначают определенную специфику процессуальных сроков, связанную с особенностями уголовного судопроизводства, сложностью и строгостью самой процедуры досудебного и судебного разбирательства, а также с тем, что речь зачастую идет об определенных ограничениях конституционных прав и свобод участников уголовного процесса.

Большинство современных специалистов в области уголовно-процессуального права определяют процессуальный срок как установленный УПК РФ период времени, в течение которого должны совершаться процессуальные действия или в течение которого от совершения этих действий следует воздержаться. Такого мнения придерживаются К. Б. Калиновский, Г. П. Химичева, О. В. Химичева, Р. Х. Якупов, А. В. Победкин, В. Н. Яшин[4]. Кроме того, последние два автора подчеркивают, что «процессуальные сроки – это процессуальная гарантия как правосудия, так и защиты прав и законных интересов личности»[5].

Наиболее современную трактовку процессуального срока в уголовном процессе, по нашему мнению, дал Р. П. Сокол, указав, что уголовно-процессуальные сроки – это установленные УПК РФ промежутки времени, в которые участники уголовного процесса обязаны или правомочны совершить определенные процессуальные действия или воздержаться от их совершения в целях реализации конституционных гарантий прав, свобод и законных интересов участвующих в уголовном деле лиц, соблюдения законности и достижения целей всего уголовного судопроизводства[6].

В гражданском и арбитражном процессе, как и в уголовном, существует большое количество точек зрения на понятие «процессуальный срок».

---

[1] *Гуляев А. П.* Процессуальные сроки в стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования. М., 1967. С. 5, 7.

[2] Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учеб. / отв. ред. П. А. Лупинская. М., 2003. С. 326.

[3] *Петрова Г. Б.* Сроки как элемент правового регулирования в уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2004. С. 7.

[4] *Калиновский К. Б.* Процессуальные сроки в уголовном судопроизводстве и их регламентация по Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации // Ленинградский юрид. журн. 2005. № 2. С. 139–145; Уголовно-процессуальное право (Уголовный процесс): учеб. для вузов / под ред. Г. П. Химичевой, О. В. Химичевой. М., 2004. С. 218; *Якупов Р. Х.* Уголовный процесс: учеб. для вузов / науч. ред. В. П. Галузо. 5-е изд., испр. и доп. М., 2005. С. 185; *Победкин А. В., Яшин В. Н.* Уголовный процесс: учеб. / под ред. В. П. Григорьева. М., 2004. С. 191.

[5] *Победкин А. В., Яшин В. Н.* Указ. соч. С. 191.

[6] *Сокол Р. П.* Процессуальные сроки в судебных стадиях уголовного судопроизводства Российской Федерации: правовая регламентация и процессуальные особенности: дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2008. С. 34.

А. Г. Гойхбарг дал довольно емкое определение: это сроки для совершения тех или иных процессуальных действий[1]. Схожей позиции (по поводу сроков в арбитражном процессе) придерживается В. В. Молчанов[2].

По мнению Г. В. Воронкова, процессуальные сроки – это установленное законом или судебным органом время, в течение которого могут или должны быть совершены процессуальные действия[3].

Е. А. Мальцев под процессуальными сроками понимает «ограниченное время, установленное для рассмотрения гражданских дел судом и для совершения различных процессуальных действий судом и другими участниками процесса»[4]. Однако данное определение было критически воспринято Е. В. Исаевой, которая утверждает, что определение срока как ограниченного времени противоречит логике, поскольку срок сам по себе и есть «ограниченное время», период времени или момент в нем. Трактовать таким образом срок – все равно что утверждать, что срок – это срок[5].

Г. П. Бужинскас под процессуальными сроками понимает юридическую форму отражения объективного течения времени, которая служит измерителем на основе определения моментов или временных отрезков, в рамках которых должно быть рассмотрено дело или совершено какое-либо действие, начиная со стадии возбуждения гражданского дела и кончая стадией исполнения принятого решения[6]. В более простой форме, но с тем же смысловым содержанием толкует процессуальные сроки Н. И. Масленникова[7]. Похожие определения используют в арбитражном процессе Л. А. Грось[8], В. Д. Кайгородов[9], М. С. Фалькович[10].

Наиболее полное определение процессуальным срокам в гражданском процессуальном и арбитражном процессуальном праве дает Е. В. Исаева, определяя их как установленный законом и назначенный судебным органом (судьей) и исчисляемый годами, месяцами или днями период времени либо момент во времени, определяемый точной календарной датой или указанием на событие, которое обязательно должно наступить, в течение которого или к которому судебный орган (судья) или иные участники процесса вправе либо обязаны совершить определенное процессуальное действие или совокупность процессуальных действий[11].

---

[1] *Гойхбарг А. Г.* Курс гражданского процесса. М.; Л., 1928. С. 174.

[2] Арбитражный процесс: учеб. для юрид. вузов и факультетов. 4-е изд. / под ред. М. К. Треушникова, В. М. Шерстюка. М., 2000. С. 223 (автор главы о процессуальных сроках – В. В. Молчанов).

[3] Гражданский процесс / под ред. К. С. Юдельсона. М., 1972. С. 124 (автор главы о процессуальных сроках – Г. В. Воронков).

[4] Гражданское судопроизводство / под ред. В. М. Семенова. Свердловск, 1974. С. 119 (автор главы о процессуальных сроках – Е. А. Мальцев).

[5] *Исаева Е. В.* Процессуальные сроки в гражданском процессуальном и арбитражном процессуальном праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 86.

[6] *Бужинскас Г. П.* Процессуальные сроки в советском гражданском судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1987. С. 6–7.

[7] Гражданский процесс: учеб. / под ред. К. И. Комиссарова, Ю. К. Осипова. М., 1996. С. 116 (автор главы о процессуальных сроках – Н. И. Масленникова); Гражданский процесс: учеб. / отв. ред. В. В. Ярков. 3-е изд. М., 2000. С. 115 (автор главы о процессуальных сроках – Н. И. Масленникова).

[8] Арбитражный процесс: учеб. пособие / отв. ред. Р. Е. Гукасян, В. Ф. Тараненко. М., 1996. С. 84 (автор главы о процессуальных сроках – Л. А. Грось).

[9] Арбитражный процесс: учеб. / под ред. В. В. Яркова. М., 1996. С. 171 (автор главы о процессуальных сроках – В. Д. Кайгородов).

[10] *Фалькович М. С.* Процессуальные сроки // Хоз-во и право. 1996. № 5. С. 119; Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. В. Ф. Яковлева, М. К. Юкова. М., 2003. С. 341 (автор комментариев к главе АПК РФ 2002 г. о процессуальных сроках – М. С. Фалькович).

[11] *Исаева Е. В.* Указ. соч. С. 86.

Понятие процессуального срока встречается и в науке административного права: в той ее части, которая связана с судебным разбирательством дел об административных правонарушениях. Под процессуальным сроком И. В. Панова понимает период (промежуток) времени, предусмотренный законодательством или назначенный юрисдикционным органом (должностным лицом), в течение которого должно или может быть совершено отдельное процессуальное действие[1]. А. С. Дугенец, определяя процессуальные сроки схожим образом, добавляет, что они урегулированы нормами административного права и направлены на реализацию задач производства по делам об административных правонарушениях[2]. Т. Р. Мещерякова отмечает, что сроки могут быть закреплены не только в нормах административного права, но и в других нормативных актах[3].

Самое полное и обобщенное определение процессуального срока в производстве по делам об административных правонарушениях дает Н. В. Косарева, понимая его как урегулированный административно-процессуальными нормами отрезок или момент времени, определяющий временные пределы осуществления сторонами юрисдикционных отношений своих субъективных прав и обязанностей в ходе совершения процессуальных действий, состоящих в выявлении правонарушений, применении мер административно-правового обеспечения производства, рассмотрении дел об административных правонарушениях, вынесении по ним постановлений, а также исполнении постановлений о назначении административных наказаний[4].

Особое внимание стоит обратить на определение процессуального срока в конституционном судопроизводстве, так как сегодня в науке конституционного судебного процесса отсутствуют какие-либо диссертационные исследования на тему процессуальных сроков в конституционном судопроизводстве, нет и отдельных работ и статей по данной проблематике.

В трудах ученых встречаются следующие определения процессуальных сроков:

это периоды времени, в течение которых должно быть совершено конкретное процессуальное действие судом, сторонами по делу, другими участниками процесса, либо точная дата совершения такого действия. В отдельных случаях лицам, не участвующим в процессе, также могут быть назначены сроки для совершения указанных судом действий[5];

это промежутки времени, в пределах которых должны быть совершены те или иные процессуальные действия[6];

это фиксированные промежутки времени, в течение которых могут совершаться процессуальные действия по рассматриваемому делу[7];

это установленные Законом (имеется в виду Федеральный закон о Конституционном Суде РФ; далее – Закон о Конституционном Суде), регламентом (Конституци-

---

[1] *Панова И. В.* Актуальные проблемы административного процесса в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2000. С. 354.

[2] *Дугенец А. С.* Процессуальные сроки в производстве по делам об административных правонарушениях: моногр. М., 2002. С. 18.

[3] *Мещерякова Т. Р.* Сроки в административном законодательстве Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 31.

[4] *Косарева Н. В.* Сроки в производстве по делам об административных правонарушениях: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. С. 40–41.

[5] Конституционный судебный процесс: учеб. / отв. ред. М. С. Саликов. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2014. С. 91–92 (автор главы о процессуальных сроках – В. И. Русинов).

[6] *Несмеянова С. Э.* Конституционный судебный процесс в России: учеб. пособие. М., 2013. С. 103.

[7] Конституционное правосудие. Судебно-конституционное право и процесс: учеб. пособие / Н. В. Витрук. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2011. С. 345.

онного Суда РФ) или решениями Конституционного Суда РФ промежутки времени, в течение которых совершаются различные действия в связи с рассмотрением дела[1].

Проанализировав имеющиеся определения, можно выделить следующие характерные признаки процессуальных сроков в конституционном судопроизводстве в Российской Федерации.

Во-первых, сроки всегда являются каким-либо отрезком либо фрагментом времени, т. е. определенными на основании волеизъявления человека промежутками времени; в отличие от самого времени они служат конкретным целям. В конституционном судопроизводстве, например, они служат целям оперативности, разумности временной продолжительности производства по делу, цели координации деятельности всех сторон конституционного судопроизводства. Некоторые ученые называют цель дисциплинирования сторон, участвующих в процессе[2].

Во-вторых, в рамках установленных сроков должны быть совершены процессуальные действия сторонами производства. При этом стоит обратить внимание на то, что важно именно указание на процессуальный характер действий в силу того, что в Законе о Конституционном Суде, Регламенте Конституционного Суда РФ (далее – Регламент) встречаются не только процессуальные сроки, но и сроки судоустройственные; их следует различать.

В-третьих, процессуальные сроки устанавливаются определенным легальным способом. Так, процессуальные сроки в конституционном судебном процессе могут быть установлены Законом о Конституционном Суде, Регламентом или самим Конституционным Судом РФ.

Эти три признака, как можно заметить, встречаются как в конституционном судебном процессе, так и в других видах судопроизводства.

На наш взгляд, есть смысл к данным признакам в конституционном судопроизводстве добавить еще три.

1. Сроки всегда выступают гарантией защиты прав и свобод личности, если это касается, например, разбирательства дела в случае обращения гражданина с жалобой на нарушение конституционных прав и свобод законом, примененным в конкретном деле, либо гарантией защиты интересов государства при разбирательстве дел, связанных, в частности, с разрешением споров о компетенции.

2. Сроки всегда должны быть установлены таким образом, чтобы не затягивать процесс, т. е. срок должен быть разумным, но при этом не стоит забывать о том, что Конституционный Суд РФ в силу своей специфики и особой важности рассматриваемых дел, а также особого характера принимаемых им решений не имеет права допускать ошибки при разбирательстве. В связи с этим процессуальный срок должен быть гармоничным в смысле сочетания скорости и качества, а также справедливым в отношении всех участвующих в деле лиц и самого суда.

3. Субъектный состав тех, на кого распространяются процессуальные сроки, для каждого процесса определяется индивидуально.

Исходя из сказанного под процессуальным сроком в конституционном судебном процессе следует понимать установленный Законом о Конституционном Суде, Регламентом, а также в определенных случаях самим Судом разумный, гармоничный и справедливый промежуток времени или конкретный момент во времени для со-

[1] *Кряжков В. А., Лазарев Л. В.* Конституционная юстиция в Российской Федерации: учеб. пособие. М., 1998. С. 166.

[2] Там же. С. 166.

вершения процессуальных действий Судом, сторонами конституционного судебного процесса, а также участниками конституционного судопроизводства, необходимый для осуществления правильного и качественного производства по делу и выступающий гарантией прав и свобод граждан, а также защищающий интересы государства.

Подводя итог, можно выйти на общетеоретическое понимание процессуального срока. Э. М. Васекина утверждает, что процессуальные сроки всегда происходят прежде всего из юридического процесса[1], а значит, из системы государственно-правовых закономерностей, из законодательства, являясь его первоэлементом, поэтому процессуальная природа предписания-срока имеет приоритетное значение[2]. Категория «процессуальный срок» понимается ею как обусловленный совокупностью физических, исторических, социальных и психологических признаков временной период, установленный юридической процессуальной нормой, обладающий свойствами симметричности, инвариантности, дополнительности и простоты, имеющий своей целью беспрепятственную реализацию предписаний материального права, с наступлением или истечением которого связано то или иное событие или действие (бездействие), имеющее правовое значение[3].

Особенности процессуальных сроков состоят в том, что они:

регулируют организационные отношения и отвечают на вопрос «в каком порядке (последовательности) совершать действия?» (т. е. процессуальные сроки выступают своего рода «инструкцией по применению» того или иного процесса, в нашем случае – конституционного судопроизводства);

обеспечивают беспрепятственную реализацию правоотношений в разумный срок, характеризуя состав их участников посредством определения лидирующих субъектов – носителей властных полномочий;

задействуют процессуальные санкции: признание юридически ущербным принятого решения, изменение, отмена и др.;

по отношению к материальным срокам зачастую носят производный, вспомогательный характер[4].

Процессуальные сроки являются одной из важнейших гарантий надлежащей защиты прав и свобод, а соответствие сроков в материальном и процессуальном праве выступает одним из ключевых условий при определении эффективности всего механизма правового регулирования[5].

Обобщая изложенные позиции относительно природы процессуального срока, приходим к выводу о том, что у каждого определения есть как общие, так и отличительные черты. Это наводит на мысль о невозможности существования единого легального понятия, поскольку в каждом виде судопроизводства имеются особенности, без учета которых не может быть дано грамотное с юридической и логической точек зрения определение.

Вместе с тем у всех процессуальных сроков можно выделить общие признаки:

это всегда либо промежуток, либо момент времени для выполнения процессуального действия;

---

[1] *Давыдова М. Л.* О юридической природе нормативно-правовых предписаний: основные научные концепции // Журн. рос. права. 2003. № 10. С. 84.

[2] *Васекина Э. М.* Юридические сроки: теоретико-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 115.

[3] Там же. С. 116–117.

[4] Там же. С. 117.

[5] Там же. С. 119.

устанавливается законом или судебным органом;

используется для совершения в строгой последовательности действий, для принятия решений, все это в рамках стадий того или иного судопроизводства;

предназначен для достижения целей конкретного судопроизводства;

выступает формой процессуальной гарантии соблюдения прав и свобод участников процесса, гарантии судопроизводства;

истечение влечет определенные юридические последствия.

Резюмируя сказанное, можно прийти к следующим выводам.

1. Определение процессуального срока должно получить легальное закрепление в нормах федерального законодательства, причем для конкретного судопроизводства такое определение должно быть дано максимально подробно, с учетом особенностей каждого из них. Такого рода установления позволят избежать разных юридических ошибок как законодателя, так и правоприменителей, которые могут возникать из-за терминологической путаницы.

2. Подходы к пониманию процессуального срока менялись с течением времени, однако наиболее статичными оставались темпоральные характеристики данного института. Видоизменению подвергались как раз те характеристики, которые были связаны с особенностями различных видов судопроизводства, но это напрямую зависело от меняющегося законодательства в той или иной сфере.

3. Сегодня наименее детально определение процессуального срока, да и в целом институт процессуальных сроков изучены в конституционном судебном процессе. Это позволяет говорить о необходимости дополнительных научных исследований в этой области.

Библиография

Арбитражный процесс: учеб. / под ред. В. В. Яркова. М., 1996.

Арбитражный процесс: учеб. для юрид. вузов и факультетов. 4-е изд. / под ред. М. К. Треушникова, В. М. Шерстюка. М., 2000.

Арбитражный процесс: учеб. пособие / отв. ред. Р. Е. Гукасян, В. Ф. Тараненко. М., 1996.

Бужинскас Г. П. Процессуальные сроки в советском гражданском судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1987.

Васекина Э. М. Юридические сроки: теоретико-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011.

Васильев Л. М. Процессуальные сроки в советском уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1971.

Гойхбарг А. Г. Курс гражданского процесса. М.; Л., 1928.

Гражданский процесс / под ред. К. С. Юдельсона. М., 1972.

Гражданский процесс: учеб. / отв. ред. В. В. Ярков. 3-е изд. М., 2000.

Гражданский процесс: учеб. / под ред. К. И. Комиссарова, Ю. К. Осипова. М., 1996.

Гражданское судопроизводство / под ред. В. М. Семенова. Свердловск, 1974.

Гуляев А. П. Процессуальные сроки в стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования. М., 1967.

Давыдова М. Л. О юридической природе нормативно-правовых предписаний: основные научные концепции // Журн. рос. права. 2003. № 10.

Дугенец А. С. Процессуальные сроки в производстве по делам об административных правонарушениях: моногр. М., 2002.

Исаева Е. В. Процессуальные сроки в гражданском процессуальном и арбитражном процессуальном праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004.

Калиновский К. Б. Процессуальные сроки в уголовном судопроизводстве и их регламентация по Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации // Ленинградский юрид. журн. 2005. № 2.

Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. В. Ф. Яковлева, М. К. Юкова. М., 2003.

Конституционное правосудие. Судебно-конституционное право и процесс: учеб. пособие / Н. В. Витрук. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2011.

Конституционный судебный процесс: учеб. / отв. ред. М. С. Саликов. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2014.

Косарева Н. В. Сроки в производстве по делам об административных правонарушениях: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013.

Кряжков В. А., Лазарев Л. В. Конституционная юстиция в Российской Федерации: учеб. пособие. М., 1998.

Маслов И. В. Актуальные проблемы правовой регламентации процессуальных сроков в досудебном производстве по уголовным делам: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003.

Мещерякова Т. Р. Сроки в административном законодательстве Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011.

Несмеянова С. Э. Конституционный судебный процесс в России: учеб. пособие. М., 2013.

О выполнении судами постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 августа 1993 г. № 7 «О сроках рассмотрения уголовных и гражданских дел судами Российской Федерации»: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 июня 1996 г. № 4 // Бюл. Верховного Суда РФ. 1996. № 8.

Панова И. В. Актуальные проблемы административного процесса в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2000.

Петрова Г. Б. Сроки как элемент правового регулирования в уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2004.

Победкин А. В., Яшин В. Н. Уголовный процесс: учеб. / под ред. В. П. Григорьева. М., 2004.

Сокол Р. П. Процессуальные сроки в судебных стадиях уголовного судопроизводства Российской Федерации: правовая регламентация и процессуальные особенности: дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2008.

Уголовно-процессуальное право (Уголовный процесс): учеб. для вузов / под ред. Г. П. Химичевой, О. В. Химичевой. М., 2004.

Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учеб. / отв. ред. П. А. Лупинская. М., 2003.

Фалькович М. С. Процессуальные сроки // Хоз-во и право. 1996. № 5.

Якупов Р. Х. Уголовный процесс: учеб. для вузов / науч. ред. В. П. Галузо. 5-е изд., испр. и доп. М., 2005.

Bibliography

Arbitrazhnyj process: ucheb. / pod red. V. V. Yarkova. M., 1996.

Arbitrazhnyj process: ucheb. dlya yurid. vuzov i fakul'tetov. 4-e izd. / pod red. M. K. Treushnikova, V. M. Sherstyuka. M., 2000.

Arbitrazhnyj process: ucheb. posobie / otv. red. R. E. Gukasyan, V. F. Taranenko. M., 1996.

Buzhinskas G. P. Processual'nye sroki v sovetskom grazhdanskom sudoproizvodstve: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. M., 1987.

Davydova M. L. O yuridicheskoj prirode normativno-pravovyx predpisanij: osnovnye nauchnye koncepcii // Zhurn. ros. prava. 2003. № 10.

Dugenec A. S. Processual'nye sroki v proizvodstve po delam ob administrativnyx pravonarusheniyax: monogr. M., 2002.

Fal'kovich M. S. Processual'nye sroki // Xoz-vo i pravo. 1996. № 5.

Gojxbarg A. G. Kurs grazhdanskogo processa. M.; L., 1928.

Grazhdanskij process / pod red. K. S. Yudel'sona. M., 1972.

Grazhdanskij process: ucheb. / otv. red. V. V. Yarkov. 3-e izd. M., 2000.

Grazhdanskij process: ucheb. / pod red. K. I. Komissarova, Yu. K. Osipova. M., 1996.

Grazhdanskoe sudoproizvodstvo / pod red. V. M. Semenova. Sverdlovsk, 1974.

Gulyaev A. P. Processual'nye sroki v stadiyax vozbuzhdeniya ugolovnogo dela i predvaritel'nogo rassledovaniya. M., 1967.

Isaeva E. V. Processual'nye sroki v grazhdanskom processual'nom i arbitrazhnom processual'nom prave: dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2004.

Kalinovskij K. B. Processual'nye sroki v ugolovnom sudoproizvodstve i ix reglamentaciya po Ugolovno-processual'nomu kodeksu Rossijskoj Federacii // Leningradskij yurid. zhurn. 2005. № 2.

Kommentarij k Arbitrazhnomu processual'nomu kodeksu Rossijskoj Federacii / pod red. V. F. Yakovleva, M. K. Yukova. M., 2003.

Konstitucionnoe pravosudie. Sudebno-konstitucionnoe pravo i process: ucheb. posobie / N. V. Vitruk. 3-e izd., pererab. i dop. M., 2011.

Konstitucionnyj sudebnyj process: ucheb. / otv. red. M. S. Salikov. 2-e izd., pererab. i dop. M., 2014.

Kosareva N. V. Sroki v proizvodstve po delam ob administrativnyx pravonarusheniyax: dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2013.

Kryazhkov V. A., Lazarev L. V. Konstitucionnaya yusticiya v Rossijskoj Federacii: ucheb. posobie. M., 1998.

Maslov I. V. Aktual'nye problemy pravovoj reglamentacii processual'nyx srokov v dosudebnom proizvodstve po ugolovnym delam: dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2003.

Meshheryakova T. R. Sroki v administrativnom zakonodatel'stve Rossijskoj Federacii: dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2011.

Nesmeyanova S. Eh. Konstitucionnyj sudebnyj process v Rossii: ucheb. posobie. M., 2013.

O vypolnenii sudami postanovleniya Plenuma Verxovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 24 avgusta 1993 g. № 7 «O srokax rassmotreniya ugolovnyx i grazhdanskix del sudami Rossijskoj Federacii»: postanovlenie Plenuma Verxovnogo Suda RF ot 25 iyunya 1996 g. № 4 // Byul. Verxovnogo Suda RF. 1996. № 8.

Panova I. V. Aktual'nye problemy administrativnogo processa v Rossijskoj Federacii: dis. ... kand. yurid. nauk. Ekaterinburg, 2000.

Petrova G. B. Sroki kak ehlement pravovogo regulirovaniya v ugolovnom sudoproizvodstve: dis. ... kand. yurid. nauk. Saratov, 2004.

Pobedkin A. V., Yashin V. N. Ugolovnyj process: ucheb. / pod red. V. P. Grigor'eva. M., 2004.

Sokol R. P. Processual'nye sroki v sudebnyx stadiyax ugolovnogo sudoproizvodstva Rossijskoj Federacii: pravovaya reglamentaciya i processual'nye osobennosti: dis. ... kand. yurid. nauk. Vladimir, 2008.

Ugolovno-processual'noe pravo (Ugolovnyj process): ucheb. dlya vuzov / pod red. G. P. Ximichevoj, O. V. Ximichevoj. M., 2004.

Ugolovno-processual'noe pravo Rossijskoj Federacii: ucheb. / otv. red. P. A. Lupinskaya. M., 2003.

Vasekina Eh. M. Yuridicheskie sroki: teoretiko-pravovoe issledovanie: dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2011.

Vasil'ev L. M. Processual'nye sroki v sovetskom ugolovnom processe: dis. ... kand. yurid. nauk. M., 1971.

Yakupov R. X. Ugolovnyj process: ucheb. dlya vuzov / nauch. red. V. P. Galuzo. 5-e izd., ispr. i dop. M., 2005.

ПРЕДПОСЫЛКИ ДЛЯ ПРИМЕНЕНИЯ АРБИТРАЖНЫМИ УПРАВЛЯЮЩИМИ УПРОЩЕННОЙ СИСТЕМЫ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ

Извеков Станислав Сергеевич
Преподаватель кафедры финансового права
Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург),
e-mail: ss.izvekov@gmail.com

Статья посвящена вопросам, возникающим в связи с исполнением арбитражными управляющими обязанностей по уплате налога на доходы физических лиц или применению специального режима – упрощенной системы налогообложения. Обозначаются существующие проблемы и ограничения использования специального режима налогообложения. Кроме того, исследуется вопрос о правовом статусе антикризисных управляющих и его соотношении со статусом адвокатов и нотариусов. Автор, с одной стороны, выделяет критерии для квалификации деятельности по арбитражному управлению в качестве особо рискованной предпринимательской деятельности и предлагает пути совершенствования правового регулирования налоговых обязательств, а с другой – формулирует условия восполнения существующих пробелов в налоговом законодательстве, позволяющие поставить точку в вопросе о правомерности применения специального режима налогообложения.

Ключевые слова: арбитражный управляющий, несостоятельность, неплатежеспособность, налоговые вопросы, налог на доходы физических лиц, специальный налоговый режим, упрощенная система налогообложения, пробел в праве

THE GROUNDS FOR APPLYING THE SIMPLIFIED TAX SYSTEM BY BANKRUPTCY MANAGERS

Izvekov Stanislav
Ural State Law University (Yekaterinburg),
e-mail: s.izvekov@gmail.com

The article is dedicated to the issues concerning the fulfillment of bankruptcy manager's duties to pay personal income tax or to use the simplified tax system. Problems and restrictions of the use of the special tax regime are identified. Moreover, the author investigates the legal status of anti-crisis managers and its relationship with the status of attorneys and notaries. On the one hand, the author highlights the criteria for classifying arbitration control as extra-risk business activities and offers some ways for improving legal regulation of tax liabilities; on the other hand, he specifies the conditions for filling existing gaps in tax law that will allow to put an end to the question on whether the use of the special tax regime is legal.

Key words: bankruptcy manager, insolvency, default, tax issues, personal income tax, special tax mode, simplified system of taxation, legal gap

Законодатель стремится расширить круг лиц, способных применять упрощенную систему налогообложения. Причин для этого, как известно, достаточно: с одной стороны, государство стимулирует предпринимательскую деятельность и рост экономики, с другой – снижает бюджетные расходы на администрирование и контроль за своевременностью и полнотой уплаты налогов (при общем режиме налогообложения расходы выше).

Обозначенная тенденция видна на примере п. 4 ст. 346[13] Налогового кодекса РФ, последовательные изменения которого с 2012 по 2017 г. увеличили предельную величину прибыли с 60 млн руб. до 150 млн руб.[1]

Пункт 3 ст. 346[12] НК РФ не ограничивает прямо или косвенно в применении упрощенной системы налогообложения (УСН) арбитражных управляющих.

Согласно ст. 20 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»[2] (далее – Закон о банкротстве) арбитражный управляющий является субъектом профессиональной деятельности и осуществляет профессиональную деятельность, занимаясь частной практикой. Арбитражный управляющий вправе заниматься иными видами профессиональной деятельности и предпринимательской деятельностью при условии, что такая деятельность не влияет на надлежащее исполнение им обязанностей, установленных настоящим Федеральным законом.

Рассматривая указанное положение, можно предположить, что деятельность по антикризисному управлению сопоставима с адвокатской, нотариальной и иной профессиональной деятельностью. Вместе с тем налоговое законодательство запрещает применение упрощенной системы налогообложения для таких лиц.

При этом профессиональная деятельность арбитражных управляющих ориентирована на управление бизнесом – непосредственное осуществление функций единоличного исполнительного органа юридического лица, находящегося в неплатежеспособном состоянии. Соответствующая деятельность имеет первостепенную цель восстановления финансового благополучия должника на основании эффективного антикризисного управления. Следовательно, профессиональная деятельность арбитражных управляющих в основе своей имеет существенные отличия от деятельности иных профессиональных субъектов (адвокатов, нотариусов и им подобных). Сообразно этой предпосылке редакция п. 3 ст. 346[12] НК РФ представляется корректной и не применимой ни при каком расширительном толковании к арбитражным управляющим.

Альтернативой специальному режиму налогообложения арбитражных управляющих выступает налог на доходы физических лиц, используя который субъекты профессиональной деятельности вправе применять профессиональные налоговые вычеты, предусмотренные ст. 221 НК РФ. Сфера применения профессионального налогового вычета относительно круга налогоплательщиков очерчена в ст. 227 НК РФ, где поименованы нотариусы, занимающиеся частной практикой, адвокаты, учредившие адвокатские кабинеты, и другие лица, занимающиеся в установленном законодательством порядке частной практикой. Законодатель и здесь не упомянул арбитражных управляющих, что позволяет на основе системного анализа и толкования приведен-

[1] О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 25 июня 2012 г. № 94-ФЗ (ред. от 30 ноября 2016 г.) // Офиц. интернет-портал правовой информации: URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 25.06.2012); О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации в связи с передачей налоговым органам полномочий по администрированию страховых взносов на обязательное пенсионное, социальное и медицинское страхование: Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 243-ФЗ (ред. от 30 ноября 2016 г.) // Там же (дата обращения: 04.07.2016); О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 30 ноября 2016 г. № 401-ФЗ // Там же (дата обращения: 30.11.2016).

[2] О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ (ред. от 3 июля 2016 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 1 января 2017 г.) // СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.

ных положений налогового законодательства допустить применение упрощенного режима налогообложения в отношении антикризисных управляющих.

Любые меры по искусственному включению арбитражных управляющих в круг лиц, которым запрещено применение упрощенной системы налогообложения, являются необоснованными и противоречат законодательству о налогах и сборах. Собственно, позиция, запрещающая арбитражным управляющим применять специальный режим налогообложения, в определенной степени входит в противоречие с тенденцией к расширению применения упрощенной системы налогообложения.

Тем не менее повод для поставленной дискуссии имеется, а значит, необходимо рассмотреть аргументы pro et contra и сделать вывод о назревшей потребности в совершенствовании юридической техники НК РФ, ограничивающей применение УСН арбитражными управляющими, или о ликвидации правоприменительной практики, «в обход закона» запрещающей использование специального режима налогообложения.

Рассмотрим вопрос в историческом аспекте и выделим основные подходы к поставленной нами задаче.

До 1 января 2011 г. арбитражные управляющие в подавляющем большинстве случаев осуществляли свою деятельность, оформляя статус индивидуального предпринимателя, что само по себе свидетельствует об отношении субъекта к характеру выполняемой профессиональной деятельности как предпринимательской.

Согласно ст. 2 Гражданского кодекса РФ предпринимательской является самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг лицами, зарегистрированными в этом качестве в установленном законом порядке. Безусловно, арбитражное управление – это систематическая деятельность, направленная на извлечение прибыли в результате оказания услуг. Ключевой фактор: рисковая деятельность проявляется в особой форме. По нашему мнению, эта деятельность выступает особо рисковой, что подтверждается Законом о банкротстве, возлагающим на арбитражных управляющих обязанность страховать свою ответственность, что сопоставимо с обязанностями организаторов долевого строительства, оценщиков и аудиторов по страхованию собственной ответственности и правовым режимом страхования вкладов, осуществляемым кредитными организациями.

Повсеместное использование статуса индивидуального предпринимателя для арбитражного управления не вызывало вопросов о легальности применения УСН до 1 января 2011 г.

В результате внесенных изменений[1] с 1 января 2011 г. более не требуется регистрация в качестве индивидуального предпринимателя для осуществления деятельности арбитражного управляющего. Несмотря на отсутствие прямого запрета использования специального режима налогообложения, а также в связи с сохранением норм налогового законодательства о лицах, занятых частной практикой, возникла ситуация правовой неопределенности.

Споры с арбитражными управляющими потребовали разъяснений компетентных ведомств. Минфин России в письмах от 7 октября 2013 г. № 03-11-11/41429, от 30 апреля 2013 г. № 03-11-11/15591, от 4 июля 2012 г. № 03-11-11/201 и ФНС России в письме

[1] О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)»: Федеральный закон от 30 декабря 2008 г. № 296-ФЗ // Рос. газ. 2008. 31 дек.

от 31 июля 2012 г. № ЕД-3-3/2676 выразили мнение о том, что доходы арбитражного управляющего, полученные с 1 января 2011 г. от деятельности в качестве арбитражного управляющего, облагаются НДФЛ.

Альтернативная позиция сформулирована судебными инстанциями. Например, в постановлении Федерального арбитражного суда Уральского округа от 11 сентября 2013 г. по делу № А60-49811/2012 удовлетворено заявление арбитражного управляющего и отказано налоговому органу в привлечении к налоговой ответственности. Схожая точка зрения изложена в постановлении Федерального арбитражного суда Московского округа от 28 июня 2013 г. по делу № А40-149484/12-99-667, постановлениях Федерального арбитражного суда Центрального округа от 14 августа 2013 г. по делу № А09-5686/2012, от 18 октября 2013 г. по делу № Ф10-2919/2013, постановлениях Федерального арбитражного суда Уральского округа от 13 ноября 2013 г. по делу № Ф09-11359/2013, от 11 сентября 2013 г. по делу № Ф09-8151/2013, от 25 декабря 2013 г. по делу № Ф09-13623/2013, от 16 января 2014 г. по делу № Ф09-14310/2013, постановлении Двадцатого арбитражного апелляционного суда от 18 апреля 2013 г. по делу № А09-5686/2012, постановлении Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 22 июля 2013 г. по делу № А48-373/2013. Таким образом, ряд судов достаточно высокого уровня решили споры в пользу налогоплательщиков, подтвердив безусловное право использовать упрощенную систему налогообложения.

Российский союз саморегулируемых организаций арбитражных управляющих, осознавая всю серьезность грозящих изменений, 12 сентября 2013 г. направил запросы в Федеральную налоговую службу и Высший Арбитражный Суд РФ[1], однако повлиять на формирующийся подход в конструктивном ключе не смог.

Президиум ВАС РФ в постановлении от 4 марта 2014 г. № 17283/13 указал, что отсутствие у арбитражного управляющего обязанности регистрироваться в качестве индивидуального предпринимателя не исключает его права на получение такого статуса. В дальнейшем Минфин России временно согласился с позицией Президиума ВАС РФ в письме от 10 октября 2014 г. № 03-11-09/51051 (направлено с письмом ФНС России от 23 декабря 2014 г. № ГД-4-3/26477@). Финансисты указали на необходимость при решении вопроса о применении УСН арбитражными управляющими, зарегистрированными в качестве индивидуального предпринимателя и получающими доходы только от частной практики, осуществляемой в соответствии с Законом о банкротстве, руководствоваться этим постановлением Президиума ВАС РФ. Однако промежуточные решения уполномоченных органов следует интерпретировать как некоторую политическую реакцию на происходящие изменения в судебной арбитражной практике, а не как действительно самостоятельное процессуальное или правовое положение.

В дальнейшем позицию судебных инстанций в очередной раз скорректировал Верховный Суд РФ в п. 13 Обзора практики рассмотрения судами дел, связанных с применением главы 23 Налогового кодекса Российской Федерации (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 21 октября 2015 г.), ссылаясь на определения Верховного Суда РФ от 21 января 2015 г. № 87-КГ14-1 и от 14 сентября 2015 г. № 301-КГ15-5301. Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда РФ поддержала позицию налогового органа о том, что арбитражные управляющие, являясь субъектами профессиональной деятельности, не вправе использовать УСН при налогообло-

[1] *Сачев М. В.* Борьба арбитражных управляющих за УСН // URL: http://sachev.ru/bankrotstvo_rossijskaya_praktika2.htm (дата обращения: 07.02.2017).

жении полученного ими вознаграждения и обязаны уплачивать налог на доходы физических лиц. Тем самым ранее выраженная в постановлении от 4 марта 2014 г. № 17283/13 позиция Президиума ВАС РФ в очередной раз изменилась.

Минфин РФ транслировал запрет на УСН для арбитражных управляющих в письме от 19 ноября 2015 г. № 03-04-05/66963. Окончательная на текущий момент официальная правовая позиция по этому спорному вопросу заключается в том, что в силу п. 3 ст. 346[11] НК РФ применение упрощенной системы налогообложения предусматривает освобождение от обязанности по уплате налога на доходы физических лиц в отношении тех доходов, которые были получены от предпринимательской деятельности налогоплательщика, зарегистрированного в качестве индивидуального предпринимателя.

Согласно п. 1 ст. 20 Закона о банкротстве арбитражный управляющий является субъектом профессиональной деятельности и осуществляет регулируемую данным Законом профессиональную деятельность, занимаясь частной практикой. При этом арбитражный управляющий вправе заниматься иными видами профессиональной деятельности и предпринимательской деятельностью при условии, что такая деятельность не влияет на надлежащее исполнение им обязанностей, установленных указанным Законом. Руководствуясь приведенными нормами, можно заключить, что Закон о банкротстве в определенной степени разграничивает профессиональную деятельность арбитражных управляющих и иную предпринимательскую деятельность. По нашему мнению, использованная юридическая техника ориентировала правоприменителя на отсутствие запрета арбитражным управляющим заниматься иной предпринимательской деятельностью. Формулировка приведена для того, чтобы избежать толкования в пользу запрета по аналогии для иных самозанятых лиц на осуществление предпринимательской деятельности, как, например, у адвокатов или нотариусов. Обратная интерпретация спровоцировала порочный круг споров относительно статуса налогоплательщика и правового режима налогообложения доходов особого субъекта.

Предполагаемое общедозволительное регулирование означало бы при верном подходе лишь необходимость раздельного налогового учета доходов арбитражных управляющих от деятельности по антикризисному управлению и от иной предпринимательской деятельности, что само по себе не свидетельствует о запрете использования специального налогового режима.

Согласимся с О. Турбиной[1], полагающей перечень, определенный в п. 3 ст. 346[12] НК РФ, закрытым и не подлежащим расширительному толкованию. При этом, по нашему мнению, ошибочна позиция указанного автора о необходимости обложения доходов арбитражных управляющих налогом на доходы физических лиц. Соответствующий подход представляется противоречивым, но, к сожалению, в полной мере отражает позицию правоприменителя.

В целом сообщество арбитражных управляющих однозначно негативно восприняло подход судебных инстанций, запрещающий применять УСН. Примечателен взгляд В. С. Рождественского на вопрос налогообложения арбитражных управляющих налогом на доходы физических лиц. Арбитражный управляющий отмечает непоследовательную позицию высшей судебной инстанции по спорной теме[2], возводя

[1] *Турбина О.* Вопрос-ответ // ЭЖ Вопрос-Ответ. 2016. № 2. С. 32–35.

[2] *Рождественский В. С.* Сколько стоит арбитражный управляющий? Как регулируется банкротство // Финансовая газ. 2016. № 1. С. 9, 12–13; № 2. С. 14–15.

в ранг «чуда» определение Коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 14 сентября 2015 г. по делу № 301-КГ15-5301 – единичный случай после происшедших изменений, позволивший арбитражным управляющим, сохранившим статус индивидуального предпринимателя и применявшим ранее УСН, продолжить отчитываться в установленном правовым режимом порядке по ранним периодам. Верховный Суд, хоть и запретил арбитражным управляющим использовать УСН, указал, что на основании ст. 54 Конституции РФ недопустимо придание обратной силы правовым нормам, ухудшающим положение лиц, на которых распространяется их действие, а значит, недопустимо ухудшение положения арбитражных управляющих как налогоплательщиков, являющихся подчиненной (слабой) стороной в публичных правоотношениях. Арбитражный управляющий, имеющий статус индивидуального предпринимателя, вправе применять специальный режим налогообложения только за периоды, предшествующие утвержденному Президиумом ВС РФ Обзору судебной практики ВС РФ № 2 за 2015 г., но до 2011 г. При этом основная мысль верховной инстанции препятствует налоговому органу доначислить арбитражным управляющим налог на доходы физических лиц, которые они получили в предшествующие периоды.

С учетом общеизвестных правовых позиций Конституционного Суда РФ о применении и толковании ст. 1, 5 НК РФ Закон о банкротстве не может порождать налоговые нормы, так как для этого есть закон прямого применения; адвокаты и нотариусы не применяют УСН только потому, что это им прямо запрещено налоговым законодательством; на практике кроме арбитражных управляющих достаточно много иных субъектов профессиональной деятельности, применяющих в своей хозяйственной деятельности УСН.

Существующая на практике ситуация не может считаться в полной мере соответствующей нормам позитивного права, а отсутствие в настоящий момент споров о применении УСН арбитражными управляющими не является определяющим фактором для отказа от совершенствования законодательства.

Законодатель заинтересован в расширении применения УСН, в связи с чем корректирует и последовательно расширяет круг лиц, способных применять специальный режим. По некоторым исследованиям, бюджетная система РФ ежегодно получает дополнительно 500 млн руб. в результате перевода арбитражных управляющих с УСН на НДФЛ. При этом вне поля зрения экономистов и специалистов статистического учета остался вопрос сокращения числа членов профессионального сообщества как соответствующий аспект уменьшения налоговых доходов бюджетной системы. Кроме того, иные изменения правового статуса арбитражных управляющих, связанные с усилением персональной ответственности, негативно повлияли на общую численность этой группы налогоплательщиков.

Положения НК РФ об упрощенном режиме налогообложения смоделированы таким образом, что позволяют применять специальный режим налогообложения всем налогоплательщикам, кроме отдельных категорий лиц. Тем самым любые указания на наличие права применения специального режима налогообложения конкретной группой налогоплательщиков, в нашем случае арбитражными управляющими, противоречат принципам налогового права: недискриминации и равенства налогоплательщиков, отсутствия необоснованных приоритетов. Иной подход поведет к необоснованному положению арбитражных управляющих в налоговых отношениях «пер-

вый среди равных». Тем более предоставление арбитражным управляющим права применять упрощенную систему налогообложения в Законе о банкротстве не только противоречит принципам построения налогового законодательства (ст. 1, 5 НК РФ), но и подрывает доверие к государственной власти как неспособной соблюдать системообразующие рамки отраслей права. Вместе с тем законодатель не может адекватно отреагировать на веяния судебной практики и сломать сформировавшийся подход путем формальной замены либо дополнительного разъяснения или введения норм. Следовательно, судебно-правовой подход к толкованию и применению существующих норм может изменить лишь разъяснение или «отрицательное» законодательное решение Конституционного Суда РФ.

Иной выход из сложившейся ситуации возможен, но он диаметрально противоположен: прямо предусмотреть фигуру арбитражных управляющих в НК РФ наряду с другими субъектами, осуществляющими частную профессиональную деятельность. Реализация этого варианта способствует гармонизации законодательства и сформировавшейся правоприменительной практики. Для этого необходимо внести изменения и дополнения в положения ст. 227, п. 3 ст. 346[12] НК РФ.

По нашему мнению, статус арбитражных управляющих, их профессиональная деятельность являются исключительно предпринимательскими по своей правовой природе, соответственно, ограничения для применения специального режима налогообложения для субъектов профессиональной деятельности, осуществляющих в определенной степени делегированные им публично-правовые функции (адвокаты, нотариусы и пр.), не распространимы на антикризисных управляющих. На арбитражных управляющих возложена функция по эффективному управлению лицами, испытывающими проблемы с платежеспособностью. Предполагается, что арбитражный управляющий – это высококвалифицированный управленец, опытный предприниматель, способный с учетом имеющихся компетенций восстановить платежеспособность хозяйствующего субъекта или изыскать возможность для максимального удовлетворения требований кредиторов и уполномоченного органа. В делах о банкротстве достаточно субъектов, обладающих публично-правовым статусом (уполномоченный орган, контролирующий орган, арбитражный суд, саморегулируемые организации), а сама сфера правового регулирования традиционно относится к цивилистическим наукам. Искусственное расширение круга публично-правовых субъектов в угоду бюджетным интересам не способствует обособлению отрасли права и фундаментальному целостному становлению института частноправовых отношений. Следовательно, арбитражное управление в российском правопорядке – это специализированная профессиональная предпринимательская деятельность с квалифицированным риском. В любом случае несовершенство юридической техники и квалификация правового положения арбитражных управляющих с точки зрения их статуса налогоплательщика «в обход закона» требуют от законодателя восполнения допущенного пробела или радикального решения вопроса о налогообложении доходов, полученных от специальной экономической деятельности.

Библиография

О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)»: Федеральный закон от 30 декабря 2008 г. № 296-ФЗ // Рос. газ. 2008. 31 дек.

О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 25 июня 2012 г.

№ 94-ФЗ (ред. от 30 ноября 2016 г.) // Офиц. интернет-портал правовой информации: URL: http://www.pravo.gov.ru.

О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации в связи с передачей налоговым органам полномочий по администрированию страховых взносов на обязательное пенсионное, социальное и медицинское страхование: Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 243-ФЗ (ред. от 30 ноября 2016 г.) // Офиц. интернет-портал правовой информации: URL: http://www.pravo.gov.ru.

О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 30 ноября 2016 г. № 401-ФЗ // Офиц. интернет-портал правовой информации: URL: http://www.pravo.gov.ru.

О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ (ред. от 3 июля 2016 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 1 января 2017 г.) // СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.

Рождественский В. С. Сколько стоит арбитражный управляющий? Как регулируется банкротство // Финансовая газ. 2016. № 1–2.

Сачев М. В. Борьба арбитражных управляющих за УСН // URL: http://sachev.ru/bankrotstvo_rossijskaya_praktika2.htm.

Турбина О. Вопрос-ответ // ЭЖ Вопрос-Ответ. 2016. № 2.

Bibliography

O nesostoyatel'nosti (bankrotstve): Federal'nyj zakon ot 26 oktyabrya 2002 g. № 127-FZ (red. ot 3 iyulya 2016 g.) (s izm. i dop., vstup. v silu s 1 yanvarya 2017 g.) // SZ RF. 2002. № 43. St. 4190.

O vnesenii izmenenii v Federal'nyj zakon «O nesostoyatel'nosti (bankrotstve)»: Federal'nyj zakon ot 30 dekabrya 2008 g. № 296-FZ // Ros. gaz. 2008. 31 dek.

O vnesenii izmenenij v chasti pervuyu i vtoruyu Nalogovogo kodeksa Rossijskoj Federacii i otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii: Federal'nyj zakon ot 25 iyunya 2012 g. № 94-FZ (red. ot 30 noyabrya 2016 g.) // Ofic. internet-portal pravovoj informacii: URL: http://www.pravo.gov.ru.

O vnesenii izmenenij v chasti pervuyu i vtoruyu Nalogovogo kodeksa Rossijskoj Federacii v svyazi s peredachej nalogovym organam polnomochij po administrirovaniyu straxovyx vznosov na obyazatel'noe pensionnoe, social'noe i medicinskoe straxovanie: Federal'nyj zakon ot 3 iyulya 2016 g. № 243-FZ (red. ot 30 noyabrya 2016 g.) // Ofic. internet-portal pravovoj informacii: URL: http://www.pravo.gov.ru.

O vnesenii izmenenij v chasti pervuyu i vtoruyu Nalogovogo kodeksa Rossijskoj Federacii i otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii: Federal'nyj zakon ot 30 noyabrya 2016 g. № 401-FZ // Ofic. internet-portal pravovoj informacii: URL: http://www.pravo.gov.ru.

Rozhdestvenskij V. S. Skol'ko stoit arbitrazhnyj upravlyayushhij? Kak reguliruetsya bankrotstvo // Finansovaya gaz. 2016. № 1–2.

Sachev M. V. Bor'ba arbitrazhnyx upravlyayushhix za USN // URL: http://sachev.ru/bankrotstvo_rossijskaya_praktika2.htm.

Turbina O. Vopros-otvet // EhZh Vopros-Otvet. 2016. № 2.

КИТАЙ И ВТО: ИНТЕГРАЦИЯ В КЛУБ МИРОВЫХ ДЕРЖАВ КАК ДОЛГОВРЕМЕННАЯ СТРАТАГЕМА?

Муратшина Ксения Геннадьевна
Кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург),
e-mail: ksenia.muratshina@urfu.ru

Шевелева Валерия Петровна
Магистрант Московского государственного института международных отношений (Университет) МИД России (Москва),
e-mail: sheveleva.v.p@my.mgimo.ru

Статья посвящена особенностям, условиям и результатам интеграции Китайской Народной Республики во Всемирную торговую организацию. Актуальность темы определяется истечением 15-летнего срока членства КНР в ВТО и коренным изменением ее подхода к участию в Организации, а именно постановкой вопроса о смене статуса с «развивающейся экономики» на «развитую». Авторами рассмотрены основные этапы присоединения КНР к ВТО, взаимоотношения с ЕС и США в этом вопросе, условия членства, а также политика КНР в рамках ВТО. В качестве источников использованы дипломатические документы, законодательные акты КНР, актуальные материалы мировых СМИ.

Ключевые слова: ГАТТ, ВТО, Китай, США, ЕС, международная торговля

CHINA AND THE WTO: INTEGRATION INTO WORLD POWERS' CLUB AS A LONGTERM STRATAGEM?

Muratshina Kseniya
Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Yekaterinburg),
e-mail: ksenia.muratshina@urfu.ru

Sheveleva Valeriya
Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (Moscow), e-mail: sheveleva.v.p@my.mgimo.ru

The article discusses features, conditions and results of the integration of the People's Republic of China into the World Trade Organization. The relevance of problem for international studies is high due to the fact that 2016 has witnessed the end of the 15-year initial term of Chinese WTO membership, and Beijing's basic approach to it has changed. Currently, PRC applies for a developed economy status in the WTO instead of earlier-claimed developing economy status. The authors analyze the stages of China's entry into the WTO, the terms of its membership, the PRC – EU and PRC – USA relations factor and China's policy in WTO. The research is based on the study of diplomatic documents, legal acts and a variety of media sources.

Key words: GATT, WTO, China, USA, EU, international trade

В феврале 2017 г. верховный представитель ЕС по иностранным делам и политике безопасности Ф. Могерини на переговорах с министром иностранных дел Китая Ван И сделала потенциально важное для всей мировой торговли заявление: Евросоюз готов оказать поддержку КНР в вопросе признания ее в рамках Всемирной торговой организации рыночной экономикой, тогда как до сих пор ее относили к развивающимся[1]. В связи с этим имеет смысл проанализировать, как осуществлялась интеграция китайской экономики в ВТО и для чего ей понадобилась столь кардинальная смена статуса, ведь еще недавно премьер Госсовета КНР настаивал на том, что Китай является развивающейся страной[2], а глава Государственного статистического управления КНР показательно отрицал выводы МВФ об объеме китайской экономики[3].

Образованная в 1949 г. Китайская Народная Республика стала принимать участие в работе ГАТТ лишь в 1980-х гг., после начала периода реформ и открытости. Вопрос о присоединении Китая к ВТО решался в несколько этапов. Первым стал период 1986–1989 гг. Переговоры, по сути, были начаты именно тогда, но так же быстро и свернуты в связи с осуждением практически всеми странами Запада подавления выступлений на площади Тяньаньмэнь. На следующем этапе – с 1990 г. до момента преобразования ГАТТ в ВТО в 1995 г. – процесс продолжился, но приобрел затяжной характер, в том числе в связи с переходным состоянием реформируемой китайской экономики в то время, и активизировался лишь в 1993–1994 гг.[4]

Именно тогда обозначился главный вопрос, существенно затормозивший переговоры: считать Китай в рамках вступления в ВТО развитой страной или развивающейся? Страны Запада, составляющие костяк Всемирной торговой организации, были заинтересованы в первом варианте, так как это позволяло им добиться от КНР выполнения обязательств по обеспечению рыночного характера экономики, увеличению доступа на ее внутренний рынок, а также организации на ее территории предприятий со 100 %-м иностранным капиталом. Главными основаниями назывались высокий уровень вовлеченности Китая в международные экономические связи и доля внешней торговли в ВНП более 40 %[5]. Таким образом, крупнейшие на тот момент акторы мировой экономики – ЕС и США – стремились к тому, чтобы к ВТО Китай присоединился на условиях, выгодных прежде всего для их потенциального сотрудничества с ним. Китайская сторона в ходе переговоров, напротив, настаивала на том, что если подходить к анализу ее показателей с позиций классификации Всемирного банка, то ее экономика является развивающейся, с низким уровнем национального дохода (210 долл.) и ВВП (475 долл.) на душу населения[6]. Требования западных стран отвергались постольку, поскольку их принятие привело бы к необходимости соблюдать все права и обязанности члена ВТО в полной мере, с либерализа-

[1] Евросоюз пообещал Китаю помощь по признанию КНР рыночной экономикой в рамках ВТО // Пульс планеты – Азия. ИТАР-ТАСС. 2017. 17 февр.

[2] О борьбе с бедностью // Вестн. Азия. ИТАР-ТАСС. 2012. 25 июня.

[3] Китай открестился от статуса крупнейшей экономики в мире // Новости Mail.ru. 2015. 22 янв. URL: https://news.mail.ru/economics/20806703/?idc=1.

[4] *Попова Л. В.* Присоединение Китая к ВТО: опыт переговоров и первые результаты // Вестн. Санкт-Петербургского ун-та. 2006. № 2. URL: http://worldec.ru/content/Vestnik/2006%20%E2%84%96%202%20%D0%9F%D0%BE%D0%BF%D0%BE%D0%B2%D0%B0.pdf.

[5] Присоединение Китая к Всемирной торговой организации: условия и последствия // Аналитические доклады Научно-координационного совета по международным исследованиям МГИМО (У) МИД России. 2007. Вып. 1. URL: http://www.mgimo.ru/files2/y01_2012/218647/ad-16.pdf.

[6] Там же.

цией таможенной политики и вынужденной конкуренцией национальных производителей с зарубежными поставщиками. А это не отвечало интересам КНР.

После преобразования ГАТТ в ВТО переговоры продолжились. На завершающем этапе главным фактором стало урегулирование китайской стороной своих торговых взаимоотношений с США и ЕС, т. е. акторами, чей голос мог стать решающим в вопросе принятия страны в ВТО. И здесь, нужно отметить, Пекин пошел на существенные уступки.

С США в 1999 г. было заключено специальное (!) двустороннее соглашение, которое так и называлось «Соглашение по торговле и вступлению КНР в ВТО». Его условия в основном сводились к снижению тарифов на импорт самых разнообразных товаров из США, включая электронику, медицинское оборудование, продукцию сельского хозяйства (например, пошлины на говядину снижались с 45 до 12 %, на сыры – с 50 до 12 % и т. д.), химической промышленности и другие товарные группы. Также Китай отказывался от количественных ограничений импорта по ряду позиций. Наконец, КНР обязалась снять часть ограничений на работу иностранных компаний на национальном рынке страховых и телекоммуникационных услуг (в первом случае доля иностранного бизнеса должна была составить 50 %, во втором – до 51 %). Все изменения должны были быть воплощены в жизнь в течение сравнительно небольших сроков: к 2003, 2006 гг. и т. д.[1]

МИД КНР лаконично, если не сказать стыдливо, характеризовал Соглашение как успешное, по схеме «win-win»[2]. В США же в ходе слушаний в Конгрессе были отмечены «возможности», которые подписание документа открывало для американской стороны, «крупные уступки» КНР и даже то, что Соглашение должно было способствовать «расширению в Китае экономических и политических свобод»[3].

С другим важнейшим актором в ВТО – Европейским союзом – КНР также пришлось заключить специальное соглашение и пойти на уступки. Результатом стали следующие обязательства китайской стороны: увеличение доли иностранного участия на рынке телекоммуникационных услуг (через год после вступления этот показатель должен был составить 35 %, через три года – 49 %); доступ европейских компаний на национальный рынок страховых услуг (единовременная выдача семи новых лицензий, далее в течение двух лет действует положение «50 на 50», с третьего года доля иностранных страховщиков может превышать долю национальных, а с пятого снимаются все ограничения); снижение импортных пошлин на европейские товары (от виски до стройматериалов, от обуви до изделий из стекла и керамики; наиболее серьезное уменьшение претерпели тарифы на спиртные напитки (с 65 до 10 %), на изделия из кожи (с 20–25 до 10 %), на косметику (с 30 до 10 %), на изделия из стекла (с 24,5 до 5 %), на отдельные виды продукции машиностроения – с 35 до 5–10 %); либерализация по ранее существовавшим квотам на ввоз из ЕС удобрений, открытие доступа в эту сферу частных компаний; отказ от экспортной монополии государства

[1] U. S. – China Bilateral WTO Agreement. November 15, 1999 // The White House. URL: https://clinton4.nara.gov/WH/New/WTO-Conf-1999/factsheets/fs-004.html.

[2] Bilateral Agreement on China's Entry into the WTO between China and the United States // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. URL: http://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/ziliao_665539/3602_665543/3604_665547/t18051.shtml.

[3] U. S. – China Bilateral Agreement and the Accession of China to the WTO. Hearing before the Committee on Ways and Means. House of Representatives // URL: https://www.gpo.gov/fdsys/pkg/CHRG-106hhrg67129/html/CHRG-106hhrg67129.htm.

на шелк-сырец (европейским компаниям теперь разрешалось приобретать материал напрямую у китайских производителей).

В дополнение к этим и другим мерам Китай обязывался обеспечить полную прозрачность и недискриминационный режим для европейской стороны в госзакупках и отказаться от мер поддержки национальных производителей посредством ценообразования в фармацевтической отрасли и контроля за реализацией импортированной продукции табачной промышленности и спиртных напитков[1].

Как видим, уступки в обоих случаях были более чем серьезными, заключенные Китаем соглашения практически однозначно отвечали интересам ЕС и США. Можно отметить в этой ситуации два очень показательных момента. Во-первых, желание китайской стороны вступить в ВТО было настолько сильно, что ради этого можно было поступиться частью своих интересов, а значит, имелась некая скрытая мотивация, особые основания. О них речь пойдет позже. Во-вторых, мы видим, что принятие Китая в итоге в члены этого своеобразного мирового экономического «клуба» оказалось связано отнюдь не с выдающимися успехами в деле построения рыночной экономики, а с простой готовностью китайского руководства пойти на те условия, которых потребовали их западные контрагенты, что весьма недвусмысленно указывает на внешнеэкономические приоритеты КНР в выборе партнеров на международной арене.

Вскоре после того как Пекин заручился таким образом поддержкой США и ЕС, переговоры завершились, в 2001 г. был подписан протокол о присоединении КНР к ВТО. В Организацию Китай входил на правах развивающейся страны. Наиболее специфическими условиями считаются следующие:

право на субсидирование своей сельскохозяйственной отрасли;

право на переходный период в понижении импортных пошлин и открытии внутреннего рынка;

право на субсидирование производства (кроме экспортного);

право оставить в силе государственное регулирование цен на основные виды товаров;

отказ в течение переходного периода от различных нетарифных мер внешнеторгового регулирования[2].

Результатом принятия Китая в ВТО можно считать выигрыш нескольких групп акторов: китайского руководства и бизнеса, с одной стороны, и крупных западных ТНК – с другой. Именно после вступления в ВТО за КНР, как отмечают зарубежные наблюдатели, окончательно закрепился статус «мировой фабрики» и страна «была глубоко интегрирована в глобальные производственные сети»[3]. ТНК получили больше возможностей в создании совместных предприятий и своих производств, а руководство КНР – больший, особенно учитывая благосклонность своих крупных партнеров после заключения соглашений о тарифных уступках, размах экспортной активности. Правда, активность эта осуществлялась за счет сильнейшей эксплуатации природных и человеческих ресурсов. Одновременно с превращением в одного из

[1] The SINO – EU agreement on China's accession to the WTO // European Commission. URL: http://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2003/april/tradoc_111851.pdf.

[2] *Попова Л. В.* Указ. соч.

[3] *Ford P.* How WTO membership made China the workshop of the world // Christian Science Monitor. 2011. 14 Dec. URL: http://www.csmonitor.com/World/Asia-Pacific/2011/1214/How-WTO-membership-made-China-the-workshop-of-the-world.

главных потребителей ресурсов мира Китай стал и одним из основных источников загрязнения окружающей среды в глобальном масштабе[1].

В КНР широко отмечалось 10-летие вступления в ВТО, результаты этого периода были оценены как успешные, а одним из главных элементов выигрыша называлось освобождение экспорта страны от квот, которые ранее могли применять импортеры. Крупнейшие прибыли позволили ряду китайских ТНК сравняться по финансовой мощи с мировыми лидерами[2].

Что касается обязательств КНР и требований ВТО, то они постепенно выполнялись. С ними, в частности, соотносились даже реформы государственного управления (а именно реорганизация торговых ведомств)[3]. Были предприняты изменения и на рынке услуг. С 2003 г. посредством принятия нового закона о коммерческих банках была повышена норма владения акциями китайских кредитных организаций для иностранных банков[4]. Новый закон о страховании также зафиксировал права иностранных акторов[5]. Китайская сторона принимала «коррекционные меры», но подчеркивала, что «специфика „социалистической рыночной экономики“ не позволяет в полной мере проводить чисто рыночную политику», «в ближайшем будущем полная прозрачность китайской экономики нереальна, поскольку правительственные и административные методы продолжают оказывать существенное влияние»[6]. Кроме уступок Западу картину омрачала ст. 15 протокола о присоединении к ВТО, согласно которой по истечении 15-летнего срока членства КНР другие члены Организации получат право на свободное использование в своих интересах механизмов расчета пошлин в случае антидемпинговых расследований в отношении китайской стороны. Однако до истечения этого срока было еще далеко, а Китай к тому же начал в некоторых ситуациях сознательно нарушать условия протокола, вводя, например, экспортные ограничения на вывоз редкоземельных металлов под девизом соблюдения природоохранных норм без аналогичных одновременных ограничений для внутренних потребителей[7]. Можно предположить, что таким способом создавался некий прецедент нарушения условий присоединения к ВТО, который мог быть использован Пекином позднее в своих интересах.

Пожалуй, главное преимущество членства в ВТО для Китая состояло в том, что теперь любое антидемпинговое расследование любого государства против китайских производителей или попытки количественно ограничить импорт Пекин встречал отсылкой к «правилам ВТО» и необходимости восстановить справедливость в виде

---

[1] *Бурнасов А. С., Ковалев Ю. Ю., Степанов А. В.* Парадигма асимметричного общественного развития в системе международных отношений «Север-Юг» // Известия Уральского федер. ун-та. Сер. 3: Обществ. науки. 2013. Т. 115. № 2. С. 119.

[2] A decade of success with the WTO // Shanghai Daily. 2011. 9 Dec. URL: http://www.china.org.cn/business/2011-12/09/content_24113955.htm.

[3] *Красильников Д. Г., Сивинцева О. В., Троицкая Е. А.* Институциональная эволюция административных реформ в Китае и России: взаимный обмен опытом // Вестн. Пермского ун-та. Политология. 2015. № 4. С. 196.

[4] 境外金融机构投资入股中资金融机构管理办法 // URL: http://www.cbrc.gov.cn/chinese/home/docDOC_ReadView/295.html.

[5] 中华人民共和国主席令 // URL: http://www.gov.cn/flfg/2009-02/28/content_1246444.htm.

[6] *У Сэчжи.* Итоги вступления Китая в ВТО и перспективы на будущее // Китай: актуальные проблемы внешней политики в освещении политологов КНР, Тайваня и Сингапура. М., 2007. С. 79, 82.

[7] *Исполинов А.* Китай пока проигрывает, но все настойчивее требует пересмотра условий своего присоединения к ВТО // Zakon.ru. 2014. 8 July. URL: https://zakon.ru/blog/2014/7/8/kitaj_poka_proigryvaet_no_vse_nastojchivee_trebuet_peresmotra_uslovij_svoego_prisoedineniya_k_vto.

«недискриминационных» режимов. По статистике, кропотливо собранной Министерством коммерции КНР, только в 2010 г. 70 % антидемпинговых расследований в мировой торговле были направлены против Китая. Большая часть обвинений, как отмечает Министерство, была отклонена[1]. В основном споры происходили между Китаем и США[2]. При этом Китай, кстати, тоже пытался использовать все возможности членства в ВТО и инициировал 17 жалоб против США и ЕС[3]. Претензии в ВТО, как правило, рассматриваются долго, но, например, жалоба 2013 г. на антидемпинговые меры в отношении китайских товаров со стороны США в 2016 г. была удовлетворена[4]. Правда, Китай тогда сам же подал апелляцию (при том что США против исхода дела не протестовали), поскольку хотел более радикального решения с дополнительными выгодами для себя. Апелляция была рассмотрена, но аргументы китайской стороны признаны ВТО несостоятельными[5]. В 2016–2017 гг. Китай не сбавлял активности: призвал «следовать правилам ВТО» после начала американской стороной антидемпингового расследования по алюминиевой продукции из КНР[6], расследования по импорту фанеры, на производство которой предположительно выделялись субсидии[7], расследования ЕС по горячекатаным рулонам китайского производства, тоже с обвинениями в адрес китайской стороны в субсидировании своих производителей[8], а также антидемпингового расследования Индии в отношении импортируемых из КНР стальных листов с цветным покрытием[9]. Западные партнеры КНР, заметим, использовали механизмы ВТО более успешно: например, в 2015 г. в одном случае ЕС и Япония[10], а в другом США[11] добились отмены китайских антидемпинговых ограничений на продукцию своей сталелитейной промышленности.

Можно сделать вывод, что стратагема Китая, связанная со вступлением в ВТО (а есть основания полагать, что это была именно продуманная долговременная стратагема, в которой китайские стратеги рассчитали, какие прибыли и рычаги влияния принесет вступление в этот «клуб», и сознательно пошли на принятие некоторых значительных невыгодных для страны условий ради этого), была реализована. Более того, Пекин до того проникся духом своего успеха в ВТО, что после появления в СМИ сведений о планах США игнорировать часть правил ВТО и вообще о возможности их выхода из организации МИД КНР сделал официальное заявление о том, что

[1] A decade of success with the WTO.

[2] *Ka Zeng*. China, America and the WTO // The Diplomat. 2013. 7 Feb. URL: http://thediplomat.com/2013/02/china-america-and-the-wto.

[3] Disputes by complainant // WTO official website. URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/dispu_by_country_e.htm#complainant.

[4] China scores WTO victories against some U. S. anti-dumping methods // Reuters. 2016. 19 Oct. URL: http://www.reuters.com/article/us-china-usa-wto-idUSKCN12J1RP.

[5] China fails to win tougher ruling against U. S. in WTO dumping case // Reuters. 2017. 11 May. URL: http://www.reuters.com/article/us-china-usa-wto-idUSKBN18728Y.

[6] China urges US to abide by WTO rules in aluminum imports investigation // China Daily. 2017. 28 Apr. URL: http://www.chinadaily.com.cn/business/2017-04/28/content_29125550.htm.

[7] US accusations about plywood exports subsidies «unjustified»: China // China Daily. 2017. 28 Apr. URL: http://www.chinadaily.com.cn/business/2017-04/28/content_29126251.htm.

[8] China questions EU ruling on Chinese hot-rolled coil // China Daily. 2017. 6 May. URL: http://www.chinadaily.com.cn/business/2017-05/06/content_29230696.htm.

[9] Китай недоволен мерами Индии в отношении китайской стальной продукции // Пульс планеты – Азия. ИТАР-ТАСС. 2016. 4 июля.

[10] EU wins a WTO dispute on Chinese anti-dumping duties // European Commission. 2015. 13 Feb. URL: http://trade.ec.europa.eu/doclib/press/index.cfm?id=1257.

[11] WTO rules for US over China in steel dispute // The Hill. 2015. 31 July. URL: http://thehill.com/policy/finance/trade/249947-wto-rules-for-us-over-china-in-steel-dispute.

«Китай не изменит своей принципиальной позиции и не выйдет из ВТО, даже если она начнет распадаться»[1]. Однако стратагема может оказаться конечной: истечение ст. 15 протокола о вступлении КНР в ВТО, о которой мы уже упоминали, пришлось на 2016 г., теперь все участники организации имеют право использовать методы создания таможенных барьеров в отношении продукции КНР. Именно поэтому Китай столь резко озаботился получением статуса развитой экономики. В новом качестве он может фактически обезопасить себя от большей части потенциальных защитных мер со стороны других участников – развитых стран. Правда, дальнейшее развитие ситуации зависит от китайской стороны уже в меньшей степени. Скорее всего, определяющими факторами будут следующие: вопрос, оставит ли ЕС в силе свой противоречивый вердикт, ставящий многих экспортеров в ситуацию искусственно создаваемой конкуренции; позиция, которую займут США; то, как может быть оформлено решение о присвоении экономике КНР нового статуса; и, наконец, вопрос, на что будут ориентироваться международные институты при определении «развитости» экономики КНР – на выгоду ТНК или на реальное положение дел, в котором следовало бы учитывать многие негативные факторы, от высокого уровня коррупции до плачевного состояния окружающей среды и других проблем.

Библиография

A decade of success with the WTO // Shanghai Daily. 2011. 9 Dec. URL: http://www.china.org.cn/business/2011-12/09/content_24113955.htm.

Bilateral Agreement on China's Entry into the WTO Between China and the United States // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. URL: http://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/ziliao_665539/3602_665543/3604_665547/t18051.shtml.

China fails to win tougher ruling against U. S. in WTO dumping case // Reuters. 2017. 11 May. URL: http://www.reuters.com/article/us-china-usa-wto-idUSKBN18728Y.

China questions EU ruling on Chinese hot-rolled coil // China Daily. 2017. 6 May. URL: http://www.chinadaily.com.cn/business/2017-05/06/content_29230696.htm.

China scores WTO victories against some U. S. anti-dumping methods // Reuters. 2016. 19 Oct. URL: http://www.reuters.com/article/us-china-usa-wto-idUSKCN12J1RP.

China urges US to abide by WTO rules in aluminum imports investigation // China Daily. 2017. 28 Apr. URL: http://www.chinadaily.com.cn/business/2017-04/28/content_29125550.htm.

Disputes by complainant // WTO official website. URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/dispu_by_country_e.htm#complainant.

EU wins a WTO dispute on Chinese anti-dumping duties // European Commission. 2015. 13 Feb. URL: http://trade.ec.europa.eu/doclib/press/index.cfm?id=1257.

Ford P. How WTO membership made China the workshop of the world // Christian Science Monitor. 2011. 14 Dec. URL: http://www.csmonitor.com/World/Asia-Pacific/2011/1214/How-WTO-membership-made-China-the-workshop-of-the-world.

Ka Zeng. China, America and the WTO // The Diplomat. 2013. 7 Feb. URL: http://thediplomat.com/2013/02/china-america-and-the-wto.

The SINO – EU agreement on China's accession to the WTO // European Commission. URL: http://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2003/april/tradoc_111851.pdf.

U. S. – China Bilateral Agreement and the Accession of China to the WTO. Hearing before the Committee on Ways and Means. House of Representatives // URL: https://www.gpo.gov/fdsys/pkg/CHRG-106hhrg67129/html/CHRG-106hhrg67129.htm.

U. S. – China Bilateral WTO Agreement. November 15, 1999 // The White House. URL: https://clinton4.nara.gov/WH/New/WTO-Conf-1999/factsheets/fs-004.html.

US accusations about plywood exports subsidies «unjustified»: China // China Daily. 2017. 28 Apr. URL: http://www.chinadaily.com.cn/business/2017-04/28/content_29126251.htm.

[1] Китай продолжит содействовать укреплению позиций ВТО – МИД КНР // Пульс планеты – Азия. ИТАР-ТАСС. 2017. 2 марта.

WTO rules for US over China in steel dispute // The Hill. 2015. 31 July. URL: http://thehill.com/policy/finance/trade/249947-wto-rules-for-us-over-china-in-steel-dispute.

Бурнасов А. С., Ковалев Ю. Ю., Степанов А. В. Парадигма асимметричного общественного развития в системе международных отношений «Север-Юг» // Известия Уральского федер. ун-та. Сер. 3: Обществ. науки. 2013. Т. 115. № 2.

Евросоюз пообещал Китаю помощь по признанию КНР рыночной экономикой в рамках ВТО // Пульс планеты – Азия. ИТАР-ТАСС. 2017. 17 февр.

Исполинов А. Китай пока проигрывает, но все настойчивее требует пересмотра условий своего присоединения к ВТО // Zakon.ru. 2014. 8 July. URL: https://zakon.ru/blog/2014/7/8/kitaj_poka_proigryvaet_no_vse_nastojchivee_trebuet_peresmotra_uslovij_svoego_prisoedineniya_k_vto.

Китай недоволен мерами Индии в отношении китайской стальной продукции // Пульс планеты – Азия. ИТАР-ТАСС. 2016. 4 июля.

Китай открестился от статуса крупнейшей экономики в мире // Новости Mail.ru. 2015. 22 янв. URL: https://news.mail.ru/economics/20806703/?idc=1.

Китай продолжит содействовать укреплению позиций ВТО – МИД КНР // Пульс планеты – Азия. ИТАР-ТАСС. 2017. 2 марта.

Красильников Д. Г., Сивинцева О. В., Троицкая Е. А. Институциональная эволюция административных реформ в Китае и России: взаимный обмен опытом // Вестн. Пермского ун-та. Политология. 2015. № 4.

О борьбе с бедностью // Вестн. Азия. ИТАР-ТАСС. 2012. 25 июня.

Попова Л. В. Присоединение Китая к ВТО: опыт переговоров и первые результаты // Вестн. Санкт-Петербургского ун-та. 2006. № 2. URL: http://worldec.ru/content/Vestnik/2006%20%E2%84%96%202%20%D0%9F%D0%BE%D0%BF%D0%BE%D0%B2%D0%B0.pdf.

Присоединение Китая к Всемирной торговой организации: условия и последствия // Аналитические доклады Научно-координационного совета по международным исследованиям МГИМО (У) МИД России. 2007. Вып. 1. URL: http://www.mgimo.ru/files2/y01_2012/218647/ad-16.pdf.

У Сэчжи. Итоги вступления Китая в ВТО и перспективы на будущее // Китай: актуальные проблемы внешней политики в освещении политологов КНР, Тайваня и Сингапура. М., 2007.

中华人民共和国主席令 // URL: http://www.gov.cn/flfg/2009-02/28/content_1246444.htm.

境外金融机构投资入股中资金融机构管理办法 // URL: http://www.cbrc.gov.cn/chinese/home/docDOC_ReadView/295.html.

Bibliography

A decade of success with the WTO // Shanghai Daily. 2011. 9 Dec. URL: http://www.china.org.cn/business/2011-12/09/content_24113955.htm.

Bilateral Agreement on China's Entry into the WTO Between China and the United States // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. URL: http://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/ziliao_665539/3602_665543/3604_665547/t18051.shtml.

Burnasov A. S., Kovalev Yu. Yu., Stepanov A. V. Paradigma asimmetrichnogo obshhestvennogo razvitiya v sisteme mezhdunarodnyx otnoshenij «Sever-Yug» // Izvestiya Ural'skogo feder. un-ta. Ser. 3: Obshhestv. nauki. 2013. T. 115. № 2.

China fails to win tougher ruling against U. S. in WTO dumping case // Reuters. 2017. 11 May. URL: http://www.reuters.com/article/us-china-usa-wto-idUSKBN18728Y.

China questions EU ruling on Chinese hot-rolled coil // China Daily. 2017. 6 May. URL: http://www.chinadaily.com.cn/business/2017-05/06/content_29230696.htm.

China scores WTO victories against some U. S. anti-dumping methods // Reuters. 2016. 19 Oct. URL: http://www.reuters.com/article/us-china-usa-wto-idUSKCN12J1RP.

China urges US to abide by WTO rules in aluminum imports investigation // China Daily. 2017. 28 Apr. URL: http://www.chinadaily.com.cn/business/2017-04/28/content_29125550.htm.

Disputes by complainant // WTO official website. URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/dispu_by_country_e.htm#complainant.

EU wins a WTO dispute on Chinese anti-dumping duties // European Commission. 2015. 13 Feb. URL: http://trade.ec.europa.eu/doclib/press/index.cfm?id=1257.

Evrosoyuz poobeshhal Kitayu pomoshh' po priznaniyu KNR rynochnoj ehkonomikoj v ramkax VTO // Pul's planety – Aziya. ITAR-TASS. 2017. 17 fevr.

Ford P. How WTO membership made China the workshop of the world // Christian Science Monitor. 2011. 14 Dec. URL: http://www.csmonitor.com/World/Asia-Pacific/2011/1214/How-WTO-membership-made-China-the-workshop-of-the-world.

Ispolinov A. Kitaj poka proigryvaet, no vse nastojchivee trebuet peresmotra uslovij svoego prisoedineniya k VTO // Zakon.ru. 2014. 8 July. URL: https://zakon.ru/blog/2014/7/8/kitaj_poka_proigryvaet_no_vse_nastojchivee_trebuet_peresmotra_uslovij_svoego_prisoedineniya_k_vto.

Ka Zeng. China, America and the WTO // The Diplomat. 2013. 7 Feb. URL: http://thediplomat.com/2013/02/china-america-and-the-wto.

Kitaj nedovolen merami Indii v otnoshenii kitajskoj stal'noj produkcii // Pul's planety – Aziya. ITAR-TASS. 2016. 4 iyulya.

Kitaj otkrestilsya ot statusa krupnejshej ehkonomiki v mire // Novosti Mail.ru. 2015. 22 yanv. URL: https://news.mail.ru/economics/20806703/?idc=1.

Kitaj prodolzhit sodejstvovat' ukrepleniyu pozicij VTO – MID KNR // Pul's planety – Aziya. ITAR-TASS. 2017. 2 marta.

Krasil'nikov D. G., Sivinceva O. V., Troickaya E. A. Institucional'naya ehvolyuciya administrativnyx reform v Kitae i Rossii: vzaimnyj obmen opytom // Vestn. Permskogo un-ta. Politologiya. 2015. № 4.

O bor'be s bednost'yu // Vestn. Aziya. ITAR-TASS. 2012. 25 iyunya.

Popova L. V. Prisoedinenie Kitaya k VTO: opyt peregovorov i pervye rezul'taty // Vestn. Sankt-Peterburgskogo un-ta. 2006. № 2. URL: http://worldec.ru/content/Vestnik/2006%20%E2%84%96%202%20%D0%9F%D0%BE%D0%BF%D0%BE%D0%B2%D0%B0.pdf.

Prisoedinenie Kitaya k Vsemirnoj torgovoj organizacii: usloviya i posledstviya // Analiticheskie doklady Nauchno-koordinacionnogo soveta po mezhdunarodnym issledovaniyam MGIMO (U) MID Rossii. 2007. Vyp. 1. URL: http://www.mgimo.ru/files2/y01_2012/218647/ad-16.pdf.

The SINO – EU agreement on China's accession to the WTO // European Commission. URL: http://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2003/april/tradoc_111851.pdf.

U Sehchzhi. Itogi vstupleniya Kitaya v VTO i perspektivy na budushhee // Kitaj: aktual'nye problemy vneshnej politiki v osveshhenii politologov KNR, Tajvanya i Singapura. M., 2007.

U. S. – China Bilateral Agreement and the Accession of China to the WTO. Hearing before the Committee on Ways and Means. House of Representatives // URL: https://www.gpo.gov/fdsys/pkg/CHRG-106hhrg67129/html/CHRG-106hhrg67129.htm.

U. S. – China Bilateral WTO Agreement. November 15, 1999 // The White House. URL: https://clinton4.nara.gov/WH/New/WTO-Conf-1999/factsheets/fs-004.html.

US accusations about plywood exports subsidies «unjustified»: China // China Daily. 2017. 28 Apr. URL: http://www.chinadaily.com.cn/business/2017-04/28/content_29126251.htm.

WTO rules for US over China in steel dispute // The Hill. 2015. 31 July. URL: http://thehill.com/policy/finance/trade/249947-wto-rules-for-us-over-china-in-steel-dispute.

中华人民共和国主席令 // URL: http://www.gov.cn/flfg/2009-02/28/content_1246444.htm.

境外金融机构投资入股中资金融机构管理办法 // URL: http://www.cbrc.gov.cn/chinese/home/docDOC_ReadView/295.html.

СИМФОНИЯ ВЛАСТЕЙ КАК ПРИНЦИП ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРАВА ВИЗАНТИИ

Костогрызова Любовь Юрьевна
Кандидат юридических наук, доцент кафедры истории государства и права Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург),
e-mail: klyu002@yandex.ru

Рассматривается сложившийся в Византии принцип симфонии светской и церковной властей. Автор показывает, как этот принцип сохранялся с VI по XIV в. Дается перевод титулов из Эпанагоги о василевсе и патриархе. Упоминаются институт вселенских судей и православная ойкумена. Говорится о последствиях наличия принципа симфонии властей в Византии.

Ключевые слова: Византия, право, церковь и государство, симфония властей, Эпанагога, православная ойкумена

THE SYMPHONY OF POWERS AS A PRINCIPLE OF THE BYZANTINE STATE LAW

Kostogryzova Lyubov'
Ural State Law University (Yekaterinburg),
e-mail: klyu002@yandex.ru

The article is devoted to the Byzantine principle of the symphony of church and state powers. The author shows how this principle has been preserved from the VI to XIV century. There is a translation of the titles of Epanagoge about the Basileus and the Patriarch. The institute of universal judges and the Orthodox oecumene are mentioned. In conclusion the author says about the effects of using the principle of the symphony of powers in Byzantium.

Key words: Byzantium, law, church and state, symphony of powers, Epanagoge, Orthodox oecumene

Словосочетание «Византия – христианская империя» привычно для большинства исследователей. Христианство с 313 г. фактически стало ведущей религией Восточной Римской империи, а в 380 г. оно юридически получило статус государственной религии после издания Феодосием I (379–395) эдикта Cunctos populos, в котором император повелевал всем народам, находящимся под его властью, исповедовать никейскую веру, принятую на I Вселенском соборе, остальных же наказывать[1]. При этом отношения христианской церкви с государством были оформлены законодательно только при Юстиниане I (527–565), который в предисловии к VI Новелле закрепил принцип симфонии (гармонии, согласия) светской и церковной властей. В тексте говорилось: «Величайшие дары Бога людям от человеколюбия свыше данные – свя-

[1] «Последователям этого учения мы повелеваем именоваться православными христианами, остальных же присуждаем нести бесславие еретического учения, собраниям же их не приписываем имени церквей. Кроме приговора божественного правосудия, они должны будут понести строгие наказания, каким заблагорассудит подвергнуть их наша власть, руководимая небесной мудростью» (Codex Theodosianus XVI, 1, 2). Цит. по: *Казаков М. М.* Путь Феодосия I к власти и эдикт «Cunctos populos» // Старая и новая Европа: государство, политика, идеология / под ред. Ю. Е. Ивонина, Л. И. Ивониной. М., 2005. С. 8–15. URL: http://mmkaz.narod.ru/russian/publ.htm (дата обращения: 19.01.2016).

щенство (ιερωσύνη) и царство (βασιλεία), одно, служа божественному, другое о человеческом заботясь и управляя, – из одного и того же начала вышли, и привели в порядок человеческую жизнь. Поэтому пускай ничто так не будет весьма желанным царству, как величавость иереев, если только за него самого всегда они будут молить Бога. Ибо если первое будет беспорочно со всех сторон и с искренностью к Богу сопричастно, второе верно и подобающим образом вверенное ему государство приводит в порядок, будет согласие некое благое, так что все благо роду человеческому будет подарено»[1].

Таким образом, духовную сферу олицетворяет священство, материальную – царство. И то и другое является даром Божиим, т. е. подчеркивается равенство между ними. Царство заботится о делах человеческих, императору вверяются сугубо политические функции, в первую очередь сохранение мира в единой империи, а священство служит делам божественным, сохранение мира в церкви перекладывается на плечи духовенства. При этом если священство «беспорочно... и с искренностью к Богу сопричастно», а царство «подобающим образом вверенное ему государство приводит в порядок», то между ними устанавливается согласие – συμφωνία. Юстиниан уравнял государство и церковь по значимости в деле сохранения единства империи: о политическом единстве заботится император, о религиозном – патриарх. Таким образом, император *добровольно* отказался отвечать за духовную сферу жизни подданных, перекладывая эту ответственность на церковь и тем самым отвергая так называемый цезарепапизм – подчинение церкви государству. Но Юстиниан не наделил церковь репрезентативными полномочиями, правом воплощать единство империи, ими обладает только он сам. Отказываясь от цезарепапизма, он подчеркивает невозможность и папоцезаризма, т. е. подчинения государства церкви.

Идеи Юстиниана нашли отражение в сочинении времен императора Ираклия (610–641) «Персидская экспедиция», в котором содержится рассуждение о том, что государством должны управлять «закон и воля Божья», что царь – «оруженосец и второй после Бога вождь народа», он «получил свою власть по полномочию от Бога, а рядом с царем патриарх», и, наконец, о том, «как хороша монархия теократическая». Поскольку автор указанного сочинения утверждает, что Ираклий во всем действует по воле Божьей, а патриарх при нем «уже крупная сила»[2], можно сказать, что императоры и в постюстиниановское время на практике придерживались принципа симфонии властей.

Совсем по-другому оценивается политика императоров-иконоборцев. В обоснование их цезарепапистских настроений часто приводится положение из предисловия к принятому в 726 г. законодательному своду – Эклоге – о том, что Бог приказал василевсам «пасти самое послушное стадо, как корифею апостолов Петру»[3], т. е. вмешиваться во внутрицерковные дела. Несмотря на то что иконоборческий кризис длился более 100 лет (VIII–IX вв.), церковь смогла удержать свои позиции, не только вернув иконопочитание, но и оставшись мощной силой, способной противостоять подчинению государству.

---

[1] Flavius Justinianus Imperator. Novellae / ed. by R. Scholl, W. Kroll. Corpus iuris civilis. Vol. 3. Berlin, 1895 (repr. 1968). URL: http://droitromain.upmf-grenoble.fr/Corpus/Nov06.htm.

[2] Цит. по: *Михаил (Семенов), иеромонах.* Законодательство римско-византийских императоров о внешних правах и преимуществах церкви (от 313 до 565 года). Казань, 1901. С. XXI–XXII.

[3] Эклога. Византийский законодательный свод VIII века / вступ. ст., пер., коммент. Е. Э. Липшиц. М., 1965. С. 41, 18.

Вероятно, чтобы избежать явления, подобного иконоборчеству, и была в IX в. издана Эпанагога, современными учеными чаще называемая Исагога[1], – сборник законов, где содержатся положения, трактующие основы государственного и церковного строя Византии, излагается учение о государстве и церковной организации и фактически провозглашаются основные принципы государственного права империи. Этот законодательный свод приводит общие нормы о царской власти и власти патриарха и изображает полную картину государственного строя Византии и государственно-церковных отношений. Во введении и особенно в титуле III Эпанагоги это четко сформулировано: «Государство из частиц и частей подобно человеку составляется, величайшие и необходимейшие части – василевс и патриарх. Поэтому, если и душа и тело друг друга слушают, мир и процветание царства и священства будет во всем согласии и гармонии (συμφωνία)»[2].

Подобные представления о государстве как организме и о разделении духовной и материальной сфер встречаются и в западноевропейском законодательстве, но значительно позже того времени, когда они были озвучены в Эпанагоге[3]. Правда, в отличие от Восточной Римской империи, в Западной Европе только король воплощал единство государства и отвечал как за материальную, так и за духовную жизнь подданных.

Что касается полномочий правителя в Византии, они четко обозначены в титуле II Эпанагоги «О василевсе» (перевод мой. – *Л. К.*): «1. Василевс есть справедливая власть, общее благо всех подданных, не мстящая по наклонности, не благодетельствующая из сострадания, но, как положено судье, дающая решение. 2. Цель (σκοπός) василевса – охрана и забота о безопасности во благо Божие сил сущих (живущих) и подданных… 3. Назначение (τέλος) василевса – благодетельствовать. Поэтому он и зовется благодетелем, и когда благодеяние слабеет, кажется, что подделывается отличительная черта василевса с древности. 4. Полагается василевсу защищать и сохранять прежде всего все, что написано в Священном Писании, затем все, постановленное семью Вселенскими соборами, и все употребляемые римские законы. 5. Василевс должен быть замечательнейшим в православии и набожности и известным в божественном рвении… 6. Василевсу нужно толковать старые законоположения и из подобных решать относительно случившегося, а не принимать новый закон. 7. Нужно заботиться об изложении законов и обычае государства. Так как вводимое, к примеру, должно соответствовать канонам. 8. Василевсу нужно излагать законы добролюбиво, чтобы благородное изложение убедило сомневающихся»[4].

Таким образом, по Эпанагоге, главное для василевса – самому быть благочестивым, заботиться о благополучии подданных и с этой целью принимать законы, согласованные с канонами и обычаями. Императоры хотели показать подданным, что они правят по закону и в интересах подданных, особенно если желали сохранить трон. Василевсы заявляли, что они подчиняются законам, как все, и принимали, что

[1] *Медведев И. П.* Правовая культура Византийской империи. СПб., 2001. С. 176; Исагога // Православная энциклопедия. Т. 27. С. 50–52. URL: http://www.pravenc.ru/text/674794.html (дата обращения: 19.01.2017).

[2] Collectio librorum juris graeco-romani ineditorum. Ecloga Leonis et Constantini, Epanagoge Basillii Leonis et Alexandri / ed. by C. E. Zachariae a Lingenthal. Lipsiae, 1852. S. 68.

[3] *Канторович Э. Х.* Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии. М., 2015. С. 565–566.

[4] Collectio librorum juris graeco-romani… S. 65–66.

власть их берет начало от закона, который никто не сможет отрицать, не изменяя самих основ законного государства[1].

В титуле III законодательного свода определено положение вселенского патриарха (перевод мой. – *Л. К.*): «1. Патриарх есть образ Христа живой и одушевленный, делами и словами изображающий истину. 2. Цель (σκοπός) патриарха – сначала овладеть благочестием от Бога и сохранять почтенность образа жизни, затем – всех еретиков своей силой обратить в православие и лоно церкви (еретики называются законами и канонами и являются неприобщенными к православной церкви), кроме того, неверующих через славные и известнейшие деяния свои [сделать] верующими. 3. Назначение (τέλος) патриарха – спасение вверенных ему душ и жизнь во Христе до скончания мира. 4. Личная забота патриарха – быть поучительным, со всеми возвышенными и униженными сравняться и милостивым быть в правосудии, изобличительным с неверующими, прежде всего истину и наказание догматов излагать в присутствии василевса и не стыдиться. 5. Только патриарху должно толковать старые каноны и суждения святых отцов и постановления святых соборов. 6. Должно патриарху быть судьей и решать споры вообще и, в частности, между старыми отцами в синодах или в епархиях и местными управителями... 9. Кафедра Константинополя царство украшает прежде всего решениями синода и божественными согласованными законами, по спорам, порожденным другими кафедрами, другими предстоятелями ей предоставляется решение и суд... 11. Забота обо всем духовном на патриархе лежит...»[2]

Обращает на себя внимание схожая структура титулов «О василевсе» и «О патриархе»: 12 глав о василевсе, 11 о патриархе, но по объему они примерно равные; кроме того, используются одни и те же вводные фразы и слова (σκοπος, τελος). Это можно рассматривать и как дань риторике, и как стремление подчеркнуть равенство двух главных фигур в государстве: императора и патриарха. При этом оба они должны быть набожными, оба должны заботиться о подданных (один – об их безопасности, другой – об их духовности), оба являются судьями, оба должны соблюдать каноны. Но при этом патриарх – человек, который способен указать василевсу, что его деяния несправедливы и противоречат клятве, данной им при восшествии на престол[3], и тем самым *ограничить* власть василевса.

Авторство Эпанагоги часто приписывают патриарху Фотию (820–896), который, по мнению исследователей, стремился оградить от власти императора церковную сферу, находящуюся в компетенции патриарха, возвысить и эмансипировать власть последнего[4]. Нам это кажется несущественным. Важно то, что и взгляды Фотия, и положения законодательства вторили принципу симфонии властей, высказанному Юстинианом. Принцип симфонии светской и церковной властей просуществовал в государственном праве Византии вплоть до XIV в., например в так называемой Алфавитной Синтагме Матфея Властаря – «Собрании по алфавитному порядку всех предметов, содержащихся в священных и божественных канонах, составленном и об-

[1] *Kaldellis A.* The Byzantine Republic: People and Power in New Rome. Cambridge, 2015. P. 72.

[2] Collectio librorum juris graeco-romani... S. 67–68.

[3] Так, исследователи упоминают, что при восшествии на престол Ираклион (624–641), Феодосий III (715–717), Лев III (717–741) и др. давали клятву на верность православию, признание апостольских заветов, канонов Вселенских соборов, привилегий церкви, обещая быть верным рабом и защитником церкви (*Медведев И. П.* Указ. соч. С. 68).

[4] *Медведев И. П.* Указ. соч. С. 62–63.

работанном смиреннейшим иеромонахом Матфеем» (1335 г.) – повторялось положение Эпанагоги о том, что «патриарху свойственно… за истину и в защиту догматов и о соблюдении правды и благочестия говорить пред царями и не стыдиться»[1]. Иными словами, принцип симфонии властей закрепился в правовом сознании ромеев.

В законодательстве императоров X–XII вв. принцип симфонии властей также обозначается. Так, Новелла Исаака Ангела 1187 г. фактически цитирует предисловие к VI Новелле императора Юстиниана: священство и царство – величайшие дары, посланные божеским человеколюбием, «богоданное дарование царства и священства и достоинство каждого из них из одного приснотекущего источника исходит и человеческую жизнь упорядочивает»[2].

Некоторые положения Эпанагоги сохранились в Василиках, изданных при императоре Льве VI (886–912). В частности, там говорилось о необходимости согласования законов и канонов[3].

Впрочем, обозначение принципа симфонии светской и церковной властей уже предопределило решение проблемы соотношения закона и канона. В VII Новелле Лев Мудрый постановил, что в гражданских делах гражданский закон имеет преимущество перед церковным, а в вопросах церковного благоустройства следует отдавать предпочтение церковному закону перед гражданским[4]. В XII в. Феодор Вальсамон в комментариях к Номоканону патриарха Фотия говорил о превосходстве канонов: «Правила имеют больше силы, чем законы, потому что правила, изданные и утвержденные императорами и св[ятыми] отцами, принимаются, как Св[ященное] Писание, законы же приняты или составлены только императорами, и поэтому не имеют преимущества ни пред Св[ященным] Писанием, ни пред правилами»[5]. Матфей Властарь, вторя Вальсамону, дополнил это утверждение, соблюдая принцип симфонии: «Впрочем, и благочестивые законы придают большое значение божественным правилам, частию согласуясь с ними, частию восполняя то, что в них опущено»[6]. На практике же за преступление полагалось и государственное наказание, и церковное. Так, по церковным правилам совершившему умышленное убийство назначалась епитимья на 15 лет, если он в зависимости от обстоятельств не был приговорен к смертной казни. Неумышленное убийство наказывалось сначала семи-, затем пятилетней епитимьей, убийство напавшего разбойника не наказывалось[7]. Аборт наказывался

---

[1] *Властарь Матфей.* Алфавитная Синтагма Матфея Властаря. М., 1892 / пер. Н. Ильинского. Репринт с перенабором. М., 1996 // URL: http://krotov.info/acts/canons/vlastar07.html#p8.

[2] *Вальденберг В. Е.* История византийской политической литературы в связи с историей философских течений и законодательства. СПб., 2008. С. 280, примеч. 118.

[3] B.II.1, 25, 26 // Basilicorum libri LX. Serius A Volumen I. Textus librorum I – VIII / ed. by. H. J. Scheltema, N. Van der Wal. Groningen, 1955. P. 18.

[4] «Мы прежде всего следим, чтобы положение дел было неколебимым; так как гражданский закон не представляет неколебимости в делах более, нежели священный закон, каждому мы оказываем предпочтение, – насколько и где мы видим, что священный порядок более полезен в благоустроении дел для гражданского порядка, присоединяясь к нему, даем соответствующее решение» (*Вальденберг В. Е.* История византийской политической литературы… С. 215).

[5] Номоканон константинопольского патриарха Фотия с толкованием Вальсамона. Казань, 1899. Ч. 2. С. 49.

[6] *Властарь Матфей.* Алфавитная Синтагма… Буква к гл. 5: «Итак, необходимо (признать), что каноны имеют силу больше законов: ибо законы составлены одними царями и последующими подтверждены, а каноны написаны и утверждены святыми отцами по воле, усердию и суду тогдашних царей; впрочем, и благочестивые законы придают большое значение божественным правилам, частию согласуясь с ними, частию восполняя то, что в них опущено».

[7] *Костогрызова Л. Ю.* Церковное судопроизводство в Византии // Церковь. Богословие. История: материалы III Междунар. науч.-богословской конф. (Екатеринбург, 6–7 февраля 2015 г.). Екатеринбург, 2015. Ч. 2. С. 26–35.

10-летней церковной епитимьей наряду с высечением и изгнанием[1]. Прелюбодеяние наказывалось сначала 15-летней, затем семилетней епитимьей наряду с отрезанием носа[2]. Причем иногда в императорских законах церковная кара предписывалась за «светские» преступления: например, в Новелле 1026 г. «намеревающимся или злоумышляющим принять участие [в бунте] и бунтовщикам – анафема; соратникам же их в отступлении – анафема»[3]. Такого рода практика подчеркивает согласие государственной и церковной властей в деле наказания преступников.

Ярким примером взаимодействия государства и церкви в судебной сфере явилось создание в XIV в. в Константинополе особого ведомства – дикастерия (δικαστήριον), куда входили 12 вселенских судей ромеев (οἱ καθολικοί κριταί των Ρωμαίων). Они назначались императором из духовных лиц и сенаторов, опытных и знающих законы. Их власть распространялась на все категории населения: от василевса до беднейших подданных. Судьи рассматривали только гражданские дела, причем к ним можно было обращаться, минуя другие судебные инстанции, кроме того, вселенский суд стал высшей апелляционной инстанцией. При вынесении приговоров вселенский суд руководствовался как церковным, так и светским законодательством. С конца XIV в. вселенские судьи появились во всех городах империи и действовали вплоть до падения Византии[4].

Существование принципа симфонии церковной и светской властей позволило привлечь на сторону Византии христиан, проживавших в других регионах, а также способствовало христианизации и «византинизации (ромеизации)» народов Восточной Европы и вхождению их в так называемую православную ойкумену – de facto союз государств, иерархически подчиненных империи с центром в Константинополе и связанных с Византией церковной и политической зависимостью[5]. Еще с IV в. в Византии укоренилось учение Евсевия Кесарийского, согласно которому земное царство – отражение небесного, на небе – один Бог, на земле – один император. Император получил свою власть от Бога, который «вручил ему скипетр земного царства наподобие царства небесного», дал императору власть, «чтобы он научил людей хранить справедливость»[6]. Значит, василевс должен был отвечать не только за «внешнее» благополучие жителей Византии, но и за благополучие всех христиан, независимо от того, где они проживают. Константинополь – столица мира, византийский император – господин вселенной, а все другие государи правят с его соизволения, слушаются его и подчиняются ему. В IX в. патриарх Фотий, обращаясь к болгарскому князю, подчеркивал, что император один – в Константинополе, а сам правитель Болгарии – архонт, хотя и высокопоставленный[7].

Идея вселенского императора жила в сознании ромеев до последних дней империи. Уже в 1393 г. константинопольский патриарх Антоний укорял великого князя

[1] Эклога. Тит. XVII. Ст. 36 // Эклога. Византийский законодательный свод VIII века. С. 71.

[2] Эклога. Тит. XVII. Ст. 27 // Там же. С. 70.

[3] *Вальденберг В. Е.* История византийской политической литературы... С. 282.

[4] *Соколов И. И.* О византинизме в церковно-историческом отношении. Избрание патриархов в Византии с середины IX до начала XV века. Вселенские судьи в Византии. СПб., 2003. С. 222–269. О сотрудничестве государства и церкви см.: *Костогрызова Л. Ю.* Симфония властей в Византии: опыт взаимодействия государства и церкви // Актуальные проблемы истории, политики и права: сб. науч. тр. преподавателей и адъюнктов. Екатеринбург, 2008. Вып. 8. С. 29–35.

[5] *Оболенский Д.* Византийское содружество наций. Шесть византийских портретов. М., 1998. С. 125.

[6] *Вальденберг В. Е.* Древнерусские учения о пределах царской власти. Очерки русской политической литературы от Владимира Святого до конца XVII века. М., 2006. С. 54–55.

[7] *Вальденберг В. Е.* История византийской политической литературы... С. 218.

Василия Дмитриевича (1371–1425) за то, что тот призывает не почитать василевса: «Нет ничего хорошего, сын мой, если ты говоришь: „мы имеем церковь, а не царя“. Невозможно христианам иметь церковь, но не иметь царя. Ибо царство и церковь находятся в тесном союзе и общении между собою, и невозможно отделить их друг от друга... послушай верховного апостола Петра, говорящего в первом соборном послании: „Бога бойтеся, царя чтите“, не сказал „царей“, чтобы кто не стал подразумевать именующихся царями у разных народов, но – „царя“, указывая на то, что один только царь во вселенной... если и некоторые другие из христиан присваивали себе имя царя, то все эти примеры суть нечто противоестественное, противозаконное, более дело тирании и насилия. В самом деле, какие отцы, какие соборы, какие каноны говорят о тех? Но все, и сверху и снизу, гласит о царе природном, которого законоположения, постановления и приказы исполняются по всей вселенной, и его только имя повсюду поминают христиане, а не чье-либо другого»[1]. Теория о единственном императоре и патриархе, заботящихся о благе всех подданных, была бы невозможна без существования принципа симфонии.

Конечно, в истории Восточной Римской империи есть немало примеров отступления от принципа симфонии властей и попыток императоров подчинить себе церковь или попыток патриархов подчинить волю императоров своей. Но согласимся с В. Вальденбергом в том, что «законодательные определения нужно сравнивать с законодательными же определениями, а не с практикой, где отступления от закона неизбежны»[2].

Принцип симфонии властей со времен с Юстиниана Великого являлся одним из ведущих принципов византийского права. Законодательно он был оформлен в предисловии к VI Новелле императора Юстиниана, в Эпанагоге, в Василиках. Повторялся он и в частных юридических сборниках, применявшихся на практике в XII–XV вв. Суть его – в четком разграничении сфер деятельности государства и церкви (духовная сфера – в ведении патриарха, материальная – императора), недопустимости вмешательства одного в дела другого и во взаимном служении интересам государства *(политии)*, достижении благополучия в государстве. Попытки некоторых правителей подчинить церковь своей власти не увенчались успехом из-за сопротивления населения, как и попытки патриархов вмешиваться в дела управления государством не привели к положительным результатам.

Существование принципа симфонии властей в Византии гарантировало, во-первых, ограничение самовластья василевса (частым поводом для свержения правителя было выдвинутое народом в его адрес обвинение в произвольной власти); во-вторых, стабильность таких институтов, как церковь и патриарх[3]; в-третьих, сохранение единства в государстве. Наконец, принцип симфонии властей скреплял народы, входившие в православную ойкумену.

---

[1] *Мейендорф И., прот.* Византия и Московская Русь. Очерк по истории церковных и культурных связей в XIV веке. Р., 1990. С. 304–305. См. также: *Антоній IV, патр. Константинопольскій.* Грамота къ Великому Князю Василію Дмитріевичу съ известіемъ о мерахъ, принятыхъ противъ непокорныхъ митрополиту новгородцевъ и съ укоризною за неуваженіе къ патріарху и царю (1393 г.) // URL: http://nasledie.russportal.ru/index.php?id=history.anthony04_001.

[2] *Вальденберг В. Е.* История византийской политической литературы... С. 210–211.

[3] В России при Петре I отменили институт патриаршества и окончательно отошли от принципа симфонии властей, перейдя к абсолютизму, поскольку в России церковь была единственным институтом, противостоящим единоличной царской власти, и проиграла в неравной борьбе.

Библиография

Basilicorum libri LX. Serius A Volumen I. Textus librorum I – VIII / ed. by. H. J. Scheltema, N. Van der Wal. Groningen, 1955.

Collectio librorum juris graeco-romani ineditorum. Ecloga Leonis et Constantini, Epanagoge Basillii Leonis et Alexandri / ed. by C. E. Zachariae a Lingenthal. Lipsiae, 1852.

Flavius Justinianus Imperator. Novellae / ed. by R. Scholl, W. Kroll. Corpus iuris civilis. Vol. 3. Berlin, 1895 (repr. 1968). URL: http://droitromain.upmf-grenoble.fr/Corpus/Nov06.htm.

Kaldellis A. The Byzantine Republic: People and Power in New Rome. Cambridge, 2015.

Антоній IV, патр. Константинопольскій. Грамота къ Великому Князю Василію Дмитріевичу съ известіемъ о мерахъ, принятыхъ противъ непокорныхъ митрополиту новгородцевъ и съ укоризною за неуваженіе къ патріарху и царю (1393 г.) // URL: http://nasledie.russportal.ru/index.php?id=history.anthony04_001.

Вальденберг В. Е. Древнерусские учения о пределах царской власти. Очерки русской политической литературы от Владимира Святого до конца XVII века. М., 2006.

Вальденберг В. Е. История византийской политической литературы в связи с историей философских течений и законодательства. СПб., 2008.

Властарь Матфей. Алфавитная Синтагма Матфея Властаря. М., 1892 / пер. Н. Ильинского. Репринт с перенабором. М., 1996 // URL: http://krotov.info/acts/canons/vlastar07.html#p8.

Исагога // Православная энциклопедия. Т. 27. URL: http://www.pravenc.ru/text/674794.html.

Казаков М. М. Путь Феодосия I к власти и эдикт «Cunctos populos» // Старая и новая Европа: государство, политика, идеология / под ред. Ю. Е. Ивонина, Л. И. Ивониной. М., 2005. URL: http://mmkaz.narod.ru/russian/publ.htm.

Канторович Э. Х. Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии. М., 2015.

Костогрызова Л. Ю. Симфония властей в Византии: опыт взаимодействия государства и церкви // Актуальные проблемы истории, политики и права: сб. науч. тр. преподавателей и адъюнктов. Екатеринбург, 2008. Вып. 8.

Костогрызова Л. Ю. Церковное судопроизводство в Византии // Церковь. Богословие. История: материалы III Междунар. науч.-богословской конф. (Екатеринбург, 6–7 февраля 2015 г.). Екатеринбург, 2015. Ч. 2.

Медведев И. П. Правовая культура Византийской империи. СПб., 2001.

Мейендорф И., прот. Византия и Московская Русь. Очерк по истории церковных и культурных связей в XIV веке. Р., 1990.

Михаил (Семенов), иеромонах. Законодательство римско-византийских императоров о внешних правах и преимуществах церкви (от 313 до 565 года). Казань, 1901.

Номоканон константинопольского патриарха Фотия с толкованием Вальсамона. Казань, 1899. Ч. 2.

Оболенский Д. Византийское содружество наций. Шесть византийских портретов. М., 1998.

Соколов И. И. О византинизме в церковно-историческом отношении. Избрание патриархов в Византии с середины IX до начала XV века. Вселенские судьи в Византии. СПб., 2003.

Эклога. Византийский законодательный свод VIII века / вступ. ст., пер., коммент. Е. Э. Липшиц. М., 1965.

Bibliography

Antonij IV, patr. Konstantinopol'skij. Gramota k" Velikomu Knyazyu Vasiliyu Dmitrievichu s" izvestiem" o merax", prinyatyx" protiv" nepokornyx" mitropolitu novgorodcev" i s" ukoriznoyu za neuvazhenie k" patriarxu i caryu (1393 g.) // URL: http://nasledie.russportal.ru/index.php?id=history.anthony04_001.

Basilicorum libri LX. Serius A Volumen I. Textus librorum I – VIII / ed. by. H. J. Scheltema, N. Van der Wal. Groningen, 1955.

Collectio librorum juris graeco-romani ineditorum. Ecloga Leonis et Constantini, Epanagoge Basillii Leonis et Alexandri / ed. by C. E. Zachariae a Lingenthal. Lipsiae, 1852.

Ehkloga. Vizantijskij zakonodatel'nyj svod VIII veka / vstup. st., per., komment. E. Eh. Lipshic. M., 1965.

Flavius Justinianus Imperator. Novellae / ed. by R. Scholl, W. Kroll. Corpus iuris civilis. Vol. 3. Berlin, 1895 (repr. 1968). URL: http://droitromain.upmf-grenoble.fr/Corpus/Nov06.htm.

Isagoga // Pravoslavnaya ehnciklopediya. T. 27. URL: http://www.pravenc.ru/text/674794.html.

Kaldellis A. The Byzantine Republic: People and Power in New Rome. Cambridge, 2015.

Kantorovich Eh. X. Dva tela korolya. Issledovanie po srednevekovoj politicheskoj teologii. M., 2015.

Kazakov M. M. Put' Feodosiya I k vlasti i ehdikt «Cunctos populos» // Staraya i novaya Evropa: gosudarstvo, politika, ideologiya / pod red. Yu. E. Ivonina, L. I. Ivoninoj. M., 2005. URL: http://mmkaz.narod.ru/russian/publ.htm.

Kostogryzova L. Yu. Cerkovnoe sudoproizvodstvo v Vizantii // Cerkov'. Bogoslovie. Istoriya: materialy III Mezhdunar. nauch.-bogoslovskoj konf. (Ekaterinburg, 6–7 fevralya 2015 g.). Ekaterinburg, 2015. Ch. 2.

Kostogryzova L. Yu. Simfoniya vlastej v Vizantii: opyt vzaimodejstviya gosudarstva i cerkvi // Aktual'nye problemy istorii, politiki i prava: sb. nauch. tr. prepodavatelej i ad"yunktov. Ekaterinburg, 2008. Vyp. 8.

Medvedev I. P. Pravovaya kul'tura Vizantijskoj imperii. SPb., 2001.

Mejendorf I., prot. Vizantiya i Moskovskaya Rus'. Ocherk po istorii cerkovnyx i kul'turnyx svyazej v XIV veke. P., 1990.

Mixail (Semenov), ieromonax. Zakonodatel'stvo rimsko-vizantijskix imperatorov o vneshnix pravax i preimushhestvax cerkvi (ot 313 do 565 goda). Kazan', 1901.

Nomokanon konstantinopol'skogo patriarxa Fotiya s tolkovaniem Val'samona. Kazan', 1899. Ch. 2.

Obolenskij D. Vizantijskoe sodruzhestvo nacij. Shest' vizantijskix portretov. M., 1998.

Sokolov I. I. O vizantinizme v cerkovno-istoricheskom otnoshenii. Izbranie patriarxov v Vizantii s serediny IX do nachala XV veka. Vselenskie sud'i v Vizantii. SPb., 2003.

Val'denberg V. E. Drevnerusskie ucheniya o predelax carskoj vlasti. Ocherki russkoj politicheskoj literatury ot Vladimira Svyatogo do konca XVII veka. M., 2006.

Val'denberg V. E. Istoriya vizantijskoj politicheskoj literatury v svyazi s istoriej filosofskix techenij i zakonodatel'stva. SPb., 2008.

Vlastar' Matfej. Alfavitnaya Sintagma Matfeya Vlastarya. M., 1892 / per. N. Il'inskogo. Reprint s perenaborom. M., 1996 // URL: http://krotov.info/acts/canons/vlastar07.html#p8.

СУДИТЬ НЕВОЗМОЖНО ОТПУСТИТЬ... ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 г. И ПОПЫТКИ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К ОТВЕТСТВЕННОСТИ ДЕЯТЕЛЕЙ СВЕРГНУТОГО РЕЖИМА

Константинов Сергей Иванович
Доктор исторических наук, профессор кафедры истории государства и права Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург),
e-mail: konstantinov2904@mail.ru

На основе документов Государственного архива Свердловской области освещен вопрос преследования должностных лиц свергнутого царского режима после Февральской революции 1917 г. в Екатеринбурге.

Ключевые слова: Чрезвычайная следственная комиссия, юридическая дилемма, Комитет общественной безопасности Екатеринбурга, следственная комиссия, судьба должностных лиц старого режима, чрезвычайные органы советской власти

TO JUDGE IMPOSSIBLE TO RELEASE... THE FEBRUARY REVOLUTION OF 1917 AND ATTEMPTS TO PROSECUTE THE OFFICIALS OF THE SUBVERTED REGIME

Konstantinov Sergey
Ural State Law University (Yekaterinburg), e-mail: konstantinov2904@mail.ru

Basing on documents of the Sverdlovsk region state archive the author investigates the issue on prosecution of the officials of the tsarist regime after the February revolution of 1917 in Yekaterinburg.

Key words: Emergency Commission of Inquiry, legal dilemma, Yekaterinburg Committee of Public Safety, commission of inquiry, fate of the officials of the old regime, Soviet emergency bodies

Как и в известной сентенции, во фразе, вынесенной в заглавие, смысл меняется на противоположный всего лишь в зависимости от поставленного знака препинания. Подобную дилемму, тем не менее, приходится решать любому политическому режиму, особенно пришедшему к власти в результате революции или переворота. Тем интереснее взглянуть с этой точки зрения на опыт революции, происшедшей в нашей стране в феврале 1917 г.

Если о событиях в Петрограде, о деятельности Чрезвычайной следственной комиссии для расследования противозаконных по должности действий бывших министров, главноуправляющих и прочих должностных лиц как гражданского, так военного и морского ведомства, учрежденной 4 (17) марта Временным правительством, известно, то о подобной практике на местах информации значительно меньше.

Напомним, что Чрезвычайная следственная комиссия под председательством Н. К. Муравьева (с правами товарища министра юстиции) до Октябрьской революции так и не завершила свою работу, хотя материалов было собрано множество. Более того, комиссия продолжила деятельность даже после того, как были сметены

все учреждения Временного правительства. В Зимнем дворце и в камерах Петропавловской крепости было допрошено 59 царских министров, генералов и сановников. Часть допросов была опубликована в семи томах книги «Падение царского режима», но уже после революции, в 1924–1927 гг. Однако уже летом 1917 г. А. Ф. Керенский был вынужден признать, что в действиях «Николая II и его супруги не нашлось состава преступления»[1].

Современные исследователи считают вполне вероятным, что если бы комиссия довела свою работу до конца, то итог ее деятельности, безусловно, послужил бы юридическим прецедентом для судебных процессов по делу различных тоталитарных режимов, которыми изобиловал XX в., а также для трибуналов по делам о военных преступлениях, преступлениях против мира и человечества, которые, очевидно, уже готовит XXI в.

Получилось так, что перед Чрезвычайной следственной комиссией стоял тот же вопрос, который после окончания Второй мировой войны встал перед Нюрнбергским трибуналом: отпустить преступника на том основании, что в законе не было предусмотрено преступное деяние и кара за него, или подвергнуть заслуженному наказанию, несмотря на формальный пробел и упущение в законе? И в том и в другом случае вошли в противоречие две бесспорные для правоведа истины. Первая заключается в том, что нет преступления, нет наказания без того, чтобы они заранее не были оговорены в законе или обычае. Вторая – в том, что безнаказанность преступления опрокидывает любой правопорядок. Тогда общественное сознание, не увидев свершившегося правосудия, будет искать справедливость другим, скорее всего неправовым, путем. (Не это ли стало моральным оправданием в глазах большевиков деятельности будущей Всероссийской чрезвычайной комиссии – ВЧК?)

В своем вступительном слове на Нюрнбергском процессе судья Верховного суда США Джэксон подчеркнул, что его нисколько не смущает отсутствие прецедентов для предстоящего судебного разбирательства. В то время как в России в революционном 1917 г. отсутствие юридических прецедентов не только смутило, но и явилось непреодолимым препятствием для некоторых политиков и правоведов[2].

Подобная дилемма стояла и перед всеми властными структурами Временного правительства на местах. Это можно проиллюстрировать событиями марта – сентября 1917 г. в Екатеринбурге.

4 марта на собрании гласных городской Думы, членов екатеринбургского комитета Союза городов и представителей общественных организаций, состоявшемся в зале музыкального училища, был создан городской Комитет общественной безопасности (КОБ). На первом же заседании Исполнительной комиссии Комитета общественной безопасности 6 марта 1917 г. было решено «для избежания эксцессов со стороны населения» подвергнуть домашнему аресту полицмейстера Екатеринбурга Ключникова, уполномоченного по охране генерала Фортвенглера, арестовать жандармского ротмистра Ивановского и жандармских вахмистров, а также бывшего уполномоченного по охране, ныне председателя уездного съезда, генерала Н. А. Нецветаева[3].

---

[1] Цит. по: *Мельгунов С. П.* Судьба Императора Николая II после отречения. Историко-критические очерки. М., 2005. С. 53.

[2] *Варфоломеев Ю. В.* Итоги деятельности Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства // Известия высших учеб. заведений. Поволжский регион. Обществ. науки. Политика и право. 2012. № 2. С. 21–26.

[3] ГАСО (Государственный архив Свердловской области). Ф. Р-1573. Оп. 1. Д. 57. Л. 2об.

Должности «старорежимных» генералов стали теперь занимать «революционные» прапорщики. Так, бывший уполномоченный по охране порядка и общественного спокойствия Екатеринбургского и Верхотурского уездов генерал Ф. Э. Фортвенглер сдал дела члену Исполнительной комиссии Екатеринбургского КОБа прапорщику 126-го запасного пехотного полка Александру Васильевичу Воробьеву[1].

Арестовывать руководителя екатеринбургских жандармов, ротмистра Александра Александровича Ивановского 6 марта отправились лично председатель Екатеринбургского комитета РСДРП И. М. Малышев и член Екатеринбургского Совета С. В. Мрачковский (впоследствии, с 1920 г., командующий войсками Приуральского военного округа) в сопровождении взвода солдат. Эту миссию оба большевика взяли на себя, вероятно, в знак торжества справедливости. Ведь именно Ивановский арестовывал их за революционную деятельность в январе 1917 г. Ротмистр сдался без сопротивления. В его кабинете нашли изрезанные и разорванные секретные документы, личные дела сотрудников и другие бумаги.

Еще 2 марта были обезоружены все станционные жандармы по всей Уральской горнозаводской железной дороге. Накануне по всей линии получили телеграмму о том, что с поездом № 22 прибудут воинские чины и всем жандармам надлежит предъявить им оружие. Действительно, поезд прибыл, вышедшие из него офицеры и солдаты отобрали у жандармов револьверы и шашки, не предъявив при этом никаких документов, да и актов об изъятии оружия не дали[2].

12 марта были арестованы жандармский подполковник Стрельников и уездный исправник Квецинский[3]. Аресты продолжались и позднее. 15 марта арестован начальник Екатеринбургской почтовой конторы Леонард Леонардович Островецкий за участие в работе так называемого черного кабинета – органа, занимавшегося перлюстрацией и дешифрованием корреспонденции на почтамте, а также почтово-телеграфный чиновник Валерий Алексеевич Благодаров. 17 марта арестованы агенты охранного отделения Иван Яковлевич Шарапов и Иван Алексеевич Вяткин[4].

Как же сложилась дальнейшая судьба екатеринбургских должностных лиц старого режима?

Уже 11 марта согласно требованиям, изложенным в телеграмме бывшего председателя губернской земской управы, а с 6 по 23 марта – комиссара Временного правительства в Пермской губернии Е. Д. Калугина, был освобожден из-под стражи генерал Н. А. Нецветаев[5].

Кстати, арестованный в Перми губернатор Лозина-Лозинский должен был пойти под суд, но получил амнистию от Временного правительства и уехал из города. 14 марта убыл в действующую армию, как и другие жандармские вахмистры, например, бывший вахмистр Екатеринбургского отделения Пермского жандармского полицейского управления Илья Михайлович Аликин[6]. А уже 6 мая был отправлен в действующую армию и жандармский подполковник Стрельников[7].

Что делать дальше, новые власти не знали, и 21 марта КОБ попросил у Министерства внутренних дел разъяснений, как поступить с этими лицами «ввиду от-

[1] ГАСО. Ф. Р-1573. Оп. 1. Д. 50. Л. 10.
[2] *Кириллов А., Каета Г.* Средний Урал в горниле революций 1917 и 1991 годов. Екатеринбург, 2017. С. 51.
[3] ГАСО. Ф. Р-1573. Оп. 1. Д. 57. Л. 15.
[4] Там же. Ф. Р-1198. Оп. 1. Д. 40. Л. 4.
[5] Там же. Ф. Р-1573. Оп. 1. Д. 57. Л. 7.
[6] Там же. Ф. Р-1198. Оп. 1. Д. 40. Л. 4.
[7] Там же. Ф. Р-1573. Оп. 1. Д. 57. Л. 66.

сутствия состава преступления по прежним законам, но и освобождение которых опасно с точки зрения общественной безопасности»[1].

Из всех арестованных только ротмистр А. А. Ивановский содержался на гарнизонной гауптвахте. Режим содержания был не слишком строгий. Так, 12 марта Ивановскому, находящемуся под следствием, был назначен как офицеру паек стоимостью в 3 руб.[2] Для сравнения, заключенные Екатеринбургской городской тюрьмы, где на 7 апреля 1917 г. содержалось 179 человек, получали суточных по 26 коп.[3] Все другие жандармские офицеры или не содержались под арестом, или выбыли на фронт. Решением совместной следственной комиссии Совета рабочих и солдатских депутатов и Комитета общественной безопасности от 23 июня и Ивановскому заключение было заменено домашним арестом[4]. Через три дня, 26 июня, прокурор города запросил КОБ, имеются ли препятствия к отправке Ивановского на фронт[5]. Что, по-видимому, и было сделано.

Еще 4 марта полицмейстер Екатеринбурга Никита Анисимович Ключников (1861 – не ранее 1919), коллежский советник, кавалер орденов Святого Станислава III и II степени, Святой Анны II степени, Святого Владимира IV степени, явился на экстренное заседание городской Думы и попросил слова. «С того времени, – сказал он, – как стало известно о переходе власти к новому правительству, стало проявляться враждебное отношение населения к чинам полиции. С них срывали погоны, плевали в лицо, оскорбляли, делали угрозы. Не желая подвергать чинов полиции оскорблениям, я их убрал, иные, не желая рисковать, ушли сами. Нижние чины бросили оружие, и город остался без надзора. Хулиганы подняли голову, усилились кражи, грабежи. Я должен просить городское управление позаботиться о безопасности города и о судьбе полиции...» Выслушав полицмейстера, Дума приняла проект постановления, выдвинутый временной комиссией Комитета общественной безопасности: предложить местной жандармерии и полиции не позже 10 часов утра 5 марта сдать оружие городскому голове.

В газете «Зауральский край» 7 марта было опубликовано обращение Ключникова к своим подчиненным: «Отныне Российское государство управляется новым Временным правительством, образованным Государственной Думой, правительством, пользующимся доверием народа. Отдав себя с радостью в распоряжение означенного полноправного правительства вместе со всеми подчиненными мне должностными лицами, начиная со старших чинов, кончая городовыми, объявляю, что в настоящее время мы все, согласно указаниям свыше, находимся в ведении Екатеринбургского городского головы. А потому вся наша служебная деятельность должна протекать в полном согласии, единодушии с Городским общественным управлением на началах, возвещенных новым правительством, не за страх, а за совесть. Будем надеяться, что и для нас наступила светлая пора, что мы будем пользоваться не презрением общества, как было прежде, а его поддержкой и уважением, что общество облегчит нашу задачу. Постараемся же доказать, что мы достойны доверия. Да здравствует новое правительство! Да благоденствует под его управлением наша Великая Россия!

[1] ГАСО. Ф. Р-1198. Оп. 1. Д. 40. Л. 4.
[2] Там же. Ф. Р-1573. Оп. 1. Д. 57. Л. 15.
[3] Там же. Л. 7, 9, 98.
[4] Там же. Ф. Р-1198. Оп. 1. Д. 40. Л. 22.
[5] Там же. Л. 23.

Да здравствует Екатеринбургское городское самоуправление в лице его городского головы, членов управы и господ гласных. Ура!»[1]

В тот же день, 7 марта, полицмейстера арестовали, несмотря на его лояльность[2]. Следствие по его делу проводили члены следственной секции КОБа Лев Израилевич Меклер и Сергей Ильич Хренов[3]. 17 мая в отношении Ключникова прокурором Казанской судебной палаты было возбуждено дело по ст. 364 Устава о наказаниях, т. е. по обвинению всего лишь в уничтожении служебной переписки[4]. Сам же Ключников уверял, что дела никакие не уничтожал. К следствию был привлечен бывший секретарь полицейского управления Кощеев, служивший в то время уже в народной милиции, который хорошо знал архив полицейского управления и мог проверить, находятся ли в целости все секретные дела[5]. Видимо, и с его помощью доказать виновность полицмейстера не удалось. Находился Ключников во время следствия под домашним арестом. Вместе с ним проживали его дети. Ему были разрешены прогулки по городу с часовым без винтовки, как докладывал Комитету общественной безопасности начальник народной милиции. В результате 5 августа 1917 г. Казанская судебная палата сообщила прокурору Екатеринбургского окружного суда об изменении меры пресечения в отношении Ключникова и необходимости потребовать от него поручительства с имущественной ответственностью в размере 1000 руб.[6]

Более того, на судебном заседании Н. А. Ключников сумел убедить присяжных в том, что уничтоженные им папки никакой ценности для новой власти не представляли. Он также решительно отверг обвинения в свой адрес в том, что участвовал в подавлении рабочего движения в 1905 и 1917 гг. Никита Анисимович был оправдан, но просьбы использовать его опыт борьбы с уголовной преступностью в рядах народной милиции были отклонены.

Летом 1918 г., после занятия Урала белыми, была восстановлена народная милиция и опыт Ключникова оказался востребованным. Имеются сведения, что в марте 1919 г. он занимал пост начальника милиции Перми, а затем Шадринска. Дальнейшая судьба Н. А. Ключникова осталась неизвестной даже для его родственников. Его жена, 11 детей, двое из которых, ставшие офицерами, погибли, проживали после Гражданской войны в Чите[7].

В течение лета 1917 г. Комитет общественной безопасности Екатеринбурга все больше терял авторитет. Следственная комиссия под руководством радикально настроенных офицеров – председателя прапорщика Н. Н. Селянина, товарищей председателя прапорщиков А. Г. Клевенского, М. П. Самоквасова и др. – 23 августа направила министру внутренних дел запрос. В нем говорилось: «Прокурор Екатеринбургского окружного суда, отношением своим от 17 августа, сообщил комиссии о полученной им от Прокурора Казанской судебной палаты телеграмме, по которой аресты вновь открываемых сотрудников возможны только по приказам МВД по соглашению с военными властями и через уездного и губернского комиссара. Такой

[1] *Кириллов А., Каета Г.* Указ. соч. С. 51. Никита Анисимович Ключников ошибочно назван авторами Николаем Александровичем.

[2] ГАСО. Ф. Р-1198. Оп. 1. Д. 42. Л. 39.

[3] Там же. Л. 33.

[4] Там же. Д. 8.

[5] Там же. Д. 42. Л. 50.

[6] Там же. Л. 42.

[7] *Ознобихина Т. А., Кононов Е. Д.* Личность Н. А. Ключникова в истории // Молодой ученый. 2014. № 6. С. 611–614.

длительный путь для испрошения разрешений на право ареста установленных секретных сотрудников и провокаторов... отнимает гарантию на то, что по получению приказа Министерства подлежащий аресту... не изменит своего местожительства...» В пример приводилось исчезновение из города прокурора окружного суда А. А. Гилькова, который еще 1 августа был избран председателем очередного заседания следственной комиссии Совета рабочих и солдатских депутатов и КОБа, а теперь подлежал аресту. Следственная комиссия просила разрешения санкционировать аресты прокурору местного суда[1]. Таким образом, мы видим все большее возрастание радикализма на местах и тщетные попытки воспрепятствовать этому процессу со стороны Временного правительства.

15 июня 1917 г. совместная Следственная комиссия Екатеринбургского совета рабочих и солдатских депутатов и Комитета общественной безопасности на совещании с представителями демократических и общественных организаций, судебного ведомства и других учреждений приняла решение о необходимости «создания в Екатеринбурге Временного Народного Суда для разрешения дел о разных лицах, содержащихся под стражей и обвиняемых в принадлежности к бывшей охранке, в провокации и пр., каковые дела выдвинуты революцией и не входят в компетенцию существующих судов»[2].

На заседании 28 августа Н. Н. Селянин вынужден был огласить, что «ввиду последовавшего постановления Временного правительства, опубликованного в Вестнике его от 20 августа сего года за № 135 дела о лицах арестованных во внесудебном порядке подлежат рассмотрению Губернской (Областной) Комиссией и следовательно предполагавшийся к открытию в г. Екатеринбурге Временный Народный Суд сам по себе отпадает...». Но борьба не закончена. Селянин предложил все же открыть Временный народный суд и провести хотя бы два-три заседания под предлогом того, что некоторые из обвиняемых до сих пор остаются в заключении и семьи их находятся в тяжелом положении. Более того, принято постановление о доведении до сведения Министерства юстиции и прокурора Казанской судебной палаты по телеграфу об открытии с 5 сентября Временного народного суда в Екатеринбурге. Также решено было избрать особую комиссию для рассмотрения с юридической точки зрения соответствия закону этого постановления Временного правительства. Комиссия избрана в составе все тех же прапорщиков Клевенского и Самоквасова, а также гражданина М. А. Колосова[3].

Любопытно привести персональный состав этого объединенного заседания Следственной комиссии Екатеринбургского совета рабочих и солдатских депутатов и Комитета общественной безопасности с судьями, избранными в учреждаемый Временный народный суд. От Следственной комиссии – прапорщики Н. Н. Селянин, М. П. Самоквасов, А. Г. Клевенский, граждане Л. И. Меклер и М. А. Колосов, прапорщик А. Ф. Соколов, солдаты Н. А. Доброклонский и Г. Н. Ваганов. Секретарь – солдат Е. П. Сюткин. Представители судей: от Совета рабочих и солдатских депутатов – подпоручик В. Я. Павловский, от КОБа – П. Э. Штеллинг, от партии социал-демократов большевиков – солдат Я. М. Юровский (будущий исполнитель казни бывшего российского императора Николая II, его семьи и слуг), от партии социал-демократов меньшевиков – граждане А. Сундуков и С. Л. Шульман, от партии социалистов-рево-

[1] ГАСО. Ф. Р-1198. Оп. 1. Д. 37. Л. 1; Д. 2. Л. 25.
[2] Там же. Д. 2. Л. 24.
[3] Там же. Л. 1.

люционеров – гражданин Я. Н. Гутман, от трудовой народно-социалистической партии – граждане И. И. Тихонов, И. С. Петухов, от Бунда – С. Л. Паин и Н. Е. Израель[1].

Власть в городе постепенно переходила в руки органа, состоящего из местных (окружного и областного) комитетов Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. В результате 1 сентября 1917 г. Комитет общественной безопасности был официально ликвидирован решением Совета[2].

Совсем иначе дело преследования бывших царских чиновников и служащих, в том числе полицейских и жандармов, было поставлено при советской власти. Чтобы очертить историю создания и деятельность чрезвычайных органов советской власти в Екатеринбурге, необходимо перенестись в 1918 г., самый короткий в современной истории страны (из-за переноса дат), но предельно насыщенный судьбоносными для города событиями.

Библиография

Варфоломеев Ю. В. Итоги деятельности Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства // Известия высших учеб. заведений. Поволжский регион. Обществ. науки. Политика и право. 2012. № 2.

Государственный архив Свердловской области. Ф. Р-1198. Оп. 1. Д. 2. Л. 1, 24, 25; Д. 8; Д. 37. Л. 1; Д. 40. Л. 4, 22, 23; Д. 42. Л. 33, 39, 42, 50.

Государственный архив Свердловской области. Ф. Р-1573. Оп. 1. Д. 50. Л. 10; Д. 57. Л. 2об., 7, 9, 15, 66, 98, 103.

Кириллов А., Каета Г. Средний Урал в горниле революций 1917 и 1991 годов. Екатеринбург, 2017.

Мельгунов С. П. Судьба Императора Николая II после отречения. Историко-критические очерки. М., 2005.

Ознобихина Т. А., Кононов Е. Д. Личность Н. А. Ключникова в истории // Молодой ученый. 2014. № 6.

Bibliography

Gosudarstvennyj arxiv Sverdlovskoj oblasti. F. R-1198. Op. 1. D. 2. L. 1, 24, 25; D. 8; D. 37. L. 1; D. 40. L. 4, 22, 23; D. 42. L. 33, 39, 42, 50.

Gosudarstvennyj arxiv Sverdlovskoj oblasti. F. R-1573. Op. 1. D. 50. L. 10; D. 57. L. 2ob., 7, 9, 15, 66, 98, 103.

Kirillov A., Kaeta G. Srednij Ural v gornile revolyucij 1917 i 1991 godov. Ekaterinburg, 2017.

Mel'gunov S. P. Sud'ba Imperatora Nikolaya II posle otrecheniya. Istoriko-kriticheskie ocherki. M., 2005.

Oznobixina T. A., Kononov E. D. Lichnost' N. A. Klyuchnikova v istorii // Molodoj uchenyj. 2014. № 6.

Varfolomeev Yu. V. Itogi deyatel'nosti Chrezvychajnoj sledstvennoj komissii Vremennogo pravitel'stva // Izvestiya vysshix ucheb. zavedenij. Povolzhskij region. Obshhestv. nauki. Politika i pravo. 2012. № 2.

[1] ГАСО. Ф. Р-1198. Оп. 1. Д. 2. Л. 1.

[2] Там же. Ф. Р-1573. Оп. 1. Д. 57. Л. 103.

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА В СТРАНАХ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Кожевникова Екатерина Олеговна
Магистрант Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург),
e-mail: ir-zaytseva@rambler.ru

На основе норм гражданских процессуальных кодексов государств СНГ и других стран постсоветского пространства дается сравнительная характеристика института гражданского процессуального представительства в этих странах. Анализируются такие компоненты данного института, как возможность ведения дел через представителей, виды представительства, требования, предъявляемые к представителям, оформление полномочий представителей и объем их полномочий. Делаются выводы относительно регламентации указанных аспектов процессуального представительства в странах постсоветского пространства.

Ключевые слова: институт гражданского процессуального представительства, договорное представительство, законное представительство, представительство по назначению суда, полномочия представителей, адвокатская монополия

A COMPARATIVE DESCRIPTION OF REPRESENTATION IN CIVIL PROCEDURE UNDER THE LEGISLATION OF THE POST-SOVIET COUNTRIES

Kozhevnikova Ekaterina
Ural State Law University (Yekaterinburg),
e-mail: ir-zaytseva@rambler.ru

By referring to the rules of the CIS and other post-Soviet countries' procedural codes the author gives a comparative description of representation in civil procedure in these countries. She analyzes following components of this institution: the possibility to conduct proceedings through representatives; types of representation; requirements for representatives; authorization of representatives and the scope of their authority, and comes to conclusions on how they will be regulated in the post-Soviet countries.

Key words: representation in civil procedure, contractual representation, legal representation, court-appointed representation, authorized representatives, advocates' monopoly

Гражданский процесс основывается на инициативе и активности спорящих сторон, которые могут защищать свои интересы в суде самостоятельно или обратиться за помощью для ведения дел в суде к представителю. Современное правовое регулирование института процессуального представительства за рубежом «идет по пути внедрения в судопроизводство различных институтов профессионального судебного представительства, вплоть до полной адвокатской монополии»[1]. В России введение адвокатской монополии на судебное представительство – тема для дискуссий как

[1] *Соловьев А. А.* Квалификационные требования к представителям в административном судебном процессе (зарубежный опыт) // Вестн. Финанс. ун-та. 2016. № 2. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/kvalifikatsionnye-trebovaniya-k-predstavitelyam-v-administrativnom-sudebnom-protsesse-zarubezhnyy-opyt (дата обращения: 15.03.2017).

в научном сообществе, так и среди практиков. Поэтому актуально сравнение законодательства России и иных стран.

Гражданское процессуальное законодательство государств СНГ и других стран постсоветского пространства содержит нормы, регламентирующие институт представительства в суде: гл. 5 ГПК РФ[1]; гл. 6 ГПК Республики Армения от 7 августа 1998 г. № ЗР-247[2] (далее – ГПК РА); гл. 6 ГПК Азербайджанской Республики от 28 декабря 1999 г. № 780-IQ[3] (далее – ГПК АР); гл. 9 ГПК Республики Беларусь от 11 января 1999 г. № 238-З[4] (далее – ГПК РБ); гл. 6 ГПК Республики Казахстан от 31 октября 2015 г. № 377-V[5] (далее – ГПК РК); гл. 6 ГПК Кыргызской Республики от 29 декабря 1999 г. № 146[6] (далее – ГПК РК); гл. VI ГПК Республики Молдова от 30 мая 2003 г. № 225-XV[7] (далее – ГПК РМ); гл. 5 ГПК Республики Таджикистан от 5 января 2008 г.[8] (далее – ГПК РТ); гл. 11 ГПК Туркменистана от 18 августа 2015 г. № 260-V[9]; гл. 5 ГПК Республики Узбекистан от 30 августа 1997 г. № 477-I[10] (далее – ГПК РУ); гл. 4 ГПК Украины от 18 марта 2004 г.[11]; гл. XII ГПК Грузии от 14 августа 1997 г. № 1106-Ic[12]; гл. 12 ГПК Латвии от 3 ноября 1998 г.[13]; гл. 23 ГПК Эстонии от 20 апреля 2005 г.[14]

Возможность ведения дел через представителей. Виды представительства. Процессуальные кодексы всех указанных стран предусматривают для граждан возможность вести свои дела в суде лично или через представителей. При этом личное участие в деле граждан не лишает их права иметь по этому делу представителей.

Дела юридических лиц и иных организаций, не имеющих статус юридического лица, могут вести в суде их органы (руководители), действующие в пределах полномочий, предоставленных им законами или учредительными документами (уставом), и (или) их представители (ст. 48 ГПК РФ, ст. 39 ГПК РА, ст. 69 ГПК АР, ст. 70 ГПК РБ, ст. 57 ГПК РК, ст. 52 ГПК КР, ст. 50 ГПК РТ, ст. 131 ГПК Туркменистана, ст. 50 ГПК РУ, ст. 38 ГПК Украины, ст. 93 ГПК Грузии, ст. 82 ГПК Латвии, ст. 217 ГПК Эстонии).

Своеобразная норма содержится в законодательстве Латвии: физические лица, уполномоченные представители физических и юридических лиц, а также руководители государственных учреждений и учреждений самоуправления или уполномоченный ими представитель могут приглашать по своим делам адвокатов для оказания юридической помощи. При этом приглашенный адвокат может участвовать в процессе одновременно с иными представителями (ч. 4 ст. 82 ГПК Латвии).

Иначе решен вопрос об участии представителей в законодательстве Республики Молдова. В соответствии со ст. 75 ГПК РМ физические лица могут защищать свои

---

[1] СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.
[2] URL: http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=1918&lang=rus (дата обращения: 15.03.2017).
[3] URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30420065#pos=464;-251 (дата обращения: 15.03.2017).
[4] URL: http://etalonline.by/?type=text&regnum=HK9900238#load_text_none_1_2 (дата обращения: 15.03.2017).
[5] URL: http://online.zakon.kz/m/Document/?doc_id=34329053#sub_id=570000 (дата обращения: 15.03.2017).
[6] URL: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/12 (дата обращения: 15.03.2017).
[7] URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30397949#pos=32;-261 (дата обращения: 15.03.2017).
[8] URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30410757#pos=2314;-239 (дата обращения: 15.03.2017).
[9] URL: http://minjust.gov.tm/ru/mmerkezi/doc_view.php?doc_id=15067 (дата обращения: 15.03.2017).
[10] URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30421419#pos=6;-249 (дата обращения: 15.03.2017).
[11] URL: http://kodeksy.com.ua/ka/grajdanskij_protsesual_nij_kodeks_ukraini/download.htm (дата обращения: 15.03.2017).
[12] URL: https://matsne.gov.ge/ru/document/download/29962/92/ru/pdf (дата обращения: 15.03.2017).
[13] URL: http://socblock.lv/publ/zakonodatelstvo_latvijskoj_respubliki_na_russkom/1-1-0-2 (дата обращения: 15.03.2017).
[14] URL: http://www.juristaitab.ee/ru/zakonodatelstvo (дата обращения: 15.03.2017).

интересы в гражданском деле в судебных инстанциях лично, через адвоката или адвоката-стажера (личное участие в деле не лишает физическое лицо права иметь адвоката). Таким образом, установлена адвокатская монополия на судебное представительство интересов граждан. Дела юридических лиц могут вести их органы управления, действующие в пределах полномочий, предоставленных им законом, иными нормативными актами или учредительными документами, а также другие уполномоченные служащие юридического лица, адвокаты или адвокаты-стажеры.

В законодательстве большинства анализируемых стран речь идет о *добровольном (договорном) представительстве.*

Законодательство некоторых стран предусматривает также *участие* в судебном процессе *представителя по назначению суда.* При этом в качестве представителей могут выступать либо только адвокаты, либо адвокаты и иные лица.

Так, согласно ст. 50 ГПК РФ, ст. 52 ГПК РТ только адвокаты назначаются судом в случае отсутствия представителя у ответчика, место жительства которого неизвестно и у которого нет представителя, а также в других случаях, предусмотренных законом.

ГПК РМ (ст. 77) закрепляет, что суд вправе назначить по собственной инициативе стороне или третьему лицу представителя-адвоката:

а) если недееспособные или ограниченно дееспособные сторона процесса или третье лицо не имеют законного представителя либо если место жительства ответчика неизвестно;

б) если судебной инстанцией установлен конфликт интересов между представителем и представляемым, признанным недееспособным или ограниченно дееспособным;

в) в соответствии с условиями, обозначенными в ст. 304 и 316 ГПК РМ (если лицо, в отношении которого рассматривается вопрос о признании его ограниченно дееспособным или недееспособным, не воспользовалось в суде помощью адвоката либо лицо, в отношении которого решается вопрос о госпитализации в психиатрический стационар, не представлено в суде адвокатом);

г) в других предусмотренных законом случаях.

В силу ст. 77 ГПК РБ суд назначает представителя стороне или третьему лицу в следующих случаях:

1) при отсутствии представителя у недееспособной стороны или третьего лица;

2) при отсутствии представителя у ответчика, место жительства (место нахождения) которого неизвестно;

3) когда представитель не вправе вести судебное дело по основаниям, установленным Кодексом о браке и семье Республики Беларусь[1] (например, лица, больные хроническим алкоголизмом, наркоманией, токсикоманией; лица, которые по состоянию здоровья не могут осуществлять права и выполнять обязанности опекуна, попечителя; лица, лишенные родительских прав, и другие лица, указанные в ст. 153 Кодекса);

4) в других установленных законом случаях.

При наличии обстоятельств, перечисленных в пп. 1 и 3 ч. 1 ст. 77 ГПК РБ, представителем может быть назначен работник органа опеки и попечительства, а в случае, названном в п. 2 ч. 1 ст. 77 ГПК РБ, представителями могут быть назначены родственники и другие граждане с их согласия.

[1] URL: http://etalonline.by/?type=text&regnum=HK9900278#load_text_none_1 (дата обращения: 20.03.2017).

В Эстонии представительство по назначению регламентируется ст. 219 ГПК. В соответствии с ч. 5 этой статьи представителем назначается адвокат в порядке, установленном Законом Эстонии о государственной юридической помощи[1]. Помимо адвоката представителем может быть назначено иное лицо, которое, по оценке суда, обладает достаточной для этого компетенцией и соглашается с представительством (ч. 7 ст. 219). Суд назначает временного представителя лицу, не обладающему гражданской процессуальной дееспособностью и у которого отсутствует законный представитель (до вступления в процесс законного представителя) – ч. 1 ст. 219.

В соответствии с ч. 2 ст. 219 ГПК Эстонии при рассмотрении дел, возникающих из семейных правоотношений, суд может назначить представителя лицу, не обладающему гражданской процессуальной дееспособностью, если это необходимо для защиты его интересов. Представитель должен быть назначен, если:

1) интересы не обладающего гражданской процессуальной дееспособностью лица находятся в существенном противоречии с интересами его законного представителя;

2) суд рассматривает установление опеки над не обладающим гражданской процессуальной дееспособностью лицом;

3) суд рассматривает применение мер по обеспечению благополучия ребенка в связи с отделением ребенка от семьи либо с полным лишением права опеки над лицом;

4) суд рассматривает изъятие ребенка у приемной семьи, или у одного из супругов, или у иного управомоченного на общение с ребенком лица.

Если лицо, не обладающее гражданской процессуальной дееспособностью, представляет адвокат или иной уместный представитель, то назначения представителя не требуется (ч. 3 ст. 219 ГПК Эстонии).

Процессуальное законодательство (ст. 52 ГПК РФ, ст. 43 ГПК РА, ст. 72 ГПК АР, ст. 74 ГПК РБ, ст. 62 ГПК РК, ст. 56 ГПК КР, ст. 79 ГПК РМ, ст. 54 ГПК РТ, ст. 136 ГПК Туркменистана, ст. 51 ГПК РУ, ст. 39 ГПК Украины, ст. 101 ГПК Грузии, ч. 3 ст. 219 ГПК Эстонии) также регламентирует *законное представительство* интересов несовершеннолетних, граждан, признанных недееспособными или ограниченно дееспособными, лиц, признанных в установленном законом порядке безвестно отсутствующими, и иных лиц:

права, свободы и законные интересы несовершеннолетних, граждан, признанных недееспособными или ограниченно дееспособными, защищают их родители, усыновители, опекуны, попечители или иные лица, которым это право предоставлено законом;

права, свободы и законные интересы граждан, признанных в установленном порядке безвестно отсутствующими, защищает доверительный управляющий его имуществом или опекун, назначенный для управления и охраны имущества безвестно отсутствующего;

права, свободы и законные интересы наследников, еще не принявших наследство, представляет опекун, попечитель или иное лицо, назначенное для охраны и (или) управления наследственным имуществом.

[1] На основании постановления суда Адвокатура Эстонии незамедлительно назначает адвоката; суд не имеет права договариваться с адвокатом относительно оказания государственной юридической помощи и назначать адвоката, оказывающего государственную юридическую помощь. Подробнее см.: чч. 1, 2 ст. 18 Закона Эстонии от 28 июня 2004 г. «О государственной юридической помощи» (в ред. от 15 декабря 2016 г.) // URL: http://www.juristaitab.ee/ru/zakonodatelstvo (дата обращения: 20.03.2017).

Законным представителям предоставлено право поручить ведение дела в суде другому лицу, избранному ими в качестве представителя. В соответствии со ст. 79 ГПК РМ и ст. 101 ГПК Грузии законные представители могут поручить ведение дела только адвокату.

Своеобразная норма, которая ограничивает права родителей по законному представительству интересов несовершеннолетних детей, содержится в законодательстве Эстонии: если ребенка в процессе представляет назначенный для этого представитель, то родители не имеют права представлять ребенка в процессе (ч. 7 ст. 217 ГПК Эстонии).

Законодательство Беларуси предусматривает также *общественное представительство* – это изложение мнений общественных объединений и трудовых коллективов по делу (ст. 78 ГПК РБ).

Требования, предъявляемые к представителям. Процессуальное законодательство устанавливает, кто может быть представителем в суде и кому запрещено представлять чужие интересы (ст. 49 и 51 ГПК РФ, ст. 40 ГПК РА, ст. 70 и 71 ГПК АР, ст. 72, 73 и 106 ГПК РБ, ст. 57–59 ГПК РК, ст. 54 и 55 ГПК КР, ст. 75 ГПК РМ, ст. 51 и 53 ГПК РТ, ст. 132 и 135 ГПК Туркменистана, ст. 38 ГПК Украины, ст. 52 и 55 ГПК РУ, ст. 94 и 95 ГПК Грузии, ст. 82–84 ГПК Латвии, ст. 217, 218, 220 ГПК Эстонии).

В большинстве указанных кодексов установлено, что представителем в суде *может быть* любое дееспособное лицо, полномочия которого на ведение дел в суде оформлены надлежащим образом, за исключением случаев, предусмотренных законодательством. Однако в кодексах ряда стран (Беларусь, Казахстан, Узбекистан, Грузия, Эстония) приведен перечень лиц, которые могут быть судебными представителями.

Например, в соответствии с ч. 1 ст. 58 ГПК РК представителями по поручению в суде могут быть следующие лица:

адвокаты;

работники юридических лиц – по делам этих юридических лиц, а государственных органов – по делам этих государственных органов и их территориальных подразделений;

уполномоченные профессиональных союзов – по делам рабочих, служащих, а также других лиц, защита прав и интересов которых осуществляется этими профессиональными союзами;

уполномоченные организаций, которым законом, уставом или положением предоставлено право защищать права и интересы членов этих организаций, а также права и интересы других лиц;

один из соучастников по поручению других соучастников;

другие лица, имеющие высшее юридическое образование, допущенные судом по просьбе лиц, участвующих в деле.

Похожий перечень лиц, которые могут быть судебными представителями, содержится в ст. 72 ГПК РБ, ст. 52 ГПК РУ, ст. 94 ГПК Грузии, ст. 218 ГПК Эстонии.

Отличительной чертой законодательства Казахстана является ограничение по кругу представителей в зависимости от судебной инстанции (ч. 3 ст. 57 ГПК РК). Так, в судах первой и апелляционной инстанций представителями могут быть любые лица, указанные в ч. 1 ст. 58 ГПК РК, а в суде кассационной инстанции – лица, названные в ч. 1 ст. 58 ГПК РК, за исключением соучастников.

В Эстонии ограничивается круг лиц, которые могут быть представителями в Государственном суде – высшем судебном органе этой страны (чч. 3–5 ст. 218 ГПК Эстонии). К их числу относятся:

адвокаты;

соответствующий министр или назначенный им представитель – при представлении интересов Эстонской Республики;

банкротный управляющий – при представлении интересов несостоятельного должника;

нотариус – по делам неискового производства в порядке, установленном ст. 30 Закона о нотариате (при представлении интересов участников нотариального действия в связи с этими действиями[1]).

Законодательством Молдовы, как отмечалось ранее, установлена адвокатская монополия на судебное представительство интересов граждан в любых судах (ст. 75 ГПК РМ).

Подобные ограничения по участию представителей в гражданском судопроизводстве предусматриваются и в законодательстве других зарубежных стран.

Так, в соответствии со ст. 828 ГПК Франции[2] в процессе в суде малой инстанции и в местном суде стороны могут привлечь в качестве своего помощника или представителя: адвоката; своего супруга; партнера или лицо, с которым заключено гражданское партнерство; своих родственников или свойственников по прямой линии либо по боковой линии до третьей степени родства включительно; лиц, которые полностью находятся в их личном услужении или состоят в штате их предприятия. На основании ст. 751 ГПК Франции при рассмотрении дел судом большой инстанции на стороны возлагается обязанность «избрать адвокатов, в отсутствие нормативного положения, предусматривающего противное». Апелляционное производство в соответствии со ст. 899 ГПК Франции требует участия профессионального представителя, если законом прямо не предусмотрено иное. После формального объединения с 1 января 2010 г. двух юридических профессий (поверенного и адвоката) монополией на представительство в апелляционных судах стали обладать адвокаты[3]. При рассмотрении дел в Кассационном суде Франции «в отсутствие нормативного положения, предусматривающего противное, на стороны возлагается обязанность избрать себе адвоката при Государственном совете и Кассационном суде» (ст. 973 ГПК Франции). Таким образом, во Франции круг лиц, имеющих право быть представителями, зависит от суда и судебной инстанции, по сути, установлена адвокатская монополия на представительство при рассмотрении дел судом большой инстанции, а также при пересмотре судебных постановлений в апелляционном и кассационном порядке.

В Германии круг лиц, имеющих право быть представителями, зависит от того, осуществляется ли судебный процесс с обязательным участием адвоката или без обязательного участия адвокатов. В большинстве судов общей юрисдикции Германии (земельные суды, высшие земельные суды и Федеральный верховный суд) стороны должны вести свои дела при помощи адвоката (§ 78 Гражданского процессуального

[1] О нотариате: Закон Эстонии от 6 декабря 2000 г. (в ред. от 6 мая 2009 г.) // URL: https://www.notar.ee/15760 (дата обращения: 20.03.2017).

[2] Новый Гражданский процессуальный кодекс Франции / пер. с фр. В. Захватаев; отв. ред. А. Довгерт. Киев, 2004 // URL: http://lawbook.online/zarubejnyih-protsess-grajdanskiy/novyiy-grajdanskiy-protsessualnyiy-kodeks.html (дата обращения: 22.03.2017).

[3] Проверка судебных постановлений в гражданском процессе стран ЕС и СНГ: моногр. / З. Х. Баймолдина и др.; под ред. Е. А. Борисовой. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2012.

уложения Германии[1]; далее – ГПУ). В районных судах, где процесс осуществляется без обязательного участия адвокатов, стороны могут поручить представление своих интересов адвокатам. Иные лица могут быть представителями в районных судах только в случаях, предусмотренных законом. Например, совершеннолетние члены семьи, лица, обладающие способностью исполнять должность судьи, и процессуальные соучастники, если представительство не связано с возмездной деятельностью; потребительские центры и другие союзы потребителей, имеющие государственную поддержку, – в случае взыскания по требованиям потребителей в рамках их компетенции (абз. 2 § 79 ГПУ). Итак, в Германии по большинству дел, рассматриваемых в судах общей юрисдикции, установлена адвокатская монополия.

Запрет на представительство чужих интересов обусловлен следующими основаниями:

отсутствие полной дееспособности;

занятие определенной деятельностью: работа в качестве судьи, прокурора, следователя, дознавателя, кроме случаев участия их в процессе в качестве уполномоченных соответствующих организаций или в качестве законных представителей (Россия, Азербайджан, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан, Украина, Грузия, Латвия), либо депутата (Азербайджан, Казахстан, Кыргызстан);

представительство интересов противоположной стороны по делу (Азербайджан, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Туркменистан, Украина, Латвия);

выполнение иной процессуальной функции по делу (Азербайджан, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Туркменистан, Украина);

родственные отношения с должностным лицом, принимающим участие в рассмотрении дела (Азербайджан, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Латвия, Туркменистан), и иными участниками процесса (Беларусь, Казахстан).

ГПК АР (ст. 71) и ГПК РБ (ст. 106, 107) устанавливают, что при наличии оснований, исключающих возможность быть представителями интересов других лиц, участники процесса могут заявить представителю отвод.

По законодательству Казахстана (чч. 4, 5 ст. 59 ГПК РК) в аналогичной ситуации представители по поручению отстраняются от участия в деле судом по ходатайству лица, участвующего в деле, или по инициативе суда. Об этом суд выносит определение, которое заносится в протокол судебного заседания.

В соответствии с ч. 2 ст. 84 ГПК Латвии суд не допускает лицо к рассмотрению дела в качестве представителя при «констатации» предусмотренных законом запретов осуществлять представительство.

Своеобразная норма установлена в ГПК Грузии (ст. 97): суд может отказать в допуске на процесс в качестве представителя лица, не являющегося адвокатом, если сочтет, что оно не обладает достаточными данными для того, чтобы представлять сторону и защищать ее права. Определение суда о таком отказе обжалованию не подлежит.

В гражданских процессуальных кодексах России, Армении, Кыргызстана, Таджикистана, Узбекистана, Украины не урегулирован вопрос о том, как «вывести» из процесса лицо, которому было поручено представительство интересов других лиц, при наличии установленных запретов.

[1] URL: http://www.gesetze-im-internet.de/zpo/BJNR005330950.html#BJNR005330950 BJNG079200301; http://zakoniros.ru/?p=20163 (дата обращения: 22.03.2017).

Оформление полномочий представителей. Объем полномочий представителей. Процессуальные кодексы всех государств СНГ, а также других стран постсоветского пространства *оформление полномочий представителей* ставят в зависимость от того, кто выполняет функцию представителя (ст. 53 ГПК РФ, ст. 41 ГПК РА, ст. 72 и 73 ГПК АР, ст. 75 и 76 ГПК РБ, ст. 61 ГПК РК, ст. 57 ГПК КР, ст. 80 ГПК РМ, ст. 55 ГПК РТ, ст. 133 ГПК Туркменистана, ст. 42 ГПК Украины, ст. 53 ГПК РУ, ст. 96 ГПК Грузии, ст. 85 ГПК Латвии, ст. 221 ГПК Эстонии).

1. Полномочия адвоката, как правило, удостоверяются ордером адвокатского образования.

По ГПК Украины к ордеру обязательно прилагается выписка из договора, в котором указываются полномочия адвоката как представителя или ограничение его прав на совершение отдельных процессуальных действий, вместо ордера может быть предоставлен договор. Это отличается от оформления полномочий адвокатов в других странах, в том числе в России. Например, п. 1 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»[1] запрещает требовать от адвоката и его доверителя предъявления соглашения об оказании юридической помощи для вступления адвоката в дело. В соответствии с ч. 2 ст. 221 ГПК Эстонии полномочия адвоката, являющегося договорным представителем, подтверждает доверенность, которая предъявляется суду.

2. Полномочия законных представителей удостоверяются документами, подтверждающими статус родителей, опекунов, попечителей и иных законных представителей.

3. Полномочия представителей юридических лиц и иных организаций оформляются письменной доверенностью, выдаваемой за подписью руководителя соответствующего органа или иного должностного лица; руководители организаций представляют суду документы, удостоверяющие их служебное положение или полномочия.

4. Полномочия представителей физических лиц, кроме адвокатов, оформляются письменной доверенностью, удостоверенной в установленном законом порядке.

Полномочия представителей также могут быть определены в устном заявлении доверителя в суде, занесенном в протокол судебного заседания. При этом в ряде стран такой порядок оформления полномочий возможен только для представителей граждан (Беларусь и Узбекистан) либо для соучастников (Казахстан, Кыргызстан, Латвия).

Объем полномочий представителей, кроме законных представителей, регламентируется ст. 54 ГПК РФ, ст. 41 ГПК РА, ст. 74 ГПК АР, ст. 79 ГПК РБ, ст. 60 ГПК РК, ст. 58 ГПК КР, ст. 81 ГПК РМ, ст. 56 ГПК РТ, ст. 133 ГПК Туркменистана, ст. 54 ГПК РУ, ст. 98 ГПК Грузии, ст. 86 ГПК Латвии, ст. 222 ГПК Эстонии.

Практически во всех указанных процессуальных кодексах предусмотрено, что представитель, полномочия которого были надлежащим образом оформлены, вправе совершать любые процессуальные действия, необходимые для успешного разрешения дела, не связанные с распорядительными действиями, т. е. осуществлять общие полномочия представителя.

Специальные полномочия, связанные с осуществлением распорядительных действий, представитель может осуществлять, если об этом есть отдельная оговорка

[1] Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации: Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ (в ред. от 2 июня 2016 г.) // СЗ РФ. 2002. № 23. Ст. 2102.

в доверенности (по ГПК РМ для адвокатов такая оговорка делается в ордере). К таким полномочиям, например, относятся: подписание искового заявления, передача дела в третейский суд, полный или частичный отказ от исковых требований, признание иска, изменение предмета или основания иска, заключение мирового соглашения, соглашения о применении медиации, медиативного соглашения, передача полномочий другому лицу, обжалование судебного акта, требование принудительного исполнения судебного акта, получение присужденного имущества или денег.

Иначе этот вопрос решен в законодательстве Украины и Эстонии. В соответствии со ст. 44 ГПК Украины представитель, имеющий полномочия на ведение дела в суде, может совершать от имени лица, которое он представляет, все процессуальные действия, которые имеет право совершать это лицо. Ограничение полномочий представителя на совершение определенного процессуального действия должно быть оговорено в выданной ему доверенности. На основании ч. 1 ст. 222 ГПК Эстонии право на представление в суде, т. е. надлежащим образом оформленное полномочие, дает представителю право на совершение от имени представляемого всех процессуальных действий. Участник процесса вправе ограничивать права представительства по закону, это касается права прекратить судебный спор судебным компромиссом, отказаться от иска или признать иск, при условии, что ограничение сообщено суду и участникам процесса.

Объем полномочий представителей по законодательству Украины и Эстонии аналогичен закрепленному в ст. 417 ГПК Франции и § 81 ГПУ Германии.

Законные представители совершают от имени представляемых все процессуальные действия, право совершения которых принадлежит представляемым, с ограничениями, предусмотренными законом (ст. 52 ГПК РФ, ст. 72 ГПК АР, ст. 74 ГПК РБ, ст. 62 ГПК РК, ст. 56 ГПК КР, ст. 79 ГПК РМ, ст. 54 ГПК РТ, ст. 133 ГПК Туркменистана, ст. 101 ГПК Грузии).

Проведенное в рамках настоящей работы исследование по вопросам представительства позволяет сделать ряд выводов.

Процессуальное законодательство государств СНГ, а также других стран постсоветского пространства предусматривает для граждан возможность вести свои дела в суде лично или через представителей; личное участие в деле граждан не лишает их права иметь по этому делу представителей.

Процессуальные кодексы указанных стран регламентируют добровольное (договорное) представительство и законное представительство интересов несовершеннолетних и иных лиц. Законодательство некоторых стран предусматривает также участие в судебном процессе представителя по назначению суда (в качестве представителей могут назначаться либо только адвокаты, либо адвокаты и иные лица).

Процессуальное законодательство устанавливает, кто может быть представителем в суде и кому запрещено представлять чужие интересы. В большинстве случаев представителем в суде может быть любое дееспособное лицо, полномочия которого на ведение дел в суде оформлены надлежащим образом, за исключением случаев, предусмотренных законодательством. Однако в кодексах ряда стран (Беларусь, Казахстан, Узбекистан, Грузия, Эстония) приведен перечень лиц, которые могут быть судебными представителями. Запрет на представительство чужих интересов обусловлен: отсутствием полной дееспособности; представительством интересов противоположной стороны по делу; выполнением иной процессуальной функции по делу;

родственными отношениями с должностным лицом, принимающим участие в рассмотрении дела.

Адвокатскую монополию на судебное представительство интересов граждан предусматривает только законодательство Республики Молдова.

Процессуальные кодексы стран СНГ и других стран постсоветского пространства оформление полномочий представителей ставят в зависимость от того, кто выполняет функцию представителя. В большинстве случаев надлежащим образом оформленное полномочие дает представителю право совершать любые процессуальные действия, не связанные с распорядительными действиями. Полномочия, связанные с распорядительными действиями, представитель может осуществлять, если об этом есть отдельная оговорка в доверенности. Иные правила установлены в ГПК Украины и Эстонии: представитель, полномочия которого надлежащим образом оформлены, в силу закона наделен правом совершать любые процессуальные действия.

Библиография

Гражданский процессуальный кодекс Азербайджанской Республики от 28 декабря 1999 г. № 780-IQ // URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30420065#pos=464;-251.

Гражданский процессуальный кодекс Грузии от 14 августа 1997 г. № 1106-Ic // URL: https://matsne.gov.ge/ru/document/download/29962/92/ru/pdf.

Гражданский процессуальный кодекс Кыргызской Республики от 29 декабря 1999 г. № 146 // URL: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/12.

Гражданский процессуальный кодекс Латвии от 3 ноября 1998 г. // URL: http://socblock.lv/publ/zakonodatelstvo_latvijskoj_respubliki_na_russkom/1-1-0-2.

Гражданский процессуальный кодекс Республики Армения от 7 августа 1998 г. № ЗР-247 // URL: http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=1918&lang=rus.

Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь от 11 января 1999 г. № 238-З // URL: http://etalonline.by/?type=text&regnum=HK9900238#load_text_none_1_2.

Гражданский процессуальный кодекс Республики Казахстан от 31 октября 2015 г. № 377-V // URL: http://online.zakon.kz/m/Document/?doc_id=34329053#sub_id=570000.

Гражданский процессуальный кодекс Республики Молдова от 30 мая 2003 г. № 225-XV // URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30397949#pos=32;-261.

Гражданский процессуальный кодекс Республики Таджикистан от 5 января 2008 г. // URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30410757#pos=2314;-239.

Гражданский процессуальный кодекс Республики Узбекистан от 30 августа 1997 г. № 477-I // URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30421419#pos=6;-249.

Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

Гражданский процессуальный кодекс Туркменистана от 18 августа 2015 г. № 260-V // URL: http://minjust.gov.tm/ru/mmerkezi/doc_view.php?doc_id=15067.

Гражданский процессуальный кодекс Украины от 18 марта 2004 г. // URL: http://kodeksy.com.ua/ka/grajdanskij_protsesual_nij_kodeks_ukraini/download.htm.

Гражданский процессуальный кодекс Эстонии от 20 апреля 2005 г. // URL: http://www.juristaitab.ee/ru/zakonodatelstvo.

Гражданское процессуальное уложение Германии от 12 сентября 1950 г. // URL: http://www.gesetze-im-internet.de/zpo/BJNR005330950.html#BJNR005330950 BJNG079200301; http://zakoniros.ru/?p=20163.

Кодекс о браке и семье Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 278-З // URL: http://etalonline.by/?type=text&regnum=HK9900278#load_text_none_1.

Новый Гражданский процессуальный кодекс Франции / пер. с фр. В. Захватаев; отв. ред. А. Довгерт. Киев, 2004 // URL: http://lawbook.online/zarubejnyih-protsess-grajdanskiy/novyiy-grajdanskiy-protsessualnyiy-kodeks.html.

О государственной юридической помощи: Закон Эстонии от 28 июня 2004 г. (в ред. от 15 декабря 2016 г.) // URL: http://www.juristaitab.ee/ru/zakonodatelstvo.

О нотариате: Закон Эстонии от 6 декабря 2000 г. (в ред. от 6 мая 2009 г.) // URL: https://www.notar.ee/15760.

Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации: Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ (в ред. от 2 июня 2016 г.) // СЗ РФ. 2002. № 23. Ст. 2102.

Проверка судебных постановлений в гражданском процессе стран ЕС и СНГ: моногр. / З. Х. Баймолдина и др.; под ред. Е. А. Борисовой. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2012.

Соловьев А. А. Квалификационные требования к представителям в административном судебном процессе (зарубежный опыт) // Вестн. Финанс. ун-та. 2016. № 2. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/kvalifikatsionnye-trebovaniya-k-predstavitelyam-v-administrativnom-sudebnom-protsesse-zarubezhnyy-opyt.

Bibliography

Grazhdanskij processual'nyj kodeks Azerbajdzhanskoj Respubliki ot 28 dekabrya 1999 g. № 780-IQ // URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30420065#pos=464;-251.

Grazhdanskij processual'nyj kodeks Ehstonii ot 20 aprelya 2005 g. // URL: http://www.juristaitab.ee/ru/zakonodatelstvo.

Grazhdanskij processual'nyj kodeks Gruzii ot 14 avgusta 1997 g. № 1106-Is // URL: https://matsne.gov.ge/ru/document/download/29962/92/ru/pdf.

Grazhdanskij processual'nyj kodeks Kyrgyzskoj Respubliki ot 29 dekabrya 1999 g. № 146 // URL: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/12.

Grazhdanskij processual'nyj kodeks Latvii ot 3 noyabrya 1998 g. // URL: http://socblock.lv/publ/zakonodatelstvo_latvijskoj_respubliki_na_russkom/1-1-0-2.

Grazhdanskij processual'nyj kodeks Respubliki Armeniya ot 7 avgusta 1998 g. № ZR-247 // URL: http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=1918&lang=rus.

Grazhdanskij processual'nyj kodeks Respubliki Belarus' ot 11 yanvarya 1999 g. № 238-Z // URL: http://etalonline.by/?type=text&regnum=HK9900238№load_text_none_1_2.

Grazhdanskij processual'nyj kodeks Respubliki Kazaxstan ot 31 oktyabrya 2015 g. № 377-V // URL: http://online.zakon.kz/m/Document/?doc_id=34329053№sub_id=570000.

Grazhdanskij processual'nyj kodeks Respubliki Moldova ot 30 maya 2003 g. № 225-XV // URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30397949#pos=32;-261.

Grazhdanskij processual'nyj kodeks Respubliki Tadzhikistan ot 5 yanvarya 2008 g. // URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30410757#pos=2314;-239.

Grazhdanskij processual'nyj kodeks Respubliki Uzbekistan ot 30 avgusta 1997 g. № 477-I // URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30421419#pos=6;-249.

Grazhdanskij processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 14 noyabrya 2002 g. № 138-FZ // SZ RF. 2002. № 46. St. 4532.

Grazhdanskij processual'nyj kodeks Turkmenistana ot 18 avgusta 2015 g. № 260-V // URL: http://minjust.gov.tm/ru/mmerkezi/doc_view.php?doc_id=15067.

Grazhdanskij processual'nyj kodeks Ukrainy ot 18 marta 2004 g. // URL: http://kodeksy.com.ua/ka/grajdanskij_protsesual_nij_kodeks_ukraini/download.htm.

Grazhdanskoe processual'noe ulozhenie Germanii ot 12 sentyabrya 1950 g. // URL: http://www.gesetze-im-internet.de/zpo/BJNR005330950.html#BJNR005330950 BJNG079200301; http://zakoniros.ru/?p=20163.

Kodeks o brake i sem'e Respubliki Belarus' ot 9 iyulya 1999 g. № 278-Z // URL: http://etalonline.by/?type=text&regnum=HK9900278№load_text_none_1.

Novyj Grazhdanskij processual'nyj kodeks Francii / per. s fr. V. Zaxvataev; otv. red. A. Dovgert. Kiev, 2004 // URL: http://lawbook.online/zarubejnyih-protsess-grajdanskiy/novyiy-grajdanskiy-protsessualnyiy-kodeks.html.

O gosudarstvennoj yuridicheskoj pomoshhi: Zakon Ehstonii ot 28 iyunya 2004 g. (v red. ot 15 dekabrya 2016 g.) // URL: http://www.juristaitab.ee/ru/zakonodatelstvo.

O notariate: Zakon Ehstonii ot 6 dekabrya 2000 g. (v red. ot 6 maya 2009 g.) // URL: https://www.notar.ee/15760.

Ob advokatskoj deyatel'nosti i advokature v Rossijskoj Federacii: Federal'nyj zakon ot 31 maya 2002 g. № 63-FZ (v red. ot 2 iyunya 2016 g.) // SZ RF. 2002. № 23. St. 2102.

Proverka sudebnyx postanovlenij v grazhdanskom processe stran ES i SNG: monogr. / Z. X. Bajmoldina i dr.; pod red. E. A. Borisovoj. 2-e izd., pererab. i dop. M., 2012.

Solov'ev A. A. Kvalifikacionnye trebovaniya k predstavitelyam v administrativnom sudebnom processe (zarubezhnyj opyt) // Vestn. Finans. un-ta. 2016. № 2. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/kvalifikatsionnye-trebovaniya-k-predstavitelyam-v-administrativnom-sudebnom-protsesse-zarubezhnyy-opyt.

ВАЛЮТНЫЕ ЦЕННОСТИ КАК ПРЕДМЕТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ: ВОПРОСЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СТОИМОСТИ

Екимов Алексей Александрович
Магистрант Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург),
e-mail: ekimov-alex@bk.ru

Рассматриваются вопросы определения стоимости валютных ценностей и ее влияние на квалификацию в случаях, когда валютные ценности являются предметом преступления или используются для стоимостного выражения незаконных действий. Критически оценивается существующий порядок определения стоимости валютных ценностей на основе официального курса ЦБ РФ. Указывается, что в настоящее время виновным вменяется сумма, значительно бóльшая, чем та, которую они могут получить в действительности при конвертации валютных ценностей в рубли. Необходимо устанавливать фактическую (рыночную) стоимость иностранной валюты и внешних ценных бумаг.

Ключевые слова: валютные ценности, стоимость иностранной валюты, определение размера, фактическая стоимость, преступления с валютой

CURRENCY VALUES AS A SUBJECT OF CRIME: ISSUES OF DETERMINING THE VALUE

Ekimov Aleksey
Ural State Law University (Yekaterinburg),
e-mail: ekimov-alex@bk.ru

Issues of determining the value of currency values and its impact on qualification when currency values are the subject of a crime or used for the value expression of illegal actions are considered. The existing procedure for determining the value of currency values using the official CBR rate is critically evaluated. It is pointed out that at present the guilty person is charged with a sum much larger than they can actually receive when converting currency values into rubles. It is necessary to establish the actual (market) value of foreign currency and external securities.

Key words: currency values, value of foreign currency, determination of size, actual value, crimes with currency

В настоящее время согласно уголовному закону валютные ценности могут быть предметом преступления или использоваться для стоимостного выражения незаконных действий более чем по 20 составам. В п. 5 ч. 1 ст. 1 Федерального закона «О валютном регулировании и валютном контроле»[1] валютные ценности определены как иностранная валюта и внешние ценные бумаги.

К иностранной валюте относятся:

а) денежные знаки в виде банкнот, казначейских билетов, монеты, находящиеся в обращении и являющиеся законным средством наличного платежа на территории соответствующего иностранного государства (группы иностранных государств), а также изымаемые либо изъятые из обращения, но подлежащие обмену указанные денежные знаки;

[1] О валютном регулировании и валютном контроле: Федеральный закон от 10 декабря 2003 г. № 173-ФЗ (с изм. от 3 июля 2016 г.) // СЗ РФ. 2003. № 50. Ст. 4859.

б) средства на банковских счетах и в банковских вкладах в денежных единицах иностранных государств и международных денежных или расчетных единицах.

Внешние ценные бумаги определены как ценные бумаги, в том числе в бездокументарной форме, не относящиеся в соответствии с законом к внутренним ценным бумагам.

Уголовный кодекс РФ не оперирует таким понятием, как «валютные ценности», однако в зависимости от конкретного состава преступления в УК РФ данные виды ценностей относятся к имуществу (гл. 21 УК РФ), называются как «иностранная валюта и ценные бумаги в иностранной валюте» (ст. 186 УК РФ), охватываются понятиями «наличные денежные средства и денежные инструменты», «деньги и ценные бумаги» (гл. 23 и 30 УК РФ) либо частично относятся к понятиям «денежные средства, денежные средства в иностранной валюте» (ст. 193, 193^1, 199^2 УК РФ).

Разрешение спорных вопросов, касающихся порядка определения стоимости иностранной валюты и внешних ценных бумаг на момент совершения преступления, представляется особенно актуальным в тех составах преступлений, где выделены их квалифицированные разновидности в зависимости от установленного размера:

стоимости экземпляров произведений или фонограмм либо прав на использование объектов авторского права и смежных прав (ст. 146 УК РФ);

стоимости похищенного или незаконно требуемого имущества (ст. 158, 158^1, 159, 159^1, 159^2, 159^3, 159^5, 159^6, 160, 161, 162, 163 УК РФ);

стоимостного выражения причиненного ущерба (ст. 165 УК РФ);

незаконно извлеченного дохода (ст. 171, 171^2, 172^2, 185^4, 242, 242^1 УК РФ);

стоимостного выражения незаконных действий (ст. 171^1, 174, 174^1, 193, 193^1, 200^1, 200^3, 226^1 УК РФ);

излишнего дохода или убытков, которых избежали (ст. 185^3, 185^6 УК РФ);

нарицательной стоимости поддельных денег, предмета коммерческого подкупа, взятки (ст. 186, 204, 290, 291, 291^1 УК РФ).

Во всех перечисленных случаях иностранная валюта и внешние ценные бумаги могут быть предметом преступления или использоваться для стоимостного выражения незаконных действий. Например, доход от незаконного использования объектов авторского права может быть получен в иностранной валюте или внешних ценных бумагах, данные ценности могут быть похищены или с их помощью могут быть совершены финансовые операции в целях легализации. В связи с этим возникнет необходимость установления стоимости валютных ценностей в рублях.

Актуальность исследования обусловлена существенным влиянием указанных характеристик предмета на квалификацию по соответствующей части статьи УК РФ, пределы наказания, определение категории тяжести и, как следствие, на порядок назначения наказания, вид исправительного учреждения, возможность условного осуждения, освобождения от уголовной ответственности и наказания, сроки давности и судимости, преступность приготовления к преступлению и др.

Следует отметить, что в ряде составов преступлений конститутивным признаком является специально оговоренный размер предмета преступления (ст. 171^1, 176, 177, 178, ч. 5 ст. 184, 191, 192, 199^2, 200^2, 204^2, 291^2 УК РФ): значительный, крупный, не превышающий 10 000 руб.

Исходя из этого точное установление размера предмета на момент совершения преступления влияет не только на квалификацию в рамках одной статьи Особенной части УК РФ и разграничение смежных составов преступлений (кража и мелкая

кража, получение, дача взятки и мелкое взяточничество), но и на решение вопроса о признании деяния преступным.

Итак, в современном уголовном законодательстве и актах разъяснения высшей судебной инстанции по вопросам судебной практики не содержится нормативных указаний на порядок определения стоимости валютных ценностей. В п. 2 ст. 317 Гражданского кодекса РФ закреплено, что подлежащая уплате в рублях сумма определяется по официальному курсу соответствующей валюты или условных денежных единиц на день платежа, если иной курс или иная дата его определения не установлены законом или соглашением сторон. Вероятно, отсылку к официальному курсу валюты восприняла сложившаяся судебно-следственная практика, которая исходит из того, что стоимость валюты, выраженную в рублях РФ, следует определять на основе курса Центрального банка РФ на дату совершения преступления. Данный порядок расчета стоимости теорией и практикой рассматривается как некая аксиома.

Так, в приговорах судов содержатся следующие формулировки: «В. В. А. передала деньги в виде иностранной валюты в сумме... долларов США, эквивалентные... рублям, по курсу Центрального банка России на...»[1]; «...А. получил от К. взятку в виде денег в сумме 9000 долларов США, что по курсу Центрального банка Российской Федерации на указанную дату составляло 280 710 рублей...»[2]; «...В. потребовал передать лично ему незаконное денежное вознаграждение – взятку в сумме 15 000 евро (что по курсу ЦБ РФ составляло 518 085 рублей 00 копеек)...»[3]

Представляется, что данный порядок расчета не может в полной мере отражать размер соответствующего предмета преступления, поскольку официальный курс иностранных валют Центрального банка РФ устанавливается *без обязательства Банка России покупать или продавать указанные валюты по установленному курсу* (п. 1 Положения об установлении и опубликовании Центральным банком Российской Федерации официальных курсов иностранных валют по отношению к рублю[4]).

Кроме того, банковские учреждения в месте совершения преступления имеют право устанавливать иной, отличный от курса ЦБ РФ курс покупки и продажи иностранной валюты.

Исходя из этого виновный, чьи преступные деяния связаны с использованием валютных ценностей (их хищение, извлечение дохода, получение взятки и т. п.), не имеет ни теоретической, ни практической возможности получить эквивалент суммы в рублях по курсу ЦБ РФ. Официальный курс, установленный ЦБ РФ, не отражает действительную стоимость иностранной валюты, а в ряде случаев отличается от устанавливаемого банковскими учреждениями на несколько рублей за единицу иностранной валюты.

Например, по состоянию на 29 июня 2017 г. официальный курс доллара США, установленный ЦБ РФ, равнялся 59 руб. 54 коп., в то время как курс покупки доллара США варьировался:

в банках Москвы от 57 руб. 60 коп. до 58 руб. 80 коп.;

---

[1] Приговор Луховицкого районного суда Московской области от 24 октября 2012 г. // URL: http://судебныерешения.рф/bsr/case/2920620 (дата обращения: 29.06.2017).

[2] Приговор Московского областного суда от 11 марта 2011 г. // URL: http://судебныерешения.рф/bsr/case/1281389 (дата обращения: 29.06.2017).

[3] Приговор Мурманского областного суда от 2 сентября 2010 г. // URL: http://судебныерешения.рф/bsr/case/73636 (дата обращения: 29.06.2017).

[4] Положение об установлении и опубликовании Центральным банком Российской Федерации официальных курсов иностранных валют по отношению к рублю: утв. Банком России 18 апреля 2006 г. № 286-П // Вестн. Банка России. 2006. № 24.

в банках Екатеринбурга от 56 руб. 50 коп. до 58 руб. 70 коп.;

в банках Новосибирска от 56 руб. 70 коп. до 57 руб. 65 коп.[1]

Таким образом, в разных городах России курс покупки иностранной валюты (долларов США и др.) существенно ниже, чем курс, официально установленный ЦБ РФ. Это означает, что лицам, совершающим преступления, связанные с использованием валютных ценностей, в настоящее время вменяется сумма, значительно бóльшая, чем та, которую они могут получить в действительности при конвертации валютных ценностей в рубли. К примеру, в случае получения 29 июня 2017 г. взятки в размере 2600 долл. США по курсу ЦБ РФ размер взятки будет составлять 154 804 руб. (крупный размер), а даже по самому высокому курсу покупки валюты банками Новосибирска – 149 890 руб. (значительный размер), а по среднему курсу покупки иностранной валюты в Новосибирске – еще меньше: 148 655 руб. Санкция по ч. 2 ст. 290 УК РФ (значительный размер) предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок *до шести лет* со штрафом в размере до тридцатикратной суммы взятки, а в случае квалификации по п. «в» ч. 5 ст. 290 УК РФ (крупный размер) санкция предусматривает лишение свободы на срок *от семи до двенадцати лет* со штрафом в размере до шестидесятикратной суммы взятки. Столь существенная разница в сроке, размере и виде наказания установлена и в иных преступлениях, которые могут быть связаны с валютными ценностями.

Как отмечается в абз. 4 п. 25 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое», определяя размер похищенного имущества, следует исходить из его *фактической стоимости на момент совершения преступления.* Подобные положения содержались в ранее действовавшем постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 25 апреля 1995 г. № 6 «О некоторых вопросах применения судами законодательства об ответственности за преступления против собственности». В п. 6 названного Постановления указывалось, что при определении стоимости имущества, ставшего объектом преступления, следует исходить в зависимости от обстоятельств приобретения его собственником из *государственных розничных, рыночных или комиссионных цен на момент совершения преступления.* Аналогичная позиция заявлена высшей судебной инстанцией в актах разъяснения по вопросам судебной практики в отношении иных преступлений, не связанных с хищениями.

Кроме того, как отмечает В. В. Хилюта, отечественная доктрина уголовного права в основе предмета хищения видит стоимостный (ценовой) критерий, указывающий именно на размер стоимости похищенного, определение ценности имущества осуществляется посредством его оценки в денежном выражении[2]. Схожей позиции придерживаются А. Г. Безверхов, А. И. Бойцов, Л. Д. Гаухман[3]. Общее доминирующее положение заключается в том, что стоимость предмета хищения, сумму незаконно извлеченного дохода, излишнего дохода или убытков, которых избежали, стоимостного выражения незаконных действий *необходимо устанавливать на момент совершения преступления исходя из сложившихся рыночных цен, которые и отража-*

[1] Курс доллара США // ИА «Банки.ру»: URL: http://www.banki.ru/products/currency/cash/usd (дата обращения: 29.06.2017); Курсы валют // РИА «БанкИнформСервис»: URL: https://bankinform.ru/services/rates (дата обращения: 29.06.2017).

[2] *Хилюта В. В.* Хищение: понятие, признаки, проблемы квалификации: моногр. Гродно, 2011. С. 105.

[3] См., например: *Безверхов А. Г.* Имущественные преступления. Самара, 2002. С. 136; *Бойцов А. И.* Преступления против собственности. СПб., 2002. С. 110; *Гаухман Л. Д., Максимов С. В.* Ответственность за преступления против собственности. М., 1997. С. 24.

ют фактическую стоимость. Иное означало бы необоснованное вменение виновному бóльшей или, напротив, меньшей стоимости иностранной валюты и внешних ценных бумаг. Кроме того, конституционный принцип толкования всех сомнений в пользу обвиняемого, установленный в ст. 49 Конституции РФ и ст. 14 Уголовно-процессуального кодекса РФ, позволяет заявить о необходимости реализации именно данного подхода.

Исходя из этого во всех случаях, когда преступные действия связаны с валютными ценностями, нужно устанавливать фактическую стоимость иностранной валюты и внешних ценных бумаг, а не использовать для расчетов курс ЦБ РФ. Установление фактической стоимости валютных ценностей в конкретном субъекте Российской Федерации возможно путем определения средних рыночных цен – устанавливаемых банковскими учреждениями *курсов покупки* иностранной валюты. Препятствий для выяснения таких средних цен с учетом технических возможностей в XXI в. не имеется. Информация о курсах покупки иностранной валюты общедоступна и может быть с легкостью обработана. Усложнение порядка определения стоимости иностранной валюты и внешних ценных бумаг на момент совершения преступления при данных обстоятельствах оправдано.

Библиография

Безверхов А. Г. Имущественные преступления. Самара, 2002.

Бойцов А. И. Преступления против собственности. СПб., 2002.

Гаухман Л. Д., Максимов С. В. Ответственность за преступления против собственности. М., 1997.

О валютном регулировании и валютном контроле: Федеральный закон от 10 декабря 2003 г. № 173-ФЗ (с изм. от 3 июля 2016 г.) // СЗ РФ. 2003. № 50. Ст. 4859.

Положение об установлении и опубликовании Центральным банком Российской Федерации официальных курсов иностранных валют по отношению к рублю: утв. Банком России 18 апреля 2006 г. № 286-П // Вестн. Банка России. 2006. № 24.

Приговор Луховицкого районного суда Московской области от 24 октября 2012 г. // URL: http://судебныерешения.рф/bsr/case/2920620.

Приговор Московского областного суда от 11 марта 2011 г. // URL: http://судебныерешения.рф/bsr/case/1281389.

Приговор Мурманского областного суда от 2 сентября 2010 г. // URL: http://судебныерешения.рф/bsr/case/73636.

Хилюта В. В. Хищение: понятие, признаки, проблемы квалификации: моногр. Гродно, 2011.

Bibliography

Bezverxov A. G. Imushhestvennye prestupleniya. Samara, 2002.

Bojcov A. I. Prestupleniya protiv sobstvennosti. SPb., 2002.

Gauxman L. D., Maksimov S. V. Otvetstvennost' za prestupleniya protiv sobstvennosti. M., 1997.

O valyutnom regulirovanii i valyutnom kontrole: Federal'nyj zakon ot 10 dekabrya 2003 g. № 173-FZ (s izm. ot 3 iyulya 2016 g.) // SZ RF. 2003. № 50. St. 4859.

Polozhenie ob ustanovlenii i opublikovanii Central'nym bankom Rossijskoj Federacii oficial'nyx kursov inostrannyx valyut po otnosheniyu k rublyu: utv. Bankom Rossii 18 aprelya 2006 g. № 286-P // Vestn. Banka Rossii. 2006. № 24.

Prigovor Luxovickogo rajonnogo suda Moskovskoj oblasti ot 24 oktyabrya 2012 g. // URL: http://sudebnyeresheniya.rf/bsr/case/2920620.

Prigovor Moskovskogo oblastnogo suda ot 11 marta 2011 g. // URL: http://sudebnyeresheniya.rf/bsr/case/1281389.

Prigovor Murmanskogo oblastnogo suda ot 2 sentyabrya 2010 g. // URL: http://sudebnyeresheniya.rf/bsr/case/73636.

Xilyuta V. V. Xishhenie: ponyatie, priznaki, problemy kvalifikacii: monogr. Grodno, 2011.

ЭЛЕКТРОННОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ К «РОССИЙСКОМУ ЮРИДИЧЕСКОМУ ЖУРНАЛУ»

Главный редактор Издательского дома
Уральского государственного юридического университета
А. Н. Митин

Редактор *О. Ю. Петрова*
Дизайн обложки *И. М. Митрофанова*
Компьютерная вёрстка *И. В. Яцюк*

Подписано к использованию 31.08.17.
Уч.-изд. л. 16,79.
Объем 1,41 MB

Согласно п. 1 ч. 2 ст. 1, п. 1 ч. 4 ст. 11
Федерального закона от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ
маркировке не подлежит

Издательский дом
Уральского государственного юридического университета.
620137, Екатеринбург, ул. Комсомольская, 23.
Тел.: 375-58-31, 374-32-35. E-mail: idom@list.ru